

Джин Эдвард Бейз младший

**ВРЕМЕНА
ПОСТМОДЕРНА**

**The translation and publishing of this book has
been made by Lutheran Heritage Foundation**

Translator: *E. Terekhin*

Editor: *Zhanna Grigorova*

Theological editor: *Mast. of Theol., Rev. A. Bite*

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without the prior written permission of the Lutheran Heritage Foundation.

The Lutheran Heritage Foundation of Education and Culture
P.O. Box 11, Moscow, 127521

**Перевод на русский язык и публикация данной
книги выполнены Просветительским Фондом
«Лютеранское Культурное Наследие»**

Переводчик: *Евгений Терехин*

Редактор русского текста: *Жанна Григорова*

Теол. редактор: *Магистр богословия, пастор Александр Бите*

Все права на русский перевод принадлежат Фонду «Лютеранское Наследие». Ни одна часть этой книги не может перепечатываться, копироваться, храниться или передаваться механическими, электронными, фотографическими, магнитными или любыми другими способами без предварительного письменного разрешения Фонда.

Просветительский Фонд «Лютеранское Культурное Наследие»
127521, Москва, а/я 11

Originally published in the U.S.A. under the title «*Postmodern Times. A Christian Guide to Contemporary Thought and Culture*» by Gene Edward Veith, Jr., Copyright © 1994 by Gene Edward Veith, Jr.

ISBN 1-58712-084-4

Postmodern Times. A Christian Guide to Contemporary Thought and Culture, by Gene Edward Veith, Jr., Russian version. Copyright © 2001, Lutheran Heritage Foundation, P.O. Box 46, Sterling Heights, MI 48311.

Времена постмодерна. Христианский взгляд на современную мысль и культуру, Джин Эдвард Вейт младший (на русском языке). Все права на перевод сохранены © 2000, Фонд «Лютеранское Наследие», P.O. Box 46, Sterling Heights, MI 48311.

Содержание

Предисловие.....	9
I. «Отсутствие абсолютного»	12
Абсолютных понятий не бывает	13
Сдвиг в мировоззрении	16
Вавилонское проклятие.....	17
Обзор этой книги.....	20
Часть первая. Постмодернистическая мысль.....	23
II. От модернизма к постмодернизму	23
Домодернистическое общество.....	25
Просвещение	29
Голоса протеста	32
Закат модернизма	35
Антипросвещение	39
Постмодернизм и цивилизация	42
III. Созидание и разрушение истины.....	44
Антифундаментализм.....	45
Разрушение языка.....	48
Когда нет истины.....	54
Сомнительные средства.....	58
Деконструктивизм и христианство	61
Язык человеческий и язык Божий.....	63
Пределы разума	67
IV. Критикуя человеческое	70
Критикуя человеческое	72
Жизнь без идентичности.....	80
Два «я» в христианстве.....	87
Часть вторая. Искусство постмодернизма.....	92
V. Игра с условностями: искусство и перформанс	92
Модернизм и постмодернизм в искусстве.....	93
Перформанс	100
Дегуманизация искусства	104
Политики от искусства.....	107
VI. Вавилонские башни: Образец архитектуры.....	111

Современная архитектура	112
Архитектура постмодернизма.....	114
Деконструктивная архитектура.....	116
Торговые центры и тематические парки.....	118
Возвращение в Вавилон	121
VII. Метафизии: телевидение, кино и литература ..	121
Телевидение.....	122
Кино	127
Метафизия.....	128
Магический реализм	133
Сущность популярности.....	135
Новая журналистика	139
Сверхреализм	141
Часть третья. Постмодернистическое общество	144
VIII. Новый трайбализм	144
Деление общества	145
Культурный синкретизм	150
IX. Политика силы	159
Политическое воздействие постмодернизма	160
Современная демократия	169
Постмодернисты встречаются с русскими	175
X. Постмодернизм в повседневности	178
Постмодернистическая ментальность.....	179
Постмодернистический бизнес.....	180
Новый класс.....	182
Судьба науки	185
Образование	187
Социальная политика.....	189
Мировое пространство	190
Часть четвертая. Постмодернистическая религия	195
XI. Духовность без истины.....	195
Истина или желание.....	197
Мораль или желание.....	200
Новые религии	203
Возможности общества	207
XII. Христианство постмодерна.....	214
Евангельский постмодернизм.....	215
Конфессиональный выбор.....	222

Использование постмодернизма	227
XIII. Заключение: «Когда разрушены основания»	230
Что делает праведник?	231
Уроки истории	234
Господь во святом храме Своем.....	239

Предисловие

Многие сегодня чувствуют, что эра модерна подошла к концу. Почти во всех областях и сферах жизни, начиная с академической сферы и кончая новыми социальными феноменами, посылки, формировавшие мышление двадцатого столетия, разбиваются вдребезги. На пороге двадцать первого века¹ становится понятно, что западная культура вступает в новую фазу своего развития, которую исследователи называют «постмодерном».

При этом менее понятно, хорошо это или плохо. С одной стороны, ярчайший пример общества, построенного на модернистических принципах материализма, атеизма и социального конструирования — СССР, — канул в небытие. Традиционные американские идеалы рыночной экономики и личной свободы завоевывают мир. Христианство, которое не только пережило коммунизм, но и явилось основной причиной его краха, приобретает новую привлекательность, в то время как старые модернистические рассуждения предаются забвению, и миллионы людей во всем мире открывают для себя Слово Божие, обращаясь ко Христу.

Однако, с другой стороны, общество раскалывается на два противоборствующих лагеря. Межплеменная вражда, терроризм и этнические чистки раскалывают мир пополам. Американцы ведут «внутрикультурные битвы», споря по нравственным вопросам, таким как аборт и эвтаназия, а также по таким интеллектуальным вопросам как образование и культурные различия. Озабоченные «политической корректностью» университеты уже не исходят из модернистической посылки, что существует одна объективная рациональная истина. Даже такие элементарные вопросы как значение западной цивилизации, и те повисают в воздухе: является ли западное наследие воплощением достижений человечества и свободы или оно принесло миру лишь расизм, сексуальную распущенность, империализм и человеконенавистничество?

Культурное пространство заполнено самыми разнообразными группами, такими как феминисты, геи, афро-американцы, неоконсерваторы и противники абортов. Эти разношерстные объединения,

¹ Книга написана в 1994 г. — *Прим. ред.*

по-видимому, не имеют никакого общего основания или общей точки отсчета, вокруг которой можно было бы построить общение, не говоря уже о достижении согласия. А между тем семьи разрушаются, СПИД уносит тысячи жизней, а средства массовой информации погружают нас всех в телевизионный дурман.

Так хороши ли постмодернистические перемены с христианской точки зрения? Возможно, нам придется согласиться с Диккенсом: «Это было лучшее из времен; это было худшее из времен». В «Повести о двух городах» он рассказывал об эпохе французской революции, во многом положившей начало модернизму. Но его слова, судя по всему, применимы к любому времени. Любому веку свойственны величие и безумство, новые возможности и искушения. Однако они меняются от века к веку. Для того чтобы воспользоваться этими возможностями и избежать искушений, христиане должны находиться в непрерывном процессе «узнавания времени» (Рим. 13:11).

Церкви во все времена приходилось противостоять существующей культуре и жить в атмосфере антагонизма с окружающим миром. Пренебрегать культурой значит неизбежно отрываться от жизни. Войти в нее, не разобравшись, — подвергнуть себя опасности синкретизма и неверия. В каждом веке были свои угодливые либеральные богословы, стремившиеся подогнать христианство под современный интеллектуальный и культурный шаблон. У либералов Просвещения была своя рациональная религия и высшая критика Писания, у либералов Романтизма — теплые чувства, у либералов Экзистенциализма — кризис смысла и скачок веры, и в современном постмодернизме тоже есть свои либералы (как мы увидим позже). И все же ортодоксальные верующие жили во все времена, исповедуя свою веру в Иисуса Христа (мы рассмотрим это позднее). Они были частью своей культуры (вы узнаете особый стиль христиан семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого веков, даже когда они говорили об одном и том же). Но вместе с тем они противостояли своей культуре, провозглашая Божий Закон и Евангелие обеществу, которое нуждалось в исцелении своих язв.

Эта книга является путеводителем по современному культурному ландшафту: его доминирующим идеям, видам искусства, общественным формам и духовным посылкам. В ней показаны различные течения и тенденции, которые анализируются с точки зре-

ния христианства.

Некоторым христианам свойственно думать, что конец века модерна и начало эпохи постмодерна может означать поворот к классическому христианству. О постмодерне они рассуждают в радужных тонах. Хотя я согласен с этой точкой зрения, тем не менее, я также вижу новую секулярную идеологию, сменяющую модернистическое мировоззрение. Подобно модернизму, постмодернизм враждебно относится к христианству, однако по другим причинам. В этой книге я критикую то, что я называю «постмодернизмом». Между тем, с «постмодерном» я связываю определенные чаяния.

Поскольку эта книга обращена ко всей церкви, а не только к ученым-специалистам, я опускаю некоторые специфические моменты постмодернистической мысли. Также я опускаю вклад таких значительных фигур постмодернизма, как Лакан, Деррида, Фуко и другие. Я также не вдаюсь в технические детали критической теории, герменевтики и не прибегаю к другим сугубо специальным рассуждениям, как это делают постмодернисты, стремясь одержать победу в борьбе за свои идеи. Другие христианские ученые, в частности Роджер Ландин и Кларенс Уолхаут, написали весьма продуманные и тщательно обоснованные работы, критикующие этих ученых с христианской точки зрения.

Истоки этой книги восходят к лекции «Разрушение разрушения», которую меня однажды попросили прочитать и которую финансировало Исследовательское служение Техасского университета. Я многим обязан моему коллеге доктору Дэвиду Кренцу (который, по идее, должен был написать эту книгу) за то, что он помог мне понять сущность постмодернизма. Нэнси Персей, через нашу совместную работу с Чарльзом Колсоном над радиопрограммой «Точка излома», помогла мне, специалисту по семнадцатому веку, переключить внимание на современные вопросы.

Я также высоко ценю вклад двух моих друзей-писателей, с которыми мы регулярно встречаемся за чашкой кофе, читаем рукописи и беседуем. Преподобный Гарольд Зенкбайль помог мне понять богословские проблемы, стоящие перед современным христианством, а также возможность появления конфессиональной альтернативы в духе Реформации. Преподобный Ричард Айер, который служит капелланом в клинике, открыл мне глаза на вопросы медицинской этики и на то, как христианам приходится вступать в схват-

ки (в буквальном смысле) не на жизнь, а на смерть с новым мировоззрением.

Кроме того, я в большом долгу перед своей женой Жаклин, перед Полом, Джоанной и Мэри.

I. «Отсутствие абсолютного»

Чарльз Колсон рассказывал о том, как однажды он обедал с одним представителем массмедиа и пытался говорить с ним о христианстве. Колсон объяснил ему, как он пришел ко Христу. «Нет сомнения, Христос помог лично вам», — ответил его знакомый и продолжал говорить о ком-то, чью жизнь перевернула «духовность» *New Age*. «Кристаллы и чакры — вот что помогло ей. Так же, как вам помог Иисус».

Колсон пытался объяснить разницу, однако все было бесполезно. Он поднял вопрос о смерти и загробной жизни, но его знакомый не верил ни в ад, ни в рай, а перспектива смерти вообще не волновала его.

Колсон рассказал ему, что говорит об этом Библия, но его знакомый не верил ни в Библию, ни в какие-либо другие духовные авторитеты.

Наконец, Колсон заговорил о фильме Вудди Аллена «Преступление и проступок», рассказывающем об убийце, который заглушил свою совесть, заключив, что жизнь — это всего лишь выживание сильнейших. Это погрузило знакомого в раздумья. Далее Колсон стал приводить примеры из Толстого и К.С. Льюиса о реальности нравственного закона. Журналист слушал его с вниманием. Затем Колсон привел стих из Послания к Римлянам о том, что человек неспособен выполнить Закон. После этого его знакомый с интересом выслушал откровение об искупительной жертве Христа.

И хотя его приятель не стал христианином, Колсон почувствовал, что ему удалось-таки пробиться сквозь какую-то часть его бастионов. Сложность состояла в том, что они не могли найти общее основание для рассуждений. Из-за определенного склада мышления товарища обычные евангелические методы просто не срабатывали. «Этот случай, — говорит Колсон, — является отрезвляю-

щей иллюстрацией того, насколько стойко современное мышление сопротивляется христианской вести. Кроме того, это заставляет серьезно задуматься над эффективностью традиционных евангелических методов в наше время. Ибо дух века сего меняется гораздо быстрее, чем многие из нас себе представляют это».

Абсолютных понятий не бывает

Очень непросто доказывать истину человеку, который считает, что истина относительна («Вам помог Иисус, а ей — кристаллы»). Трудно провозглашать прощение грехов людям, которые думают, что раз нравственность — понятие относительное, то и никакого греха не существует, который бы следовало прощать.

В соответствии с данными последнего опроса 66 процентов американцев считают, что «абсолютной истины не бывает». Среди молодежи этот процент еще выше: 72 процента молодых людей от восемнадцати до двадцати пяти не верят в абсолютную истину.

Конечно, не верить в существование истины значит противоречить себе самому. Ведь верить — значит считать что-то истинным. Высказывание «истинно то, что истины не существует» — в высшей степени бессмыслица. Само утверждение: «абсолютной истины не бывает» — уже абсолютная истина. Люди столетиями разглагольствовали об этих вещах, относясь к этому как к своего рода философской игре, однако мало кто воспринимал это всерьез. Сегодня такого глубоко проблематичного взгляда на истину придерживаются не какие-нибудь чудаковатые и эксцентричные философы, а обычные люди на улице. Само понятие истины отвергается не каким-нибудь сумасбродом, а двумя третями населения Америки.

Более того, опрос показывает, что 53 процента тех, кто называет себя *евангельскими христианами*, считают, что абсолютной истины не существует. Это значит, что *большинство* из тех, кто на словах исповедуют Христа Спасителем и признают авторитет Библии, тем не менее, говорят, что «абсолютной истины не существует». Разве не таков Христос? Нет, хотя, видимо, лично им Он «помогает». Разве не такова Библия? Судя по всему — нет, хотя 88 процентов евангельских христиан верят, что «Библия — записанное Слово Божие, непогрешимое во всех его учениях». Поразительно, но

70 процентов американцев заявляют, что согласны с этим основополагающим утверждением. *А ведь это практически то же число людей, говорящих, что «абсолютного не бывает».*

Что же происходит? Возможно, интервьюируемые не поняли вопроса и тех неизбежных следствий, которые прористекают из их убеждений. Некоторые из числа 53 процентов евангельских критиков, скорее всего, убежденные христиане, которые просто бездумно повторяют то, что слышали по телевизору, не задумываясь о богословском значении этой поп-философии. Опрос может выявить невежественность или непонимание. Но даже в этом случае ничего не меняется. Вера в две взаимоисключающие идеи сама по себе является признаком убежденности в отсутствии абсолютной истины.

Отказ от абсолютного — это не просто изощренная философская идея. Многие из принявших участие в опросе, без сомнения, отнесли данный вопрос не столько к теории познания, сколько к разряду нравственности. Относительные ценности — следствие относительной истины. До сих пор общество регулировало сексуальные взаимоотношения согласно четким нравственным нормам. Это справедливо для всех времен, религий и культур. И вдруг внебрачный секс входит в разряд общественной нормы. В 1969 г., в разгар «сексуальной революции», 68 процентов американцев считали добрачный секс предосудительным. В 1987 г., в период, считавшийся консервативным вследствие угрозы СПИДа, только 46 процентов (меньше половины) отвергали добрачный секс. В 1992 г. лишь 33 процента не признавали внебрачные сексуальные отношения.

Пункт за пунктом люди легкомысленно сбрасывают со счетов испытанные временем абсолютные нравственные категории. Убийство младенца в утробе матери считалось ужасным, почти неслыханным грехом. Сегодня аборт не просто легален. Их превратили в добродетель, в конституционное право. Когда-то убийство калек, больных и стариков считалось крайней жестокостью. Сегодня, как мы видим, эвтаназия — акт милосердия.

Эти нравственные извращения бытуют не только среди мирской части общества, но и среди тех, кто считает себя христианами. Недавнее исследование показало, что 56 процентов одиноких «фундаменталистов» вступают в сексуальные отношения вне брака. Эта цифра почти совпадает с процентом «либералов» (57%). (Ирония в том, что в церквях, где проповедуется наиболее строгое

учение о сексуальных взаимоотношениях и делается самый большой упор на роль добрых дел в спасении, наблюдается наибольшее число членов, снисходительных к распущенности. В соответствии с данными исследования, 66 процентов одиноких католиков вступают в половые отношения. Не исключено, что американские католики более распущены, чем неверующие американцы.) Также 49 процентов протестантов и 47 процентов католиков относят себя к разряду тех, кто в вопросе об аборте ратует за свободный выбор. Около 49 процентов евангельских христиан и невообразимо высокий процент (71%) католиков утверждают, что верят в эвтаназию, по-видимому, не считая «Не убий» нравственным абсолютом.

Несомненно, общественные опросы могут быть натянутыми, могут ввести в заблуждение или неверно истолковываться. Другие опросы могут показать, что по целому ряду пунктов люди имеют твердые нравственные убеждения. Как я покажу далее, излишняя вера в опросы общественного мнения является одним из признаков особого вида сегодняшнего смятения умов и душ.

Но даже если опросы и верны, они лишь подтверждают то, что сказано в Библии о грехе. Никто с библейским пониманием греха не удивится разгулу безнравственности в обществе и Церкви, и для него не будет открытием, что христиане также становятся жертвой нравственного падения и лицемерия.

Церковь всегда наполняли грешники, что, в общем-то, понятно (кому же еще там быть?). Христиане признают свою неспособность исполнить Закон Божий и полностью уповают на спасение через прощение грехов Кровью Иисуса Христа. Богословы всегда осознавали, что члены Церкви, точно так же как неверующие, нуждаются в евангелизации и ученичестве.

Но вместе с тем опросы внушают кое-какие новые мысли. Люди грешили всегда, но при этом они хотя бы признавали, что это грех. Век назад человек мог совершить прелюбодеяние самым наглым и бесцеремонным образом, бросая вызов Богу и людям, но при этом он признавал, что совершает грех. Сегодня мы имеем не только безнравственное поведение, но и потерю нравственного критерия. Это относится также и к церкви. Мы столкнулись не просто с разрушением нравственности, но с разрушением понимания. «Абсолютных понятий не бывает».

Сдвиг в мировоззрении

Что же случилось? Когда-то большая часть людей признавала основополагающие христианские концепции. Теперь же таких людей меньшинство. Такие нравственные и религиозные перемены — не единственное, с чем нам приходится сталкиваться. «Мы имеем дело с огромным структурным изменением в нашей стране и в мире, — говорит христианский футурист Лейс Андерсон, — изменением, которое грозит оказаться более масштабным, чем изобретение печатного станка и индустриальная революция». Христиане не должны не замечать такого рода перемены.

Как показывали Фрэнсис Шеффер и другие исследователи, западная культура прошла в своем развитии целый ряд стадий. Одно мировоззрение сменялось другим. В восемнадцатом веке философия просветителей поставила под вопрос библейский синтез, господствовавший в западной культуре. В девятнадцатом веке пробил час романтизма и научного материализма. Век двадцатый подарил нам марксизм и фашизм, позитивизм и экзистенциализм.

Сегодня, на пороге двадцать первого века, появляется новое мировоззрение. «Модерн», как ни странно, вышел из моды. Двадцатый век со всеми его катастрофами и достижениями уходит в историю. Идеи модернизма, характерные для двадцатого века, уже не кажутся приемлемыми. Мы входим в век постмодерна.

Термин «постмодерн» в первую очередь относится ко времени, а не к определенной идеологии. Если век «модерна» действительно прошел, то христиане могут возрадоваться. С тех пор, как «модернисты» развязали войну против «фундаменталистов» (да и раньше): библейскому христианству приходилось туго под натиском с его научным рационализмом, гуманизмом и предвзятой трактовкой прошлого. Однако сегодня все идеи модернизма, которые одурманивали Церковь двадцатого столетия, предаются всеобщему забвению. Посему христиане могут радоваться началу века постмодерна.

Вместе с тем, на смену модернизму приходит новая секулярная идеология «постмодернизма». Этот новый набор посылок относительно реальности, — посылки, которые выходят далеко за рамки простого релятивизма, — шаг за шагом завоевывает нашу культуру.

Человек с улицы, не принимающий абсолютной истины, возможно, никогда и не слышал об академическом упражнении «деконструкции». Интеллектуалы, возможно, ненавидят электронный мир телевидения. Современные политики могут пребывать в полном неведении относительно авангардного искусства. Однако все эти вещи тесно переплетены и образуют единое постмодернистическое целое.

В то время как модернистические атаки на христианство ослабевают, постмодернизм вступает с ним в схватку с других плацдармов. К примеру, модернист может всячески доказывать, что христианство не является истиной. Такое возражение сегодня не в ходу. Наиболее часто сегодня можно услышать критику типа: «Христиане считают, что у них монополия на истину». Постулаты христианства отнюдь не отрицаются, они отвергаются *на том основании*, что в них заключена претензия на истинность. Приверженцы релятивизма обвинят своих противников в «нетерпимости», в попытках навязать свою веру другим. Постмодернисты отвергают христианство на тех же основаниях, на каких они отвергают модернизм с его научным рационализмом. Христиане и модернисты верят в истину. Постмодернисты — нет. Что окажется более терпимым к христианству, модернизм или постмодернизм, остается загадкой.

Писание говорит нам о важности «знания времени» (Рим. 13:11). «Большинство христиан, — замечает Джордж Барна, — не видят, что Церковь находится в эпицентре жесточайшего конфликта всех веков». Многие христиане, включая богословов, все еще пытаются сражаться с модернизмом, не понимая, что правила игры изменились. Для того чтобы христиане могли эффективно служить в постмодернистическом обществе, избегая искушений, им необходимо понять дух века сего.

Вавилонское проклятие

Вопреки всем претензиям на новизну, христианам хорошо известна истина: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот это новое“; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1:9-10). Неверие и грех всегда были с нами.

Язычники прошлого были, в общем-то, такими же релятивистами, а дети Божии всегда подвергались искушению слиться с доминирующей культурой вокруг них, поступившись своей верой. По этой причине Библия отвечает на вопросы постмодернизма с необычайной ясностью.

Переход от модернизма к постмодернизму выглядит всего лишь версией древнего падения и древнего проклятия. Когда-то «На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11:1). Упоенные своей слаженностью, общим видением и технологическими возможностями, люди сказали: «Построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя» (Быт. 11:4).

Культура, воздвигшая Вавилонскую башню, сопоставима с модернизмом. Уверенные в своих человеческих силах, разуме и научном знании, модернисты не испытывали нужды в Боге. Для того чтобы сделать себе имя, они не только возводили города, но и конструировали новые общественно-экономические системы, такие как социализм. Их технологии, намного превосходившие вавилонские, позволили им не только построить башню, достигающую небес, но и космические корабли, достигающие Луны.

Бог осудил притязания Вавилона. Видя их действительные достижения и огромный технологический потенциал, Господь рассудил, что единый технологически оснащенный человеческий род практически не ограничен в своей способности творить зло. «Вот один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать» (Быт. 11:6). Бог, по милости Своей, воспрепятствовал их примитивным, но опасным начинаниям («что начали они делать»). Он сокрушил их притязания на божественность и разрушил их знаменитую башню.

В наше время всем стало понятно, что разум, наука и технология не решили всех наших проблем. Нищета, преступность и отчаяние бросают вызов нашим попыткам социального конструирования. Наиболее смелая попытка построить общество в соответствии с рационалистической, материалистической теорией — коммунизм — потерпела полный крах. Технология продолжает развиваться с бешеной скоростью, однако, вместо того чтобы достигнуть небес, часто она наносит урон нашей жизни.

Бог наказал Вавилон, отняв у них тот дар, благодаря которому стал возможен их успех, — язык. Человеческий род раскололся

на множество несовместимых групп.

«Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Быт. 11:7-9).

Именно это и произошло с падением модернизма. Монолитная мысль модернизма, у которой, казалось, был неограниченный потенциал, раскололась на огромное множество соперничающих групп. Сегодня люди не могут понять друг друга. Нет единой системы отсчета, единого языка. Тоталитарное единообразие раскололось на множество хаотичных образований. Разбросанные по маленьким группкам единомышленников, говорящих на только им понятном языке, люди сегодня пребывают в полнейшем смятении.

Народ Божий может лишь согласиться с проклятием Вавилона и разрушением башни. Они также не станут возражать, что модернизм — это идолопоклонство, и возрадутся его падению. Вавилонское проклятие, сколь бы необходимым оно ни было, тем не менее, — плата за грех. Принеся жертву за грех мира, Христос снял это проклятие. Когда Святой Дух сошел на Церковь, Вавилонское проклятие было снято.

«При наступлении дня Пятидесятницы все они были единомышленниками вместе.

И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещивать. В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне, и мидяне, и сламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежа-

щих к Киринае, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит?» (Деян. 2:1-12).

Это значит, среди всего прочего, что Евангелие было дано всему миру во всем его многообразии, и что через Слово, проповеданное Апостолами, Святой Дух дарует веру людям всех наречий и культур. Языки Пятидесятницы были отнюдь не набором бессвязных звуков, они были исключительно понятными, понятными всем, вне зависимости от их природного языка. Возрождение языка является знамением Царства Божия.

После Пятидесятницы Святой Дух начал собирать Церковь из всех народов (Деян. 2:41). Эта Церковь стала совершенно иным образованием. Она не является объединением на основе самостоятельного гуманизма, как у строителей башни и модернистов. Она также не представляет собой разрозненные враждующие группы, как у вавилонян и постмодернистов. Напротив, Церковь стала равновесием единства и многообразия, единым Телом, состоящим из членов, отличающихся друг от друга, как нога и глаз (1 Кор. 12), однако объединенных в любви друг к другу и вере в Иисуса Христа.

Ввиду своего высокого предназначения народ Божий поймет тщету как вавилонского столпотворения, так и какофонии голосов, следовавших после разрушения башни. Он также осознает ограниченность взглядов как модернистов, так и постмодернистов. Но снова главными проблемами будут грех, идолослужение и язык.

Обзор этой книги

Данная книга — экскурс в мир современной мысли и культуры. По этой причине в ней затронут весьма широкий спектр вопросов: от академической философии до популярных телевизионных шоу, а также искусство и политика, социальные перемены и новые религии. Целью книги является описание тенденций, о которых должен знать христианин, а также комментарий их с точки зрения библейского христианства.

Первый раздел, посвященный постмодернистической мысли,

повествует о новых парадигмах, присущих современному мышлению, от деконструктивизма и постмарксизма до релятивизма и поп-культуры. В этом разделе прослеживается история модернизма и постмодернизма, рассматриваются неизбежные следствия того и другого и предлагается христианский ответ.

Второй раздел посвящен вопросам искусства, в котором внутренняя динамика и плоды постмодернизма показаны наиболее ярко. От популярных форм киноискусства и телевидения до авангардных экспериментов в искусстве и литературе, новая эстетика свидетельствует об утрате абсолютных понятий и человечности. С другой стороны, определенная часть постмодернистического искусства, архитектуры и литературы в своей реакции на модернизм предлагает модель того, как традиции прошлого могут быть возвращены современному миру.

Третий раздел анализирует постмодернистическое общество, показывая, насколько наше общество расколото и насколько наша культура раздроблена на отдельные субкультуры, созданные на основе расовых, этнических или сексуальных признаков. Глава о политике описывает, как постмодернизм сводит все социальные взаимоотношения к вопросу о власти, угрожая свободе и демократии. Падение коммунизма, однако, свидетельствует о том, что демократия, свободная экономика и библейские основы могут обеспечить базу для альтернативного устройства постмодернистического общества.

Хотя практически вся книга представляет собой богословское толкование современной культуры, заключительный раздел посвящен исключительно религии. Здесь показано, как постмодернистическое мировоззрение проявляется не только в религии *New Age*, но, как ни прискорбно, и в евангелической церкви. В конце раздела показано, что для того, чтобы Церкви быть поистине эффективной во времена постмодерна, ей необходимо противостоять духу века сего. Постмодернистическая Церковь должна возрождать и воплощать свое духовное наследие.

Книга подвергает критике постмодернизм, но при этом она терпима к постмодерну. Это как если бы существовали две противоположные постмодернистические позиции, которые соперничали бы между собой за преобладание. Является ли истинным лицом эпохи постмодерна антикультурное движение 1960-х или падение Берлин-

ской стены? Кто более точно отражает дух современной Америки: Мадонна или Рональд Рейган? Ослабевает ли христианство, погружаясь в дурман релятивизма и нео-язычества, или побеждает, восставая из пепла коммунистических гонений и разжигая евангельский огонь по всему земному шару? Постмодернистическое сознание дает возможность развиваться как неорадикализму, так и неоконсерватизму. Что одержит верх в новом тысячелетии, пока неясно.

Эта книга призвана помочь христианам обрести сбалансированное видение. Несомненно, суматоха нынешнего времени характерна для переходного этапа от одной эпохи к другой. Возымеет ли христианство должное воздействие на культуру или станет еще более периферийным явлением в двадцать первом веке, зависит от христиан, которые призваны различать знамения времен.

Делая это, они увидят, что библейская вера пережила все нападки и даже гонения и доказала свою актуальность во все времена, несмотря на попытки заглушить ее голос. И напротив, все изобретенные человеком системы доказали свою несостоятельность, и любая система посылок со временем сменяется новой. В то время как модернизм уступает позиции постмодернизму, а двадцатый век — веку двадцать первому (если Христос замедлит Свой приход), христиане обнаружат еще больше оснований крепко держаться Слова Божия.

Часть первая. Постмодернистическая мысль

II. От модернизма к постмодернизму

«Грядет масштабная интеллектуальная революция, — заявляет принстонский теолог Диоген Аллен, — революция, по значению, пожалуй, равная той, которая отделила наше время от эпохи Средневековья». Признаки этой революции налицо во всех сферах жизни: в университетских общежитиях и на телевизионных экранах, в разработках компьютерных сетей и стиле жизни средних американцев. С уходом двадцатого столетия возникает ощущение, что уходит особый стиль мышления и что мы стоим на пороге чего-то нового.

Христианский исследователь Томас Оден стал первым, кто зафиксировал эти перемены. Он говорит, что век модерна продолжался ровно 200 лет, с момента падения Бастилии в 1789 до падения Берлинской стены в 1989. Французская революция воплотила в себе идеалы Просвещения. С падением Бастилии — тюрьмы, где содержались в заточении политические противники монархии, домодернистический мир с его феодалами и духовной иерархией был предан гильотине. Революционеры превозносили права человека и разделились с христианством, как с анахронизмом. Во время революции в Соборе Парижской Богородицы была воздвигнута статуя богини разума. В современный период истории место Бога занял человеческий разум, решая все проблемы и перекраивая общественные порядки в соответствии с научной, рациональной истиной.

Вера в человеческий разум и отрицание сверхъестественного начали принимать самые разнообразные формы, однако нигде модернистический запал не был реализован столь амбициозно, как в изобретении марксистского государства. Марксизм, исходя из посылок «диалектического материализма», пытался найти материальные, экономические объяснения всем человеческим проблемам. Маркс свел состояние рода человеческого к вопросам классовой борьбы и экономической эксплуатации. Сделав это, он выработал квазинаучную альтернативу, которая, по его расчетам, должна была

создать рай на земле. При коммунизме не будет частной собственности. Не будет эксплуатации. При социализме человек обретет смысл жизни, растворясь в большом коллективе. Экономика и все фазы развития общества будут планироваться государством для всеобщего блага.

Советские вожди воплотили эти якобы «просвещенные» идеи посредством Октябрьской революции. Но вместо обещанного людям рабоче-крестьянского рая на страну обрушились беспрецедентный в истории террор и преследования. Поразительно, что монолит советского коммунизма с его аппаратом госбезопасности и ядерным оружием раскололся, когда люди разоблачили его ложь и потребовали свободы.

Христиане вполне могли бы предсказать, к чему ведут претензии человека на абсолютную самостоятельность. Учение о грехопадении — напоминание о том, что без Бога человек может исповедовать самые благие намерения, но на поверку они оборачиваются крошечным адом. Французская революция — наглядный пример того, как возвышенная риторика прав человека окончилась гильотиной и разгулом террора.

Сегодня посылки модернизма лежат в руинах от Москвы до Сан-Франциско. Просвещение дискредитировало себя. Разум свергнут с престола даже в сфере высшего образования. Индустриальная революция уступает позиции информационному веку. Общество, технология, ценности и фундаментальные категории мышления — все подвергается пересмотру. Мир обретает иной взгляд на себя.

Томас Оден утверждает, что эра постмодерна предоставляет классическому, ортодоксальному христианству возможность вернуться в лоно общественной жизни. Крах модернизма означает, что старая секулярная критика веры в сверхъестественное потеряла силу. Консервативное христианство пользуется в постмодернистическом обществе новым доверием.

И он прав. В условиях постмодернистической культуры христиане могут распространять Евангелие с новой силой и настойчивостью. Но вместе с тем, секулярное мышление выдвигает свою собственную постмодернистическую альтернативу. Эти взгляды предлагают свой ответ на неудачи модернизма, ответ, в котором от истины отказываются вообще. Интеллект сменяется волей. Разум — эмоцией. Мораль — релятивизмом. Сама реальность становится

объектом социального конструирования. Этот новый тип мировоззрения бросает многократный вызов христианству, выходящему из эпохи модерна. Христиане новой эпохи должны будут противостоять взглядам постмодернистических безбожников.

Домодернистическое общество

Чтобы разобраться с модернизмом и постмодернизмом, необходимо сначала понять домодернистический период. Говоря кратко, в домодернистической западной цивилизации верили в сверхъестественное. Как отдельные люди, так и общество в целом — верили в Бога (или богов). Жизнь в том мире обязана своим существованием и смыслом духовному царству, лежащему за пределами чувственного.

Это определение разделяется модернистическими богословами, которые привыкли говорить, что раз «человек модерна» уже не может верить в чудеса, то в «век модерна» сверхъестественные явления Нового Завета следует трактовать иначе. Поскольку многие в двадцатом веке имеют веру в сверхъестественное, становится понятно, что термин «модерн» используется не хронологически, а применительно к «типу мышления». Консервативных христиан они обвиняют в невежестве, недостаточной образованности и наивности за то, что те проповедуют домодернистические идеи. Как сказал один исследователь: «Евангельские христиане, похоже, не слышали вести модерна». Эта «весть», это евангелие модернизма, обладает таким авторитетом, что иное Евангелие, Евангелие Иисуса Христа, даже не берется в расчет.

Тем не менее, времена домодерна нуждаются в серьезном рассмотрении. Эта фаза в развитии западной цивилизации не характеризовалась единым, монолитным мировоззрением. Напротив, эта сложная, динамичная и напряженная эпоха была полна как мифологического язычества и классического рационализма, так и библейского откровения.

Сами древние греки ощущали постоянное противоречие между языческой религией, выросшей из анимистических верований первобытных культур, и рациональной философией таких интеллектуальных гигантов как Платон и Аристотель. Сократу пришлось

выпить яд за свой «атеизм» — он отвергал мифологические воззрения, доказывая, что истории о так называемых богах — это лишь проекции людских пороков. Согласно его суждениям, должен быть только один Бог Вседержитель, источник всякой истины, красоты и добродетели. Платон, ученик Сократа, разработал систему классического идеализма — теории, в соответствии с которой частности видимого мира обязаны своим существованием трансцендентным представлениям о Боге.

Тогда как Платон занимался изучением идеалов и универсалий, Аристотель обратился ко внешнему миру. Он также отверг мифологическое миропонимание, рассуждая, что все причины должны брать начало в Первопричине, которая существует сама по себе. Первопричиной может быть только трансцендентный Бог, и Он может быть только один. Аристотель занялся изучением материального мира, классифицируя растения и животных, раскрывая предназначение физических объектов и живых организмов. В своих размышлениях о человеческом бытии Аристотель пришел к выводу о существовании объективных ценностей. Аналитический метод Аристотеля с его определениями целей и средств, соотношением формы и содержания, а также открытием абсолютных принципов, лежащих в основе всех сфер жизни, вознес человеческий разум до необозримых высот.

Древние греки начали с мифологического язычества, но одной силой разума развили иное миропонимание. Безусловно, греческая цивилизация, будучи начинена взрывной смесью из языческих мифов и классического рационализма, оказалась далека от идеала. Нравственный упадок привел к легализации детоубийства, рабства, войн, угнетения, проституции и гомосексуализма.

Однако когда Павел и другие Апостолы предприняли свои миссионерские путешествия в Грецию, культура была подготовлена к принятию Евангелия. Вскормленные греческой культурой, люди уже имели некое представление о бессмертии души, реальности духовного мира и существовании единого трансцендентного Бога. Павел набрел в Афинах на жертвенник «неведомому Богу». Греки поняли, что Бог существует, однако не ведали Его. Их разум, сколь бы изощренным он ни был, вынужден был уступить место откровению. «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17:23).

Обращенные в христианство, греки получили Библию. Еврейское Писание даровало им новый взгляд на Бога и творение, человека и нравственную истину. Новая религия категорически запрещала детоубийство, аборт и гомосексуализм. (Мнение либералов о том, что новозаветные запреты относительно гомосексуализма, например, были лишь отражением культуры того времени, абсолютно неверно. Греческая культура не только терпимо относилась к гомосексуализму, она и всячески поощряла его. Древнегреческие военачальники считали, что солдаты, связанные гомосексуальными отношениями, будут сражаться более отважно, стараясь защитить своих партнеров. Даже Платон полагал, что женщины — существа низшие, и потому высокая любовь может быть только между мужчинами. Следовательно, новозаветные рамки в области сексуальных отношений были проповедуемы *вопреки культуре*. Так должно быть и теперь.)

Христианство, с одной стороны, бросило вызов греческой культуре, а с другой, явилось воплощением ее идеалов. Библейский и классический взгляды на мир не всегда полностью совпадали, но при этом они не были всегда противоположными. Они совпадали в том, что в мире присутствует некая трансцендентная реальность, которой мир обязан своим существованием. Они совпадали в том, что окружающий мир характеризуется порядком и в какой-то мере познаваемостью. Они совпадали в признании объективности истины, а также в реальности интеллектуальных абсолютов. Греческое мировоззрение имело тенденцию возвеличивать разум и принижать греховность человека. Между тем, Августин обнаружил, что вполне может использовать Платона для формулировки своего строго христианского богословия. В средние века Фома Аквинский попытался связать воедино Библию и Аристотеля.

На протяжении более тысячи лет западная цивилизация находилась под влиянием странной смеси мировоззрений: от библейского откровения и классического рационализма до пережитков первобытного язычества. Зачастую библейская истина перечеркивалась разумом и языческими суевериями. В иные времена христианская истина всплывала с новой силой и убедительностью.

В период Средневековья (1000—1500 гг.) христианское благочестие, классический рационализм и народное язычество европейской культуры достигли состояния синтеза. И хотя средневековая

цивилизация имела свои внушительные формы выражения, схоластическое богословие перекраивало Библию согласно аристотелевской логике и человеческим установлениям, поступаясь чистотой библейского откровения. Народная культура средневековья также чинила прелюбительствия евангельской вести, зачастую пряча прежнее язычество за ширмой христианства и сохраняя старых богов под видом христианских святых.

На протяжении 1500 и 1600 гг. западная цивилизация вернулась к своим корням. Ренессанс поставил под сомнение пошатнувшийся средневековый синтез, а Запад повернулся к двум своим источникам. Ренессансный гуманизм вновь открыл и утвердил греческое наследие, а Реформация заново открыла и утвердила Библию. Классицизм и Библия вернулись к жизни в чистом виде.

Мифология, классицизм и христианство — три мировоззрения, которые, так или иначе, закладывали основы западной цивилизации на протяжении веков. В домодернистическом мире христианством был не каждый. Библейское христианство всегда было не в ладах с существующей культурой. Мифология и гуманистский рационализм постоянно искушали Церковь.

Христианство нельзя смешивать с домодернистическим миром, так же как его нельзя смешивать ни с одним человеческим институтом. Однако со временем христианские послышки, часто разделяемые классическими рационалистами и даже язычниками, приобрели особое значение. Большинство людей полагали, что Бог есть, и с Ним следует считаться. Добро противоположно злу. Человек грешен, однако он ценен, и Бог его спасает. Природа — творение Божие, но существует реальность и за пределами природы — духовное царство, источник всех ценностей и конечная цель всех людей. Ни человек, ни общество, ни природа не являются автономными. Всё живущее полностью зависит от Бога и Его владычества.

Но настал век модерна. Будучи грешным, человек всегда стремился к независимости, свободе от всяких ограничений, желая жить здесь и сейчас, а не когда-то потом. Отход от библейского сверхъестественного миропонимания иногда приписывают гуманизму эпохи Возрождения, уходящему корнями в средневековую схоластику и классический греческий рационализм. Даже если это так, то такие взгляды всегда представляли угрозу для Запада. Между тем, какими бы гуманистами ни были мыслители Средневековья и

Возрождения, они не могли отрицать реальное существование Бога.

Со временем, однако, мыслители стали рассматривать сверхъестественное христианское мировоззрение как устаревшее. Достижения человечества в области науки и техники, казалось, ознаменовали новый век прогресса, отодвинув мудрость веков в тень. Современный мир, строго говоря, начался в 1700 гг., с Просвещения.

Просвещение

Развитие науки брало свое начало в библейской истине о том, что природа — это благое, упорядоченное творение Бога, а также в классическом постулате о том, что природой руководят абсолютные рациональные законы. В XVIII веке прогресс науки был столь стремительным, что, казалось, наука может объяснить все. Многие считали, что человеческий разум, анализирующий информацию органов чувств, обладает безграничным потенциалом.

Век разума, научных открытий и человеческой автономии получил название века Просвещения. Мыслители этого периода заимствовали классицизм с его порядком и рациональностью (хотя их вариант классицизма был лишен сверхъестественного начала Платона и Аристотеля). Христианство и язычество были причислены к одной категории и отвергнуты как старомодные басни. Только разум, по их мнению, способен был заменить упование на сверхъестественное, рожденное в недрах невежества «непросвещенных веков».

Но это не значит, что мыслители Просвещения полностью отвергли религию. Напротив, они стремились создать рациональную религию, веру, которая не зависела от откровения. Результатом этого стал деизм. По мнению деистов, упорядоченность Вселенной доказывает существование Божества, рационального начала, сотворившего мир. Однако этот Бог уже не участвует в жизни Своего творения. Он сотворил Вселенную во всей ее сложности, а затем оставил ее, дав ей, словно огромной машине, работать самостоятельно. Чудеса, откровения, сверхъестественные учения, такие как вочеловечение и искупление, отвергались в принципе. В соответствии с этой религией, человек, вооруженный разумом, находится один на один с природой.

Хотя Просвещением было отвергнуто христианство, оно, по крайней мере сначала, не отвергло Бога. Тем не менее, особой нужды в Боге, который не участвует в делах Своего творения, не было. Постепенно Божество отошло на задний план. Рационалисты Просвещения видели вселенную как замкнутую систему естественных причинно-следственных связей. Всякий феномен должен пониматься как проистекающий из недр самой системы.

Мыслители Просвещения поначалу как-то связывали нравственные абсолюты со своим Божеством, доходя даже до признания загробной жизни, в которой вознаграждается добро и наказывается зло. (При этом они отвергли спасение по благодати и ввели свою законническую систему праведности.) Однако вскоре люди начали рассматривать этические вопросы также с точки зрения замкнутой системы. Это был новый подход к нравственным вопросам, получивший название «утилитаризм». Утилитаристы подходили к нравственным вопросам не с позиции трансцендентного абсолюта, а руководствуясь соображениями воздействия того или иного типа поведения на систему. Воровать плохо не потому, что так сказано в Десяти Заповедях, а потому, что воровство мешает функционированию экономической системы общества. Хорошо то, что способствует более успешному функционированию системы. Плохо то, что тормозит этот огромный механизм. Прагматизм становится единственным нравственным критерием. Если это помогает, значит это хорошо.

Утилитаризм — это взгляд, оправдывающий рабство, эксплуатацию детей, смерть бедняков от голода, делая это все во имя экономического процветания. Сегодня этика Просвещения лежит в основе движения за аборт, поскольку они помогают повысить благосостояние нации; она санкционирует эвтаназию, поскольку снижаются расходы на медицину. Утилитаризм — это подход к вопросам нравственности без Бога.

Стремительно приближаясь к девятнадцатому веку, Просвещение утрачивало последнюю связь с Богом. Деисты заявляли, что хотя Бог, строго говоря, и не нужен для повседневной жизни, Он был нужен для того, чтобы все началось. Чарльз Дарвин, в свою очередь, заявил, что Бог не нужен и как начало мира. Описав «Происхождение видов» в рамках замкнутой системы причинно-следственных связей, Дарвин перечеркнул всякую необходимость в

Творце. Природа стала абсолютно самодостаточной. Наука теперь могла объяснить все.

В конечном счете, мыслители отказались даже от классицизма Просвещения. Рационализм, уходящий корнями в учения Платона и Аристотеля, предполагал наличие вселенских абсолютов и нематериального начала. Но уже в начале девятнадцатого века эмпирический подход вытеснил рационализм. В соответствии с материализмом девятнадцатого века, реально только то, что мы можем наблюдать. Физический мир, воспринимаемый органами чувств и изучаемый научным методом, является *единственной* реальностью. Дошло до того, что философы так называемого логического позитивизма заявляли, дескать утверждение, которое не может быть проверено эмпирически (например, богословское, метафизическое, эстетическое или нравственное), бессмысленно. Вы не можете показать мне «Бога» или «справедливость», а значит, их не существует. Абстрактная философия — это всего лишь игра слов. (Очевидно, логических позитивистов не трогал тот факт, что их собственный критерий смысла не может быть доказан эмпирически, а значит, по их собственным меркам, он не имеет смысла.)

Наследие Просвещения развивалось в нескольких направлениях. Методологии, предназначенные для изучения природных объектов, стали применяться к человеку. Появились «социальные науки». Социология пыталась объяснить общественные установления, психология — внутреннюю жизнь человека, оставаясь в рамках замкнутой системы, которую можно подвергнуть эмпирическому, научному анализу.

Общество и экономика перестраивались на новый лад. Американская конституция и свободное предпринимательство, как и естественные науки, брали свое начало в библейском мировоззрении, хотя и совпадали во многом с теориями Просвещения. Социальные теории, исключившие Бога из жизни общества, пошли гораздо дальше. Основываясь на посылке, что все проблемы человечества можно решить с помощью разумного планирования, появились различные схемы социалистического общества, пришедшие на смену благородно звучащих, но, в сущности, бесчеловечных устремлений французских революционеров. Наиболее дерзкая попытка переделать общество в соответствии с рационалистическими теориями воплотилась в насильственном создании нескольких государств,

основанных на марксистском диалектическом материализме. Марксизм разделался с частной собственностью, всячески пытался истребить религию, подавлял культурную самобытность и стремился положить конец всякой индивидуальности из соображений общественной пользы.

Традиция Просвещения всячески стремилась найти способы существования без сверхъестественного. Христианство было отодвинуто в тень и постоянно подвергалось нападкам. Многие церкви сдавались и пересматривали свои учения согласно догмам Просвещения. Появилось либеральное богословие. Все было подчинено «его величеству интеллекту».

Голоса протеста

Даже во времена триумфа просвещенных модернистов дело не обошлось без протестов. Просвещение высекло искру романтизма. От материализма возгорелся экзистенциализм. В некотором смысле эти течения можно рассматривать как внутренние фазы модернизма. С другой стороны, они антимодернистические. Как романтизм, так и экзистенциализм проложили путь современному постмодернизму.

Ранняя стадия романтизма (девятнадцатый век) перевернула модернизм вверх ногами. Вместо того чтобы рассматривать природу как огромную машину, романтики видели в ней живой организм. Вместо того чтобы, соглашаясь с деистами, говорить, дескать Бог далек и безучастен, они считали, что Он близок и непосредственно задействован в жизни физического мира. Некоторые пошли еще дальше, заявив, что Бог тождествен природе и личности, отвергая библейского Бога (Который имманентен и трансцендентен) в пользу неопантеизма. В то время как Просвещение возвеличивало разум как наивысшую человеческую способность, романтизм выделял эмоции в разряд существенных признаков человека. Романтики поставили индивидуальность выше каких-либо абстрактных систем. Критерием морали теперь стало самовыражение, а не прагматизм.

Просвещение воплощало парадигмы естественных наук, стремясь приложить их ко всем явлениям жизни. Романтизм же, как показала Нэнси Пиерсей, следовал парадигмам биологии. Природа

должна быть объяснена не просто в механических терминах, но в терминах «жизненной силы», оживляющей вселенную и человеческую индивидуальность. Входя во взаимодействие со своими внутренними переживаниями, пропуская через чувства жизнь во всей ее полноте, открываясь великолепию физического мира, человек может «слиться с природой» и достичь единства с жизненной силой, одухотворяющей вселенную. Жизненная сила не соотносилась с библейским Богом никак, поскольку Тот присутствует как в мире, так и за его пределами. Жизненная сила была помещена на место Бога и, подобно деизму, послужила фундаментом для новой секулярной религии.

Романтики критически относились к «цивилизации» как искусственной абстракции человеческого интеллекта. Дети рождаются чистыми, свободными и едиными с природой. Затем общество портит их правилами «цивилизации». Первобытные племена состоят из «благородных дикарей», живущих на лоне природы, а значит, не испорченных современной технологией и материализмом. Романтики поклонялись прошлому. Там они искали не цивилизацию, достижения человеческого интеллекта, а «культуру» как душу органичного сообщества.

Романтизм культивировал субъективизм, личный опыт, иррационализм и сильные чувства. Он поощрял самоанализ и внимательный взгляд в себя. Романтики заимствовали у Канта мысль о том, что видимый мир обязан своими формами и структурой организаторской функции человеческого разума, которому свойственно упорядочивать хаотичные данные органов чувств. Для некоторых романтиков это означало, что личность, по сути дела, является творцом вселенной.

Личность, кроме того, стала не только творцом, но и законодателем. Вместо того чтобы следовать каким-либо внешним правилам или руководствоваться практическими соображениями, Романтизм помещал моральную жизнь внутрь личности. Романтики трепетно хранили свою честь и глубоко переживали личные неудачи. Однако в общем мораль была подчинена нуждам самовыражения. Поскольку смысл жизни заключается в «росте», подобно цветам или эмбриону, то все, что обогащает личность, должно быть благом, и наоборот, то, что обедняет личность, — зло.

Подобный взгляд мог лечь в основу как самоотверженного

героизма, так и безудержного эгоизма. Байрон посвятил жизнь донкихотским подвигам по освобождению Греции; он также презирал «общественные условности», совершая кровосмешение со своей сводной сестрой. Шелли бросил семью ради связи с Мэри Годвин, которая понимала его лучше, чем жена. После того как он оставил семью, его жена совершила самоубийство. Такого рода романтическая этика проявляет себя сегодня повсеместно: директора разводят с женами для того, чтобы иметь «трофейных жен»; сторонники абортотерапии заявляют, что ребенок может помешать самовыражению женщины; апологеты эвтаназии считают, что тех, кто неспособен вести «полноценную» жизнь, лучше лишить жизни вообще.

Теория эволюции Дарвина поставила под вопрос как романтизм, так и христианство. Дарвин показал, что природа — далеко не сфера гармонии и добра, как идеалистически полагали романтики. Напротив, природа крайне жестока. «Выживание сильнейших», беспощадная борьба за жизнь, в которой сильный съедает слабого, становится фундаментальным законом природы, объясняющим происхождение всех видов. Во второй половине девятнадцатого века романтизм постепенно уходит со сцены под напором жестоких реалий нового просвещенческого материализма.

Между тем, с материализмом жить тоже не так-то просто. Двадцатый век стал свидетелем нового мировоззрения, не только вобравшего холодные факты материализма, но и предложившего человеку некий смысл существования. Это мировоззрение — экзистенциализм.

Согласно постулатам экзистенциалистов, жизнь не имеет заданного смысла и предназначения. Слепая автоматичность природы и логические выводы рационализма, возможно, обладают порядком, однако они бесчеловечны. Что касается человека, бесконечный цикл естественных законов лишен для него всякого смысла. Сфера объективных вещей — абсурд, нечто, не имеющее для человека никакого значения.

Смысл нельзя найти в объективном мире; скорее всего смысл — сугубо человеческий феномен. И хотя в жизни нет заданного смысла, человек может создать его сам. Посредством свободного выбора и решительных действий человек сам может создать свой порядок — смысл жизни, который определяется только им самим. Однако для других этот смысл уже неприменим. Никто не мо-

жет диктовать смысл другому. Каждый должен сам найти свой смысл, он должен остаться личным и независимым от объективных истин.

Экзистенциализм заложил основу для современного релятивизма. Поскольку каждый создает свой смысл, все смыслы равноценны. Религия становится сугубо личным делом, которое никому нельзя «навязывать». Содержание смысла не имеет никакого значения, главное, чтобы он был твоим. Сартр отдал свою жизнь коммунизму, Хайдеггер — нацизму, а Бультман — христианству. Каждый живет в своей собственной реальности. «То, что хорошо для тебя, необязательно хорошо для меня».

Нравственные ценности, как и другие понятия, создаются самим человеком. Ярчайшим примером экзистенциальной этики является движение защитников абортов, называющих себя движением «за выбор». Для них неважно, что женщина решает, — главное, чтобы она сделала свой выбор: иметь ребенка или не иметь. Что бы она ни выбрала, это будет правильным для нее. Движение «за выбор» не интересуется объективной информацией, которая могла бы повлиять на решение о приемлемости абортов. Данные о развитии плода, факты проведения абортов, философские аргументы о неприкосновенности жизни — вся эта внешняя, объективная информация бессмысленна и не имеет отношения к личному выбору женщины.

Экзистенциализм возник еще в девятнадцатом веке, но как философское течение он оформился лишь к середине двадцатого. Сегодня экзистенциализм — это не просто область писателей-авангардистов или то, о чем говорят французские интеллектуалы в кафе. Он вошел в массовую культуру. Он стал философией мыльных опер и телевизионных ток-шоу. Его принципы ложатся в основу политических речей и преобразуют судебную систему. Экзистенциализм — это философская база постмодернизма.

Закат модернизма

В самом начале двадцатого века возникло получившее название *модернизм* движение, которое охватило интеллектуальную сферу и сферу литературы и искусства. Хотя я говорил, что век модернизма начался еще в XVIII столетии, успехи модернизма, как и его бесплод-

ность, достигли своего пика именно в начале двадцатого столетия. Модернизм задался целью создать новое искусство для нового века. Тот факт, что художники и интеллектуалы называли себя модернистами, не означает, что они были влюблены в современный мир. Многие его ненавидели. Несмотря на то, что они презирали сентиментализм романтиков, многие модернисты тосковали по прошлому. Многие из них были экзистенциалистами, желая создать свой собственный смысл. Некоторые, например Т.С. Элиот, даже обратились к христианству. Каждый из них стремился разоблачить двадцатый век и с помощью художественных форм отразить состояние современности. Среди них были такие, которые, считаясь модернистами, смотрели далеко вперед, предвосхищая постмодернизм.

Модернизм, с его нарушенным балансом между позитивизмом и экзистенциализмом, продолжал преобладать в мире науки и искусства вплоть до середины века. Но затем возникло нечто новое — возможно, не совсем новое, но новое приложении идей, дремавших десятилетиями.

Как говорил Чарльз Дженкс, 15 июля 1972 г. в 15 ч. 32 мин. наступил конец века модерна и началась эпоха постмодерна. Именно в этот момент был взорван жилищный комплекс Pruitt-Igoe в Сент-Луисе, вершина модернистической архитектуры. Знаменитый образец высокой технологии, модернистической эстетики и функционального дизайна, этот проект был настолько близким и угнетающим, настолько открытым для преступности и невозможным для патрулирования, что в нем просто нельзя было жить.

Снос комплекса Pruitt-Igoe — характерное явление для постмодернизма. Модернистическое мировоззрение создает конструкции рационально продуманные, но в них невозможно жить. Данный пример относится не столько к жилищным комплексам, сколько к философским системам и стилю жизни. Христиане не могут с этим не согласиться. Новое секулярное решение, впрочем, взрывает не только модернизм, но и *все* устойчивые формы, включая христианство.

Вместо того чтобы воздвигать нечто новое на руинах старого мира, постмодернизм предпочитает взрывать. Попытка помочь бедным, поселив их в храм модернизма, окончилась крахом. Но хотя взрыв модернизма и был вполне уместен, большинство постмодернистов не спешат предложить какую-либо жизнеспособную альтер-

нативу. Беднякам из комплекса Pruitt-Igoe уже не придется жить в сером, безликом сооружении. Согласно постмодернистическому пониманию мира, им предстоит жить на улице.

Большинство исследователей видят начало постмодернистического сдвига мышления в антикультурных явлениях 1960-х. Молодежь стала подвергать сомнению плоды современной цивилизации: технологию, социальное конструирование и рациональное планирование. Взамен они искали жизни, органично связанной с природой, свободной от нравственных и рациональных рамок. Война во Вьетнаме стала для них олицетворением пороков капитализма, технологий и традиций американской демократии. Они ставили эксперименты с наркотиками, погружаясь в транс и мистические состояния — все в противовес требованиям современного рационализма. Они отбросили в сторону сексуальные запреты, реализуя идеалы полной свободы и стремясь к неограниченным удовольствиям.

Многие исследователи выделяют 1968 год как поворотную точку. В тот год из-за студенческих демонстраций были закрыты университеты по всему миру. Университетские демонстрации протеста против войны во Вьетнаме имели особое воздействие на Соединенные Штаты, но в Европе они были еще более эффективны. Студенческие протесты в Париже и других университетских городах имели огромное воздействие на интеллектуальный мир. Университеты стали оплотом радикализма. К власти пришел новый разряд интеллектуалов, единственная цель которых была в том, чтобы разрушить модернистический мир.

Молодежную культуру 1960-х можно рассматривать лишь как возрождение романтизма, инфантильную деградацию, развившуюся в условиях изобилия и вседозволенности, присущих обществу, против которого они бунтовали. Романтики девятнадцатого века могли восхвалять природу, однако в девятнадцатом веке американцам приходилось бороться за существование, вступая в схватку с природой. К 1960-м годам, казалось, все худшее было позади. Молодежь, которую родители снабжали кровно заработанными деньгами, могла носить цветы в волосах, выражать недовольство по поводу родительского материализма и критиковать технологии, в то время как сама находилась под влиянием химических препаратов последнего поколения. Субкультура 1960-х, сколь бы наивной и непоследовательной она ни казалась сегодня, оставила свой глубокий след. Она

очертила форму. Ее ценности стали распространяться в индустрии развлечений и электронных средствах массовой информации. В частности, сексуальная революция затронула все слои общества.

Кроме того, молодежные движения 1960-х приняли политический оттенок. Правозащитное движение своим истоком имело политическую активность христиан, вырастая из социального служения и нравственных призывов негритянских церквей. Движение ратовало за возвращение к традиционным американским ценностям равенства и конституционного права. Молодежь, которая наблюдала за всем этим со стороны, не вдохновилась церковными или конституционалистическими идеями, однако правозащитное движение подлило масла в огонь их идеализма и убедило их в том, что все общество должно быть перестроено. Движение за расовое освобождение привело к возникновению и других освободительных движений. Процветал феминизм. Гомосексуалисты стали заявлять о себе как о бесправном меньшинстве.

Вскоре марксисты воспользовались политическим идеализмом молодежи, и, играя на их стремлении к социальным переменам, стали подстрекать их к свержению существующего порядка революционным путем. Студенческие протесты 1968 года сделали марксизм политически корректным в американских и европейских университетах. Марксистские идеи получили мощный толчок и приобрели академическую респектабельность, оказывая влияние на целый ряд дисциплин от социологии до литературной критики.

Ирония состоит в том, что в то время как марксизм вошел в моду на Западе, советский коммунизм грубо подавлял своих собственных интеллектуалов, деятелей искусства и писателей, пытавшихся вырваться из марксистских пут. Нет более яркого подтверждения самодовольства, проявляемого в молодежных выступлениях тех лет, и нравственной слепоты интеллектуалов, чем их постоянное обращение к победам 1968 года. Год «студенческой революции» также был годом, когда советские танки были введены на территорию Чехословакии. Марксизм явил свое истинное лицо, подрывив на корню ростки свободы. Между тем западные интеллектуалы смотрели в другую сторону. В то время как их братья-студенты в России и Китае прозябали в тюрьмах за то, что посмели сомневаться в марксизме, студенты Запада заворачивали себя в красные флаги и цитировали лозунги великого Мао.

Томас Оден связывает окончание эпохи модерна не с разрушением комплекса Ругит-Игое, а с падением Берлинской стены. До сих пор университетские постмодернисты отказываются признать несостоятельность политического радикализма. Оден относит их к разряду «гипермодернистов», доводящих послышки модернизма — скептицизм и неприятие нравственного авторитета — до крайности. Однако как бы там ни было, западным миром овладевает новая идеология.

Антипросвещение

Модернизм сегодня повсеместно ставится под сомнение в свете нового взгляда на мир, который проникает во все сферы общественной жизни и культуры. Приверженцы этого нового мировоззрения называют его «постмодернизмом». (Существует различие между термином «постмодерн», означающим определенный отрезок времени, и термином «постмодернизм», относящимся к цельной идеологии. После того как закончился век модерна, мы можем теперь называть это время «постмодерном», даже не соглашаясь с догмами постмодернизма.)

Вот как описывает Дэвид Харвей идеи постмодернизма, пришедшие на смену идеалам Просвещения:

«Мысль Просвещения... принимала за аксиому, что на любой вопрос существует только один правильный ответ. Из этого следовало, что мир поддается контролю и рациональному управлению, если только нам удастся его правильно понять и описать. И это предполагало наличие единственно верного способа понимания, который, если его обнаружить (в этом-то и состояли все научные и математические устремления), обеспечит нас средствами для достижения целей Просвещения».

Как заявляют постмодернисты, проблема Просвещения была не столько в том, что оно слишком зависело от человеческого разума, сколько в самой послышке, что абсолютная истина существует. «Как правило, воспринимаемый в категориях позитивизма, техноцентричности и рационализма, универсальный модернизм ассоциировался с верой в поступательное развитие, абсолютные истины,

идеалы рационального планирования социальных систем и стандартизацию знания и продукции». С другой стороны, продолжает Харвей, «фрагментация, неопределенность и сильное неприятие всеобщих или “обобщающих” категорий (пользуясь излюбленной фразеологией) являются признаками постмодернистической мысли».

Модернисты, по мнению Харвея, пытались «обобщить хаос». Видя столь бессмысленное существование, модернисты пытались навязать свой порядок и, более того, трактовали его как объективный и обязательный для всех. Постмодернисты же принимают хаос и живут с ним, рассматривая любой порядок только как промежуточное средство, которое может меняться от человека к человеку.

Из этого определения видно, что новая идеология проистекает из философских посылок экзистенциализма. Однако у нее есть и иные источники. Нэнси Пиерсей показала, как внутреннее развитие самой науки подорвало веру в наличие объективного порядка и познаваемых абсолютов во вселенной. Неевклидова геометрия открыла вероятность того, что математика — лишь умственная игра, а не отражение абсолютных законов природы. Теория относительности Эйнштейна, в ее превратной интерпретации, означает для среднего человека, что «все относительно». Говоря более точно, квантовая физика ставит под вопрос саму способность человека понять то, что она описывает, а это нарушает все привычные каноны логики. Когда эксперименты показывают, что свет — это либо частица, либо волна, в зависимости от того, как мы наблюдаем, кажется, будто фундаментальный закон непротиворечивости нарушен и реальность уже не является рациональной.

Когда постмодернисты заявляют, что «абсолютного не существует», это отнюдь не легкомысленная фраза. Вся логика светского модернизма подвела их к такому выводу. В следующей главе мы покажем истоки такого заявления, лежащие в критике абсолютного и альтернативных способах мышления, сменяющих классический рационализм.

Поистине, Просвещение кануло в прошлое. Секулярный рационализм окончательно зашел в тупик. Христиане согласятся, что без Бога невозможно обрести объективный смысл бытия. Как следствие падения Адама, человечество переживает бессмысленность и интеллектуальные тупики (Еккл. 1). Попытки идеализировать разум и игнорировать его пределы перед лицом Божиих тайн обречены на

неудачу. Как мы увидим, христианство вполне может присоединиться к постмодернистической критике Просвещения.

Между тем, постмодернизм ополчился и на христианство. Подобно модернизму и большинству домодернистических систем, таких как классический рационализм, христианство также исходит из посылки об абсолютной истине. В качестве «всеобщей, обобщающей категории» христианство попадает в один разряд с Просвещением. Постмодернисты критикуют христианство и основные домодернистические системы как разновидности модернизма! Как христианство, так и модернизм сбрасываются со счетов на одном и том же основании: они претендуют на истинность.

Ихаб Хасан противопоставляет ценности модернизма и постмодернизма в виде следующего набора парных тезисов: модернисты верят в определенность, постмодернисты — в неопределенность. Модернизм превозносит цель и план, постмодернизм — свободу и случай. Модернизм устанавливает иерархию, постмодернизм культивирует анархию. Модернизм ценит типическое, а постмодернизм — мутантное. Модернист ищет *logos*, существенный смысл бытия, выраженный в языке. Постмодернизм же предпочитает молчание, отвергая как смысл, так и Слово.

Модернистическое искусство, как утверждает Хасан, сфокусировано на изображаемом объекте как на самодовлеющей, законченной единице. Постмодернизм изображает лишь процесс и исполнение. На место модернистической задачи «создать/обобщить/синтезировать» приходит постмодернистическое «разобрать/разрушить/противопоставить». Модернисты ценят отбор и границы, постмодернисты — комбинацию и взаимосвязь. Модернисты культивируют присутствие, постмодернисты — отсутствие. Модернистов интересует глубина, постмодернистов — поверхность. Модернисты делают акцент на форме, постмодернисты — на антиформе.

Цель постмодернизма — перестроить мышление и культуру на совершенно ином основании, воспринимая реальность лишь как социальное изобретение и полностью отказываясь от «обобщающих категорий». Какое здание может быть выстроено на таком основании, а точнее на отрицании всякого основания? Каковы будут последствия этого мировоззрения в человеческой жизни, искусстве, политике и религии? Неопределенность, анархия, мутации, отсутст-

вие, поверхность, антиформа — являются ли эти постмодернистические притязания лишь безумством интеллектуальной элиты, или они проникают во все сферы жизни и даже в Церковь? Цель этой книги — дать ответ на все эти вопросы.

Постмодернизм и цивилизация

Одним из первых ученых, употребивших термин «постмодернизм», был великий историк сэра Арнольд Тойнби. В 1940 году, учась в магистратуре, он приступил к работе по изучению взлетов и падений мировых цивилизаций. Взгляд Тойнби на историю и динамику его собственного времени оказался удивительно пророческим.

На основании изучения двадцати одной мировой цивилизации, от древнего Рима до императорского Китая, от Вавилона до ацтеков, Тойнби обнаружил, что распадающиеся общества страдают от так называемого «раздвоения души». Редко их просто завоевывает какая-то другая цивилизация. Они сами совершают своего рода культурное самоубийство. Распадающиеся общества, согласно Тойнби, имеют ряд общих черт. Они обуреваемы чувством *развязности*, «состоянием ума, сознательно или несознательно, в теории или на практике принимающим антиномию как альтернативу творчеству». Иными словами, люди перестают верить в мораль и уступают низменным импульсам ценой утраты творчества. Кроме того, они становятся *апатичными* и впадают в эскапизм (стремление уйти от действительности — *ред.*), желая избежать проблем и укрыться в своем беззаботном мире, полном развлечений.

Создается впечатление, что они *плывут по течению*, впадая в апатический детерминизм, как если бы их усилия ничего не значили, и жизнь никак от них не зависела. Далее, им свойственно чувство *вины* и самобичевание, которые сопровождают их аморальное поведение. Затем *неразборчивость*, под которой Тойнби понимает не столько сексуальную неразборчивость, сколько убеждение, что нет ничего неприемлемого — безудержный эклектизм и некритическая терпимость к чему угодно. Тойнби описывает эту неразборчивость как «апатичное погружение в кипящий котел... в области религии, литературы, языка, искусства, а также... в сфере устоев и тради-

ций», триумф массового сознания.

Нам не надо даже соглашаться с монументальным историческим анализом Тойнби для того, чтобы опыт агонии давно ушедших культур вдруг воссоздал перед нашими глазами привычные картины. Однако в рамках своего времени, времени окончания Второй мировой войны и начала холодной войны, Тойнби предсказал приближение постмодернизма. При этом он не только употребил этот термин, но и описал, что это значит. Вот как излагает это пророчество Патриция Во:

«Согласно Тойнби, век постмодерна для западной цивилизации — последняя из четырех фаз ее развития, характеризующаяся тревогой, иррационализмом и беспомощностью. В таком мире сознание не имеет крепкого корня, оно неспособно бросить якорь в какой-либо спокойной лагуне справедливости, истины и разума, на которых покоились идеи модернистов. Так само сознание перестает иметь ядро, оно уже не действующее лицо в мире, а всего лишь функция, через которую проносятся и в которой пересекаются безликие силы. Искусство перестает быть выражением человеческого духа и становится еще одним товаром. Подобно знанию, оно уже не может быть чем-то критическим, оно может быть только функциональным. Более того, находясь в веке постмодерна, живя в культуре, где любое знание достигается путем диалога, мы лишены запредельного. Вне нашей культуры нет иной позиции, с которой можно было бы оценить культуру. Нет больше кантовского “взгляда из ниоткуда”, нет концептуального пространства вне пределов того, что нам нужно оценить. Возможны лишь помехи изнутри: интриги, словесные спекуляции, искусственные конфликты, озлобленность и разделения».

Следующие главы повествуют об этих концепциях более подробно. В них рассматривается, является ли это «свободное сознание» действительно освобождающим, как заявляют многие современные аналитики, или оно — знамение заката западной цивилизации, как говорил Тойнби. Или цивилизация восстановит себя (как показывал Тойнби, это иногда случается) посредством религиозного пробуждения?

III. Созидание и разрушение истины

В своей книге *«Реальность уже не та, что раньше: театрализованная политика, готовая религия, вселенские мифы, примитивный шик и другие чудеса постмодернистического мира»* Уолтер Труэтт Андерсон говорит о новом концептуальном сдвиге как о беспрецедентном в мировой истории.

Как утверждает Андерсон, мы переживаем переходный период от одного стиля мышления к другому. Он называет три процесса формирования этого переходного периода: 1) Крах веры. В сегодняшнем мире не существует всеобщего согласия относительно того, что истинно. С точки зрения автора, мы как будто находимся «на неуправляемой ярмарке идей, где выставлены на продажу все возможные вероисповедания на земле». 2) Рождение глобальной культуры. Андерсон говорит, что «все системы верований знают друг о друге». В результате сложно принять какую-то одну за абсолютную истину. 3) Новая поляризация. Противоречия между природой и социальной правдой разрывают наше общество на части. Мы ведем «внутрикультурные войны» — споры по ключевым вопросам образования и нравственного воспитания.

Андерсон проводит различие между «объективистами» (теми, кто верит в объективный и познаваемый характер истины) и «конструктивистами» (теми, кто верит в то, что человеческие существа создают свою собственную реальность):

«Конструктивисты, чья точка зрения необычайно близка моей собственной... говорят, что мы не имеем, не имели и никогда не будем иметь кругозора “Божия ока” в нечеловеческой реальности. Они утверждают, что мы живем в мире символов, социальной реальности, которую люди создают совместно, при этом воспринимая ее как объективный “реальный мир”. Кроме того, они учат нас, что земля — не *единый* мир символов, но, напротив, безграничная вселенная “многообразных реальностей”, поскольку разные группы людей создают разные истории, и потому что разные языки отражают разные способы восприятия жизни».

По мнению Андерсона, конструктивисты будут весьма популярны в век постмодерна, поскольку их послышки сулят свободу всем сферам бытия.

Постмодернистическая идеология — более чем простой релятивизм. Если экзистенциализм эпохи модерна учил, что смысл конструируется самим *человеком*, то постмодернистический экзистенциализм учит, что смысл создается *группой людей и их языком*. В соответствии с этим взглядом, идентичность человека и само содержание его мыслей продиктованы *социальной средой*. Прежний экзистенциализм был укоренен в отчужденной личности, с достоинством сносящей свое одиночество и бунтарство. Постмодернистический экзистенциализм играет на социальной идентичности, групповом мышлении и чувстве моды. Постмодернистический экзистенциализм восходит к Ницше, черпая у него не только понятие воли, но и силы. Освобождение наступает в результате бунта против существующих властных структур, а также против закрепощающих понятий «знания» и «истины».

Антифундаментализм

Все великие интеллектуальные системы прошлого (система Платона, христианство, марксизм, наука) всегда опирались на какой-то фундамент (рационалистические идеалы, Бог, экономика, эмпирическое наблюдение). Постмодернизм же отрицает всякие основания. Его цель — уничтожить все объективные основания и подменить их пустотой.

Патриция Во описывает этот антифундаментализм следующим образом:

«Постмодернизму присуще осознание и объяснение причин, почему “великие истории” западной цивилизации, в частности просветительский модернизм, потерпели крах».

Для постмодернистов, как показывает Во, свойственно отношение к объективным системам как к «историям» или рассказам. Притязания на истину представлены как фикции. Эта риторическая уловка не просто пример предвзятого отношения к тому, что ты пы-

таешься доказать, а скорее пример постмодернистической аксиомы, что любая истина — лишь языковая иллюзия. Далее Во пишет:

«Контрпросвещение старо, как само Просвещение, однако если в прошлом (например, в Романтизме) критическое мышление сопровождалось альтернативным фундаментализмом, то Постмодернизм ратует за отрицание всякого рода “метаисторий”, в которых можно было бы найти основание для истины. Также они заявляют, что основания для нас совсем не обязательны и даже нежелательны».

В прошлом, когда одна система познания оказывалась несостоятельной, она заменялась другой. Цель Постмодернизма заключается в том, чтобы обойтись без системы познания вообще. На постмодернистическом жаргоне метаистории — это рассказы о рассказах, «масштабные теоретические толкования, якобы с универсальным применением». Так сказать, мировоззрения. Постмодернизм — это мировоззрение, отрицающее всякие мировоззрения.

Метаистории видятся постмодернистам как «обобщающие категории», которые тут же связываются с несвободой. Неомарксист Терри Иглтон сказал:

«Постмодернизм — это смерть для таких “метаисторий”, единственное отвратительное действие которых заключалось в том, чтобы обосновать и закрепить иллюзию существования “универсальной” человеческой истории. Сегодня мы постепенно просыпаемся от модернистического кошмара с его спекулятивным мышлением и фетишем “всеобщности”. Мы переходим в век принужденного плюрализма, в этот цветной мир разнообразия стилей и языковых мозаик, разоблачивших ностальгические попытки обобщения и укоренения... Наука и философия должны отделаться от своих грандиозных метафизических притязаний и относиться к себе проще, как еще к одной истории».

Вера в универсальность человечества, обычно трактовавшаяся как благородное видение человеческого равенства и достоинства, теперь представлена на конспиративном языке как «скрыто террористическая». Современность, которая, при всех своих недостатках, хотя бы немного облегчила повседневную жизнь, теперь рисуется

как «кошмар», первобытное суеверие, хватающееся за свой «фетиш». Даже наука перечеркивается на том основании, что она — лишь «еще одна история». Альтернатива — непринужденный плюрализм, вселенская Калифорния, развлекающаяся «языковыми мозаиками» (ярчайший пример которых — вышеприведенная выдержка).

Постмодернизм отрицает «фундаментализм» как «идею о том, что знание есть отражение истины, и что мы можем найти ей стабильное основание в Боге, Истории или Разуме». Бог был вычеркнут из картины мира еще в начале эпохи Просвещения — ошибка, несомненно, роковая для уязвимого модернизма, подвергшегося всем этим атакам. Но теперь и разум отвергнут.

Кроме того, постмодернисты пытаются растворить историю. Они видят ее не как цепочку объективных фактов, а лишь как «серию метафор, которые не могут быть оторваны от того официально принятого языка, которым мы пользуемся». Как комментирует Патриция Во, в результате мы уже не можем отличить «истину» от «фикции». «История — это переплетение полемических языковых мозаик, где критерием успеха является действие, а не истина».

Поскольку объективной истины не существует, история может быть переписана в соответствии с нуждами любой группы. Если история это только «переплетение полемических (то есть антагонистических, спорящих) языковых мозаик», то любая альтернативная «мозаика», несущая определенную мысль и достигшая успеха в сопротивлении установленной власти, может считаться действительной историей. «Действие, а не истина» — вот единственный критерий. Образование становится риторическим словопрением. Истина уже не может вмешаться.

Отрицание исторической объективности в пользу пропагандистского образования сегодня чрезвычайно популярно в интеллектуальных кругах. «Ученые-ревизионисты» записывают в злодеев Христофора Колумба и других американских героев, представляя тем самым американскую историю не как наследие свободы, а как оплот угнетения. Они очерняют предвзятость «евроцентричного» образования и учебных планов только для того, чтобы навязать «афроцентричное» образование и учебные планы. История переписывается, и дисциплины пересматриваются в соответствии с приоритетами феминисток или геев.

Постмодернистические принципы, возможно, выглядят академично и даже несколько мистично, однако они преподаются в большинстве современных университетов. Новое поколение выпускников университетов выходит в мир с новым типом мышления. Все наши учителя, журналисты, юристы, судьи и политические лидеры прошли «промывку мозгов». Многие выходят с убеждением, что объективного смысла не существует, и что истина — не более чем силовой прием.

Мне представляется, что те, кто не верят в истину, более склонны ко лжи. Люди, убежденные в том, что нравственные нормы — навязанные силой правила, скорее всего, будут использовать силу, чтобы вырваться из ненавистных пут. Они будут либо проповедовать политическую корректность в академических институтах, либо, при наличии политической власти, творить произвол.

Разрушение языка

Постмодернисты основывают свой новый релятивизм и точку зрения о том, что всякий смысл является социально обусловленным, на особенном подходе к языку. Этот набор теорий, а также аналитический метод, который они делают возможным, следовало бы объединить под наименованием «разрушение». Если интеллектуальные течения прошлого занимались наукой или метафизикой, постмодернизм как цельная интеллектуальная дисциплина вырос из литературной критики (всех вещей). Тот же самый анализ, который может показать, что литературные произведения лишены объективного смысла, может распространяться и на все остальное, включая науку, интеллект и богословие.

Постмодернисты начинают с посылки, что язык не может передавать истину о мире объективным образом. Язык, по самой своей природе, формирует то, что мы думаем. Поскольку язык — явление сугубо культурное, смысл, в конечном итоге, продукт культуры.

Современные ученые во многом опираются на работы лингвистов-структуралистов, которые всегда отмечали разность понятий «знаю» (слово) и «означаемое» (значение). Связь между ними случайна. В английском мы произносим «dog» для обозначения животного, сбрасывающего шерсть на наш ковер; в испанском для обо-

значения того же животного используется сочетание звуков «ретто». Нет никакой связи между звуками и самим животным. Вот почему возможны разные языки, каждый из которых использует условные символы внутри замкнутой системы.

Впрочем, постмодернистические ученые идут дальше: само значение слов является частью замкнутой системы. Когда мы ищем значение слова в словаре, мы находим еще слова. В конечном счете, одни слова объясняются другими словами. Большая часть нашего языка состоит из абстракций, которые невозможно наблюдать, поскольку они относятся исключительно к ментальным (а значит, языковым) понятиям. (Предыдущее предложение, к примеру, зависит по смыслу от таких абстракций как «большая часть», «состоять», «абстракция», «относятся» и «понятия», а также от грамматических функций предлогов и окончаний.)

Строго говоря, есть слова, которые обозначают обычные объекты, однако обычные объекты также могут быть «знаками», выражающими обусловленные культурные понятия так же, как сами слова. Какая разница, например, между «собакой» и «волком»? Собака — домашнее животное в нашей культуре, волк — дикое. Значение слова «собака» имеет дополнительный оттенок: домашнее животное, любимец детворы и «лучший друг человека». Значения для слова «волк»: объект детских страхов, кровожадный зверь из «Красной Шапочки», а также сложное переплетение восторга и ужаса, которые мы испытываем по отношению к миру природы, неподвластному человеческому контролю.

Современные критики изучают и толкуют значение одежды, архитектуры, моды и другой «невербальной коммуникации» так же, как классические критики анализировали литературные тексты. Книжки на тему «Что надеть, чтобы преуспеть» показывают, как ношение галстука подчеркивает социальный статус мужчины. Офисная мебель может навевать ощущение власти (директор за массивным столом, напоминающим бункер, и перед ним — согбенный служащий на голом складном стуле). Или мебель может передавать ощущение неформальной коллегиальности (все сидят вокруг на диванах). Автомобили отражают личность водителя и передают «социальную значимость». «Кадиллак» символизирует средний достаток, BMW — изысканность состоятельных молодых людей, «пикап» — обычные сельские ценности, «корвет» — склонность к

приключениям, небольшой фургончик — семейные ценности. Повседневные социальные артефакты, от марки вещей, которые мы покупаем, до хобби — все это средства коммуникации, самовыражения и убеждения.

Каждый культурный артефакт рассматривается как «текст», то есть любое человеческое изобретение аналогично языку или, пользуясь постмодернистическим лозунгом: «Мир — это текст». Правительства, мировоззрения, технологии, истории, научные теории, социальные обычаи и религии — все это, в сущности, языковые построения.

Постмодернистические теоретики вводят понятие «межтекстуальности», говоря, что культурная жизнь и интеллектуальная жизнь — не что иное, как пересечения текстов, которые, в свою очередь, производят новые тексты. Как человеческие существа мы не можем преодолеть рамки своего языка, не можем выйти за пределы его требований. Поскольку язык привязан к нашей культуре, он в большей степени находится вне нашего контроля, а значит, мы не можем адекватно смотреть даже на самих себя. В значительной степени наш язык думает за нас. «Трансцендентного логоса» не существует, не существует объективного смысла или сферы абсолютной истины, которая лежит за пределами человеческого языка. Если использовать еще один постмодернистический лозунг, мы заточены в «языковую темницу».

Поскольку язык — темница, деконструктивисты пытаются обрушить стены, удерживающие нас. Деконструктивисты утверждают, что язык исключительно нестабилен. Значение нетвердо и изменчиво. Сама семантическая система нашего языка нелогична, полна белых пятен и внутренних противоречий.

Лингвистическое значение, по их мнению, заключается в противопоставлениях и исключениях. «Мужчина» определяется как противоположность «женщине». «Свобода» исключает «рабство». Однако, поскольку каждое слово определяется через то, что оно исключает, каждое слово несет в себе «след» своей противоположности. Каждый раз, используя слово «мужчина», мы исключаем «женщину». «Свобода» выводит свое значение из понятия рабства — абсолютно свободное общество не имело бы слова для обозначения свободы. Свобода воспринималась бы как нечто само собой разумеющееся. Выражение «американцы свободны» напоминает

(деконструктивистам) о том, сколь они несвободны.

Деконструктивисты соглашаются, что значение — это *социальный продукт*. Общество конструирует значения через язык. Далее деконструктивисты утверждают, что, как правило, общества построены на угнетении. Эти мыслители заимствуют у Ницше посылку, что человеческая культура и жизнь являются выражением внутреннего желания власти. Они также обращаются к Марксу, который сводил культуру к классовой борьбе и экономической эксплуатации. Далее они вспоминают Фрейда, который говорил, что культура есть отражение сексуальных запретов. Эти послышки имеют нефрейдистские ответвления, такие как феминистическая теория, которая видит культуру как конфликт полов, и «гомосексуалистическая теория», для которой культура — угнетение гомосексуальных меньшинств. Все эти теории различаются между собой (существует широкий спектр даже среди практиков деконструктивизма), но все они имеют одну общую черту: для них истинная значимость культуры лежит за пределами понимания. Общественные институты — лишь «маски» нечестного, хотя иногда, вероятно, и неосознанного заговора. Ни один из этих подходов не отвергает религию как религию. Они истолковывают религию как прикрытие для чего-то еще. Фрейд рассматривал религию как способ подавления сексуальных влечений, феминистки — как способ порабощения женщин. По Марксу, религия — опиум для народа, изобретение буржуазии, придуманное для того, чтобы приковать внимание бедняков к Небесам и заставить их подчиниться эксплуататорам на земле. Ницше преворачивает Маркса с ног на голову. Христианство — это не изобретение богатых для контроля над бедными, это «восстание рабов», заговор бедных и увечных, манипулирующих богатыми и сильными посредством вины и навязывания этики любви и сострадания, что, в конечном счете, мешает выживанию сильнейших.

Опираясь на эти две несовместимые послышки, деконструктивисты разрабатывают «герменевтику подозрения». Они подходят к тексту не с желанием обнаружить в нем объективный смысл, а с желанием разоблачить тайный, скрытый смысл. Понимая, что язык — это оплот власти, деконструктивисты ищут освобождения от этих оков, всячески подрывая авторитет языка.

Деконструктивисты поощряют так называемое «подрывное чтение». Язык не *открывает* значение (которое бы подразумевало

существование области объективного, трансцендентного знания), а *конструирует* его. Несмотря на то, что искусственные лингвистические конструкции направлены на создание и поддержание иллюзии истины, на самом деле они — прикрытие для закулисной борьбы за власть, которая лежит в основе культуры. Деконструктивисты тщательно изучают процесс конструирования значения, обнаруживают лингвистические противоречия и изобличают претензии на власть, которые прячутся за поверхностью текста. Таким образом, процесс созидания значения прерывается, а сам текст «деконструируется».

Иногда деконструктивисты посвящают себя исключительно поискам лингвистических или литературных противоречий, а иногда — радикальной политике. Герменевтика подозрения рассматривает любой текст как политическую игру, обычно создаваемую ради пропаганды статуса-кво. Это в особенности верно в отношении «великих произведений литературы», «классики», которую изучают в школах и которая является частью «канона» цивилизации. Эти тексты считаются «привилегированными», поскольку они кодируют и оправдывают расизм, половую дискриминацию, мизантропию, империализм, экономическое угнетение, сексуальное подавление как скрытую инфраструктуру общества.

Возьмите, к примеру, «Декларацию независимости». «Мы убеждены, что эти истины не требуют доказательств: все люди созданы равноправными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами. Жизнь, свобода и стремление к счастью царят среди них». Этот текст можно деконструировать так: хотя здесь говорится о равноправии, данная формулировка исключает женщин («все люди созданы равноправными»). (В английском языке «люди» — «men» — может означать также существительное «мужчины» — «men». — *Прим. перев.*) И хотя здесь говорится о свободе, автор этого документа Томас Джефферсон имел рабов. Поверхностное значение текста полностью противоречит подтексту, сущность которого заключается в ущемлении прав женщин и меньшинств. Эти строки увековечивают права богатых белых мужчин, подписавших этот документ. Они обосновали свое привилегированное положение, ссылаясь на Самого Бога. То есть «Декларация независимости» может быть деконструирована как еще одно свидетельство борьбы за власть, означающее совершенно противоположное тому, что лежит на поверхности.

Кроме того, традиционное прочтение «Декларации независимости» являет несоответствие между демократическими идеалами и действительной практикой колониальной Америки восемнадцатого века. Вместе с тем, читатель убежден в объективной истинности Богом данных прав. У людей есть объективные, трансцендентные права, берущие начало в Самом Боге. То, что эти права не всегда соблюдались, или то, что люди, говорившие о них, не жили по своим же стандартам, не означает, что этих прав не существует. Если нравственные абсолюты «Декларации независимости» действительно объективны, общество должно быть реформировано в соответствии с этими нравственными нормами.

Идеалы «Декларации независимости», в конечном счете, привели к отмене рабства, предоставлению женщинам избирательного права и широкому распространению демократических свобод. Сложно представить себе, как безудержный скептицизм деконструктивистов мог бы достичь этих целей, поскольку не было бы объективных ценностей, к которым можно было бы стремиться. Более того, любые альтернативные ценности были бы деконструированы подобным же образом.

Литературные тексты подвергаются аналогичным превращениям. Трагедия Шекспира «*Король Лир*», повествующая о безнравственном отношении дочерей к своему отцу, может быть сведена к патриархальной пропаганде половой дискриминации. В тексте можно найти намеки на то, что дочери так поступили с отцом по той причине, что он сам несправедливо обращался с ними. Шекспир выставляет дочерей в черном цвете, однако одновременно он показывает их феминистический запал, проявляющийся в противлении патриархальному семейному укладу.

Деконструктивисты подвергают анализу даже метафоры, присущие научному языку. Говорить о «естественных законах» — значит использовать политическую метафору. Ученые, рассуждающие о «законах», на самом деле перекладывают человеческую борьбу за власть на естественный порядок вещей. Даже исключительно технические теории, как, например, «Молекулярная теория функционирования ДНК», содержат мужские половые тенденции. Когда ученые говорят о «раскрытии тайн океана» или «проникновении в секреты природы», они применяют сексуальные метафоры — обнажение и изнасилование природы, которая всегда представлялась в

женском роде. Так называемая научная объективность всех западных технологических достижений — это лишь «тексты», скрывающие мужское стремление подчинять, эксплуатировать и насиловать «Природу-Мать».

Деконструктивисты говорят, что текст надлежит подвергать «допросу», для вскрытия тайной политической или сексуальной цели. Фразеология чрезвычайно изысканна — в памяти всплывают картины допросов в КГБ, когда в ходе бесед с писателями сотрудники пытались выведать их тайные политические грехи. Маркс полагал, будто искусство существует для оправдания имеющегося экономического порядка, а посему старое капиталистическое искусство следует сокрушить, а новое искусство должно служить оправданию нового общественного порядка. При коммунизме художники, представители старой школы, которые либо отказывались выполнять заказ социалистического реализма, либо просто изображали красоту и значимость окружающего мира, подвергались гонениям или отправлялись в ГУЛАГ. При деконструктивизме аналогичным образом дискредитируются и изгоняются «мертвые белые европейские мужчины», навязавшие «канон» западной цивилизации.

Когда нет истины

Деконструктивистам всякое притязание на истинность подозрительно, и его рассматривают с точки зрения скрытого стремления к власти. Разум, объективная истина, наука и все «западные притязания на сознательную рациональность» подвергаются пересмотру. «Отбрасывается не только *истина*, — говорит Патриция Во, — но и желание сохранить *последствия истины*».

Деконструктивисты представляют новое звено релятивизма: интеллектуально изощренное, теоретически обоснованное и методологически выдержанное. Поскольку оно подрывает само понятие абсолютной истины, деконструктивисты, тем самым, обеспечивают интеллектуальный базис для массового релятивизма, захлестнувшего нашу постмодернистическую культуру.

Сегодняшние университеты, полные показного посвящения истине, утверждают, что истины не существует. Это не значит, что в университетах заколачивают двери. Напротив, перекраивается сама

суть образования.

Знание уже рассматривается не как абсолютная истина, а скорее как переложение информации на новые парадигмы. Человек *конструирует* модели, чтобы объяснить свой опыт. Эти модели, будь то мировоззрение или научные теории, представляют собой «тексты», которые постоянно пересматриваются. Эти парадигмы — полезные фикции, умение «рассказывать сказки». «Но эти сказки уже практически неотличимы от того, что когда-то считалось знанием: научной «истиной», этикой, законом, историей».

Современные ученые стремятся разрушить парадигмы прошлого и «поместить периферию в центр» (пересмотр истории в пользу тех, кто был лишен власти: женщины, гомосексуалисты, черные, индейцы и другие жертвы угнетения). Ученые относятся к новым идеям с леденящим скептицизмом и конструируют альтернативные модели толкования. Те, кто превозносил достижения западной цивилизации, обвиняются в «узком евроцентризме». Этот взгляд оспаривается «афроцентризмом», возвышающим Африку как вершину цивилизации. Патриархальные системы мышления сменяются феминистическими моделями. Патриархальные религии, такие как иудаизм и христианство, отрицаются в пользу матриархальных религий. Влияние Библии подрывается через «поклонение богиням». Гомосексуализм нельзя больше относить к разряду психологических отклонений. Отклонением является гомофобия.

Все эти модели, в сущности, принимаются без каких-либо веских оснований, необходимых в традиционном образовании. Если евроцентризм ошибочен, то следует заключить, что и афроцентризм «узок и ограничен». Если патриархат — это нечто ненормальное, то чем матриархат лучше? Однако эти словесные игры никак не задевают сущности постмодернизма. Для него главное заключается не в истине. Главное — это власть. Новые модели дают «власть» группам, которые ранее игнорировались. Ученые дебаты идут не по пути рациональной аргументации и накопления объективных свидетельств, а по пути риторики (какая схема отстаивает наиболее прогрессивные идеалы?) и утверждения силы (какая схема отстаивает интересы моей группы, или, точнее, за какую схему я получу субсидию, повышение или вознаграждение?).

Как признает один постмодернистический исследователь, цель науки заключается уже не в «поиске истины, а в поиске того,

что наиболее полезно», не в том, какое исследование ведет к открытию поддающихся проверке фактов, а какое исследование «работает наилучшим образом», где «наилучшим образом» означает большее количество исследований в этой области... Университеты и институты уже не могут просто передавать знания; они должны заботиться лишь о принципе «наибольшей пользы». Так, вопрос, которым должны задаваться учитель, студент и кафедра, — уже не «Что является истиной?», а «Какая от этого польза?», «Сколько это стоит?»

Если классическая наука изучала то, что истинно, прекрасно и несет благо, то постмодернистическое исследование вращается вокруг вопроса «Что наиболее полезно?» Традиционный академический мир оперировал разумом, изучал и исследовал; в постмодернистическом ученом мире правит идеологическая система, политическая корректность и борьба за власть.

Неясно, повлияло ли на культуру отрицание высшими учебными заведениями абсолютной истины (выпуская в массовом количестве учителей, журналистов и других профессионалов, формирующих мнение), или такие учреждения лишь рационализируют культурные ценности общества. В любом случае туманные дебаты академиков отражают потерю истины и отрицание абсолютов, столь характерные для постмодернистического общества.

Однако жертвой постмодернизма пали не только абстрактные идеи. Когда объективная реальность поглощается субъективизмом, вместе с ней исчезают и нравственные принципы. Окружающие люди — даже супруг и дети — ценны постольку, поскольку они приносят мне удовольствие. Но даже объекты внешнего мира засасывает вихрь субъективизма. Старый материализм занимался накоплением ценных вещей, новый материализм интересуют не столько сами вещи, сколько статус, который они приносят, и опыт, который они сулят. «В рок-музыке, туризме, телевидении и даже образовании, — замечает Стивен Коннор, — рекламные императивы и потребительский спрос вращаются не вокруг товара, а вокруг опыта».

В этом новом политическом климате политики дают искренние обещания, но как только их избирают, они с необычайной быстротой и, очевидно, безо всяких угрызений совести их нарушают. Конечно, политики всегда нарушали свои обещания, но никогда это не делалось так бесстыдно. Судьи изобретают хитроумные «интерпретационные стратегии», отбрасывая столетние цивилизо-

ванные законы и конструируя новые правовые принципы соответственно последней моде. Журналисты, которых научили, что объективной истины не существует, пишут предвзятые истории и протаскивают свои идеологические программы. Учителя, убежденные в том, что объективных истин нет, преподают своим студентам «процессы» и предлагают «опыт» вместо знания, побуждая своих подопечных подвергать сомнению современные ценности и создавать свои.

Для многих утрата истины означает свободу. Если мы сами создаем свою реальность, то нет пределов нашей свободе. Говоря словами писателя, перефразировавшего строчку из песни панк-рок-группы «Джонни Роттен и Секс-Бомбы»: «Если истины нет, то все позволено».

Как человек может прожить без метаисторий? Дэвид Харвей предлагает варианты:

1. Прими бессмысленность. Вбери полную открытость бытия и живи без истины. По словам чешского писателя Милана Кундеры, мы можем вобрать в себя «невыносимую легкость бытия».
2. Отвергни сложность. Находи убежище в незамысловатых девизах и легких образах. Именно этот вариант предпочел Энди Уорхол и те, кто кидаются в объятия моды и легкой жизни, играя свои роли и веселясь.
3. Ограничь свои действия. Поскольку ничто не универсально, сконцентрируйся на своем маленьком мирке. Старайся идентифицировать себя с определенной группой. Если ты не можешь изменить мир, измени свою округу.
4. Сконструируй свой язык и управляй им. Зная, что все метаистории сконструированы людьми, играй в эту игру сам. Задействуй свою «гипер-риторику», чтобы утвердить свою силу.

По словам Харвея, нет ничего опаснее, чем шизофрения и терроризм.

Сомнительные средства

Очень странно, что столь специфическая и уязвимая теория обладает таким влиянием. Ведь люди, заявляющие, что «истины нет», все же претендуют на истинность своих утверждений. Такое рассуждение противоречиво по самой своей сути. Постмодернисты признают этот парадокс. Стивен Коннор отмечает как глубокую иронию, что существует согласие в том, что согласия не существует, что мы имеем авторитетные заявления об отсутствии всяких авторитетов и что ученые пишут обобщающие трактаты о невозможности чего-либо обобщающего. Один постмодернистический философ заявил, что сегодня единственная задача философа состоит в том, чтобы «расправиться с самим понятием “точка зрения”», в то же самое время имея точку зрения о невозможности точек зрения.

К.С. Льюис писал о несостоятельности любой теории, отвергающей связь между мыслью и истиной. «Любое возможное знание... зависит от способности мыслить».

«Никакое миропонимание не является истиной, пока оно не признает, что наше мышление может быть реальным. Теория, которая объясняет все что угодно в целом мире, но которая делает невозможной веру в ценность нашего мышления, абсолютно дискредитирует себя. Ведь сама эта теория достигается путем мышления, а если мышление нереально, то и сама теория, естественно, не имеет под собой основы. Она уничтожает себя своими же аргументами. Это был бы аргумент о том, что ни один аргумент не является здоровым, доказательство того, что доказательств не бывает, что, в сущности, бессмыслица».

Льюис писал это в 1940 году. Сегодня его описание теории, «уничтожающей саму себя», несомненно, ожидает деконструкция. Льюис доказывает, что такие аргументы внутренне противоречивы, но деконструктивистов это ничуть не смущает. С их точки зрения, противоречия присущи любому утверждению истины и языку во-

обще. Деконструктивисты получают удовольствие от противоречий.

Некоторые ученые, заботящиеся об авторитетности и объективности своих заявлений, публикуют трактаты несколько иного свойства. Поскольку деконструктивисты считают, что ясность языка — иллюзия, их собственные трактаты, как правило, неоднозначны, туманны и изобилуют постмодернистическим жаргоном. В большинстве случаев они нуждаются в «интерпретации» со стороны читателя. Другие экспериментируют с новым видом академических трактатов, которые раздроблены, направлены на создание впечатления и лишены логических связей. Этот «открытый» стиль академических произведений призван быть «демократически неограниченным», вынуждающим читателя толковать написанное и таким образом принимать активное участие в конструировании смысла. Например, один ученый перемежает свою тяжеловесную, насыщенную жаргоном дискуссию о «политике стиля» репродукциями реклам и изображениями Микки Мауса. Он говорит, что его цель — «придать мыслям читателя то отвлеченное, легкое состояние, которое ассоциируется с просмотром телевизора».

Таким образом, разум начинает жить по новому образцу. Это уже не Сократ, ищущий истину в диалогах на рыночной площади, не Августин, размышляющий о своей жизни в свете Писания, не Ньютон, с математической тщательностью наблюдающий за природой, не физик, работающий в лаборатории, и не историк, проверяющий архивные данные. Новая модель интеллектуального прогресса — это одурманенный лежебока перед голубым экраном.

Возможно, более точная модель — шлем виртуальной реальности. Многообещающий синтез компьютеров, телевидения и видео-игр подарит нам шлем, надев который, мы окунемся в иллюзорный, генерированный компьютером мир. Как только эта технология будет достаточно развита, мы сможем принимать участие в мультисенсорных фантазиях, как если бы мы были главными героями в фантастическом кинофильме. Некоторые даже ожидают изобретения виртуальных кондомов, которые позволят испытывать запрограммированные сексуальные наслаждения.

Согласно постмодернистам, вся реальность виртуальна. На всех нас надеты виртуальные шлемы, проецирующие наш собственный маленький мирок. Мы вполне можем ощущать этот мир и терять себя в нем, но он, тем не менее, нереален. При этом мир одного

человека необязательно совпадает с миром другого. Но вместе с тем мы не творим своей собственной реальности. Мы лишь принимаем реальность, сотворенную кем-то другим. Как производители виртуальной технологии программируют свои фантазии, точно так же так называемый объективный мир, наблюдаемый нами, запрограммирован огромными, безличными социальными институтами. Несмотря на всю нашу храбрость в выдуманном мире пришельцев, бороздящих космос, и на героическое освобождение голографической принцессы, мы всего лишь играем в игру. В действительности же мы пассивны и отданы на милость программистам.

Вопреки всем заявлениям интеллектуальной элиты, истина, конечно, существует. Постмодернисты бросаются новыми научными концепциями, такими как принцип неопределенности Хайзенберга, теория относительности, новая физика и теория хаоса — все для того, чтобы оправдать свой релятивизм. Между тем, настоящие ученые — не релятивисты. Если не существует метаистории, то зачем, спрашивается, «новые физики» трудятся над созданием единой теории поля (попытка объяснить гравитацию, электричество и другие природные феномены с точки зрения единой всеобщей схемы)? Если не существует объективных данных во внешнем мире, то зачем новые физики работают над дорогостоящим ускорителем частиц? В то время как университеты один за другим впадают в скепсис, ученые и инженеры продолжают делать все новые и новые открытия.

Однако если постмодернизм — реакция на Просвещение и поощрение объективной истины, то одной из жертв может стать наука. К.С. Льюис предупреждал:

«Человек стал заниматься наукой, поскольку ожидал найти в Природе Закон. Люди надеялись найти Закон, поскольку он верил в Законодателя. Для большинства современных ученых эта вера мертва. Интересно посмотреть, насколько их уверенность в существовании универсальной теории переживает эту веру. Две значительных тенденции уже налицо: создание гипотезы о хаотичной субприроде и отрицание постулата об истинности науки. Должно быть, мы гораздо ближе к концу научного века, чем нам кажется».

Стремительный прогресс науки и техники — следствие модернистического мировоззрения. Они, возможно, не переживут краха модернистических посылок. Кроме того, нравственные категории продолжают всплывать на поверхность, как бы постмодернисты ни пытались их обойти. Само заявление (снова и снова повторяющееся в постмодернистических кругах), что некоторые силовые структуры угнетают общество, подразумевает наличие некоего нравственного принципа, заключающегося в том, что угнетать людей нехорошо. Как заметил К.С. Льюис: «Всякий раз, встречая человека, который говорит, что не верит в существование объективного добра и зла, вы непременно увидите, как этот же человек через мгновение сделает противоположное заявление. Обещание, данное вам, он спокойно может нарушить, однако если это сделаете вы, то он скорее всего возмутится: “Это нечестно”».

Постмодернисты, в гораздо большей степени, чем все остальные люди, недовольны тем, что различные силовые структуры действуют несправедливо. Они требуют к себе сочувственного, терпимого, справедливого отношения. Разве они не понимают, что вызывают к трансцендентным, авторитетным нравственным абсолютам? Насколько они готовы честно принять последствия своей собственной теории? Или, возможно, это лишь маска, за которой прячутся какие-то иные цели? Иными словами, можем ли мы деконструировать деконструктивизм?

Деконструктивизм и христианство

До сих пор я показывал отрицательные стороны деконструктивизма. Теперь, на примере постмодернистического парадокса, я бы хотел выступить в его защиту (до определенной степени).

Многие христианские исследователи полагают, что закат модернизма и начало века постмодернизма могут предвещать возрождение ортодоксального христианства. Интеллектуальная культура готова признать, что у нее нет оснований для истины. Для христиан, имеющих основание для истины, это может стать реальным шансом. Новый интеллектуальный климат не способствует классической критике христианства, а значит, открываются новые возможности для христианской апологетики.

Отвергнув популярные философские посылки Маркса, Фрейда и Ницше, христиане могут сформулировать свою «герменевтику подозрения». Христиане верят, что в глубине человеческого сознания таится нечто более страшное и более весомое, чем стремление к деньгам, сексу или власти. Речь идет о грехе. Христиане считают, что мотивация и последующие беды падшего человечества проистекают из его первоначального бунта против Бога.

Христиане согласны, что люди действительно конструируют свой собственный смысл — философские, религиозные, идеологические и рациональные системы. Все это бесплодные попытки отвергнуть истину Божию. Конструирование своего собственного смысла и своих богов, вместо того чтобы признать истинного Бога, называется идолопоклонством. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх. 20:4). Идолопоклонство — это отрицание истины и попытка замены Бога: «Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца» (Рим. 1:25, см. также Ис. 44:9-19).

Идолы должны быть повержены. Это справедливо как по отношению к кумирам, так и к интеллектуальным системам. Как говорит Павел: «Ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, встающее против познания Божия» (2 Кор. 10:5). Это побуждает нас совершить своего рода деконструкцию.

Век модерна подверг христианство сокрушительной критике во имя Просвещенного рационализма и научной объективности. В условиях постмодерна большая часть этих аргументов потеряла свою силу. Постмодернистический анализ демантирует аксиомы и точки зрения, лежащие в основе даже (якобы) неоспоримо объективных постулатов. Но ведь и христиане могут играть в эти игры.

Например, является ли эволюционная теория Дарвина научным фактом или это просто конструкция? Теория Дарвина может быть деконструирована, если поместить ее в контекст того времени и обратить особое внимание на фигуры речи. Его теория заключается в том, что развитие основано на свободном соревновании и выживании сильнейших. Что это — биология или неограниченно свободный капитализм девятнадцатого? Объективная ли это наука или же претензия на власть, попытка рационализировать британский империализм, где богатые живут за счет бедных? Или это попытка

оправдать какое-то другое хищническое поведение, превратив его в закон природы? Итак, современные постмодернисты могут деконструировать Дарвина (хотя я не слышал, чтобы они это делали). С таким способом ведения войны христиане вполне согласны.

Они, между тем, пошли бы гораздо дальше, подвергнув сомнению теологические и нравственные упущения Дарвина. Теория Дарвина — это еще одна попытка человека разделаться с Богом. Дарвин конструирует творение без Творца. Как следствие, он заменяет библейскую заповедь о любви и милости противоположной этикой эгоизма и насилия. В корне этого, конечно, лежит грех.

«Критика мировоззрений» Фрэнсиса Шефера, как попытка обнаружить типы мировоззрения, негласно определяющие ту или иную культуру, философию и искусство, — подход, по сути, постмодернистический. Внимание, привлеченное Шефером к мировоззрениям, что впоследствии было заимствовано многими христианскими исследователями, сродни постмодернистическому вниманию к последовательности «метаисторий» или «парадигм». То, как Шефер показывает, что за секулярными утверждениями прячутся комплексные философские и религиозные посылки, — подход, в сущности, постмодернистический. Также постмодернистической является его тактика благовестия, когда он срывает с неверующего покров противоречивых посылок, как бы «снимает крышу» и подводит его к линии отчаяния, где он, сокрушенный, открывается благодати Божией. Конечно, Шефер не деконструировал тексты. Он деконструировал грешников. Безусловно, Шефер не постмодернист, но вместе с тем его богословие несет элементы постмодернизма.

Язык человеческий и язык Божий

Христиане солидарны с постмодернистическими теоретиками в том, что смысл возникает в языке. Однако если секулярные теоретики утверждают, что язык — это исключительно человеческий феномен, христиане идут гораздо дальше.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и

жизнь была свет человек. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его... И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Иоан. 1:1-5,14).

Речь — *Божия* речь — существовала еще до сотворения человека и физической вселенной. Речь присуща самой мысли и является неотъемлемым свойством личности. Слово Божие есть часть Его вечного бытия.

Более того, Божией речью сотворен мир. Согласно книге Бытие, вселенная была создана посредством ряда речей-деяний. («И сказал Бог: да будет свет. И стал свет», и т.д. [Быт. 1:3].) Слово Божие творит то, что оно провозглашает. «Словом Господа сотворены небеса... ибо Он сказал, и сделалось; Он повелел, и явилось» (Пс. 32:6,9). До того как Бог что-то изрек, «земля была безвидна и пуста» (Быт. 1:2). Слово Божие придало бытию форму и вид. Порядок во Вселенной, реальность научных законов, подобные языку коды ДНК и математические закономерности физики — все это имеет начало в Слове Божиим.

Как и у Бога, у человека есть язык. Бог — мыслящая Личность, способная на отношения, которые осуществляются при помощи языка. Адам и Ева могли говорить, поскольку были созданы по образу Божию. Исток их личностных качеств, включая дар речи, находился в Личности и языке Бога. Вместе с тем, книга Бытие указывает на существенную разницу между языком человеческим и языком Божиим еще до грехопадения.

«Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2:19-20).

Примечательно то, что Бог даровал человеку определенную языковую автономию. Адаму была предоставлена возможность называть своими словами то, что создал Бог. «Как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей».

Эта разница между всемогущим Словом Божиим и преходящим, случайным словом человека свидетельствует о том, что чело-

веческий язык как таковой отнюдь не является сакральным. Он подвержен постоянному изменению, он ограничен и иногда неоднозначен. Подобно разнице между бесконечным Богом и ограниченным, хотя и безгрешным, человеком, язык человеческий и язык Божий разделяет непреодолимая пропасть. Эта пропасть становится еще более непреодолимой с грехопадением.

Дьявол соблазнил Адама и Еву именно посредством слов. Он изобрел ложь, отделив слово от истины. Дьявол, или змей бросил тень сомнения на Слово Божие («Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?») [Быт. 3:1]). Ева согрешила, а затем уговорила Адама сделать то же. Как правило, они использовали именно язык для того, чтобы оправдать себя или обвинить друг друга. Они бежали от голоса Божия. («И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая») [Быт 3:8].)

Греховность человеческого языка возрастала на протяжении долгого времени, пока Бог не произнес над ним особенного проклятия. «На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11:1). Единство человеческой расы и способность людей понимать друг друга всегда были заоблачным идеалом, однако все эти благородно звучащие намерения разбиваются о человеческий грех. Единство человеческой расы означало не что иное, как повод для тирании, идолопоклонства и всех других мыслимых пороков. Когда эти люди в своем единстве стали строить великий город и башню до небес, Бог не мог не вмешаться.

«И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого» (Быт. 11:6-7).

Со времен Вавилона человеческий язык поврежден. Мы уже не можем полностью понять друг друга. Хотя наш язык строит лингвистические башни до небес, в сущности, мы употребляем слова, чтобы восставать против Слова Божия.

Слово Божие создает и проклинает. Но также оно и спасает. Бог *призвал* Адама и Еву и дал им Слово обетования всем патриархам. Бог являет себя в человеческом языке через пророческое от-

кровение и богодухновенный текст Библии. Божие Слово не только выше слова человеческого — оно вообще явление иного порядка. Слово Божие — это Иисус Христос, Вторая Ипостась Троицы. Язык Божий — не просто осмысленный звук или знаки на бумаге. Это Божий разум, Его бытие, Его Единородный Сын, пришедший во плоти в тот мир, который Он Сам сотворил: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Иоан. 1:14). Воплощенное Слово Божие умерло на кресте во искупление человеческих грехов. В день Пятидесятницы проклятие Вавилона было снято, поскольку дар Святого Духа позволил Апостолам проповедовать на языках, понятных иноземным слушателям (Деян. 2:12).

Бог продолжает творить Свою великую волю через Слово. Всякий раз, когда мы читаем Писание, или когда пастор проповедует по тексту Библии, или когда мы свидетельствуем кому-то, действует Святой Дух. «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4:12). Точно так же, как Слово Божие создало Вселенную из «ничего», оно создает веру в «безвидной пустоте» грешного сердца. «Итак, вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10:17).

Постмодернистические теоретики совершенно правы в том, что они говорят о центральном положении языка. Однако для них язык — это темница, сугубо культурный феномен. Они заявляют, что трансцендентного *Логоса* не существует, как не существует никакого значения вне языка. Кроме того, они отрицают существование Бога. Для тех из них, кто верит в Бога и трансцендентный Логос — Иисуса Христа, дело несколько усложняется.

Конечно, человеческий язык несовершенен, ограничен и слаб. Мы часто выражаемся неясно. Иногда выразить то, что мы имеем в виду, так же сложно, как, надев варежки, продеть нитку в иголку. Между тем, человеческая речь несет в себе отпечаток, след Божией речи. Язык часто только мешает, однако при помощи этого же средства мы получаем откровения. Значение нельзя считать только субъективным. Физический мир основан на Слове Божием, которое придало ему вид и объективный смысл. При изучении физики, например, мы не просто конструируем умственные модели, но, в некото-

ром смысле, читаем Божию речь, запечатленную в видимой Вселенной. Язык не является только темницей; Божия речь иногда входит в наш мир и дарует нам свободу.

Пределы разума

Христианские богословы на протяжении многих веков говорили об ограниченном характере человеческого языка. Августин, Фома Аквинский, Лютер и Кальвин — все соглашались, что интеллект человека испорчен грехом. Однако это не значит, что христиане должны полностью отвергнуть свой разум. Разум хорош по своему. Фома Аквинский даже верил, что разумом можно доказать существование Бога. При этом он пояснял, что разум не может рассказать, каков Бог и что Он сделал ради нашего спасения. Нам необходимо откровение для того, чтобы узнать о Троице, о воплощении Бога во Христе, о Его любви к нам. Лютер и Кальвин, напротив, считали, что разум едва ли может привести нас к Богу. Единственное, что мы можем знать о Боге или об иных духовных мирах — это то, что Бог специально нам открывает. Мы полностью зависим от Слова Божия.

Постмодернисты правы, когда они подвергают критике высокомерие Просвещения, допускающее, что только посредством разума человек может ответить на все вопросы бытия и решить все проблемы. Их ошибка, однако, состоит в том, что разум они отменяют вовсе. Они справедливо негодуют по поводу модернистических истин, но несправедливо отбрасывают само понятие истины в пользу интеллектуального релятивизма.

Без Бога все же было бы трудно избежать постмодернистических выводов. Ведь если нет трансцендентного *Логоса*, то нет и абсолютных категорий, нет смысла вне человеческих построений, нет выхода из темницы человеческого языка. Такая постмодернистическая позиция может представлять конечную стадию развития секулярной мысли: скептицизм, направленный против себя самого, человеческая автономия, обнаруживающая собственное бессилие. Постмодернизм, в сущности, можно считать тупиком — взрывом, разрушением — человеческих попыток прожить без Бога.

И все же истина существует, хотя ее порой очень сложно

отыскать, и мы терпим неудачи в этом поиске. Христианам это всегда было известно. Явленное Богом в Его Слово — абсолютная истина. Об этих истинах можно спорить, сопоставлять их с чем-то другим и применять в жизни. Кроме того, откровение о том, что Вселенная сотворена Богом, дает нам основание для поиска других объективных истин.

Но это отнюдь не значит, что человек способен с помощью своего интеллекта охватить всю широту и глубину Божия откровения. Существует история о том, как один богослов пытался понять учение о Троице, прогуливаясь по берегу океана. Тут он заметил мальчика, который выкопал маленькую ямку в песке и пытался наполнить ее водой из океана. Богослов понял, что пытался проделать то же самое — вместить безбрежный океан Божия бытия в маленькую ямку человеческого разума.

Как указывал Фрэнсис Шефер, Библия открывает нам истину, но это не вся истина. Библия не содержит *всю* истину о Боге и Вселенной. Писание содержит множество свидетельств о многообразии духовной реальности. Парадоксы Божия избрания и человеческой ответственности, тайна Троицы и воплощения Бога в Иисусе Христе, то, как Иисус вознес все грехи мира на крест, оставаясь безгрешным, — все это будоражит ограниченный человеческий разум. Те, кто размышляют над этими тайнами, не могут ожидать их полного раскрытия в интеллектуальном плане; и, напротив, те, кто обдумывают истины о спасении, могут лишь таять в лучах Божией любви (Рим. 11:33-36).

Кроме того, исторические факты и истины о Боге, изложенные в Библии, нуждаются в интерпретации. Как следствие — существует множество богословских школ, даже среди тех, кто соглашается с полной непогрешимостью и авторитетом Писания.

Постмодернистические исследователи тщательно изучают «герменевтику», процесс толкования, раскрывая трудности понимания того или иного текста. Такого рода исследования, несомненно, полезны, поскольку наш разум зачастую заводит нас в тупик. Они вскрывают предвзятости и стереотипы, прокрадывающиеся в наши самые искренние попытки что-то понять. Многие специалисты по герменевтике доказывают, что для интерпретации текста необходимо иметь некое «герменевтическое сообщество», чье общее толкование и послышки делают интерпретацию возможной. Сама Библия

свидетельствует о том, что понимание Слова Божия зависит только от озарения Святым Духом, Который действует через Слово и пребывает в членах Христовой Церкви (1 Кор. 2:9-16). Это ставит непреодолимую преграду для субъективного или личного толкования Библии (2 Пет. 1:20). Святой Дух при помощи богодухновенных слов Писания обличает читателя во грехе и свидетельствует о жертве Иисуса Христа (Иоан. 16:8-15). Таким образом, Церковь становится своего рода герменевтическим сообществом.

Между тем, нельзя делать слишком большой акцент на сложность толкования Библии. Зачастую ее смысл лежит как на ладони. Главная проблема не в том, как понять Библию, а в том, как признать ее авторитет и водительство, в особенности когда на карту ставятся наши желания.

С тех пор, как человек живет во грехе, наш разум не только ограничен, но еще и испорчен (Рим. 1:21). Вследствие того, что наша природа порочна, мы склонны восставать против всякой истины. Мы сомневаемся в Боге и устанавливаем свое собственное «я» как оплот наивысшей власти. Разум в его жалком состоянии мы используем для прикрытия своих грехов и конструирования систем, позволяющих жить без Бога.

В этом смысле христиане имеют полное право «сомневаться в средствах». Они должны уповать только на откровение Божие, данное человеческим языком в «текстах» Писания. Постмодернисты особо выделяют неоднозначность человеческого языка, и многое из того, что они говорят относительно неточности и двусмысленности языка, действительно так. Но вместе с тем христиане должны настаивать, что язык, кроме всего прочего, еще и средство откровения. Возможно, не вся истина доступна человеческому разуму, но абсолютная истина, тем не менее, существует.

Христиане соглашаются, что модернистическое и просвещенческое понимание истины через призму редукционистической науки несостоятельно. Но они могут пойти гораздо дальше постмодернизма. Они могут найти то смысловое ядро, которое остается, когда всем человеческим конструкциям приходит конец. И хотя человек и все его дела под солнцем чрезвычайно слабы и хрупки, а также (как показывают постмодернисты) обречены на постоянное изменение, тем не менее, существует трансцендентная реальность и трансцендентный язык.

«Ибо всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал; но слово Господне пребывает вовек» (1 Пет. 1:24-25; Ис. 40:6-8).

IV. Критикуя человеческое

Последние два столетия модернистическая мысль непрерывно атаковала христианство во имя разума и идеалов гуманизма. Христианское богословие было списано со счетов как суеверие, недостойное разумных и образованных людей. С христианской моралью разделались как с репрессивной, основанной на страхе и осознании вины. Подобно тому, как религиозные догмы были замещены догмами человеческого разума, на смену религиозным ценностям пришли ценности *человеческие*. В соответствии с этими гуманистическими послылками, человек, а не Бог, является мерой всех вещей. Добро — не то, что установил далекий абстрактный Бог, а то, что служит освобождению, развитию и прогрессу человечества. Вместо того чтобы быть богоцентричными, мы должны стать человекоцентричными. Этот мощный гуманистический импульс, зародившийся еще у греков и докатившийся до Возрождения, достиг своего апофеоза в философии современных светских гуманистов. Для библейского христианства это крайне опасный конкурент.

Однако если постмодернистическое мировоззрение разоблачает разум Просвещения, то оно вместе с этим наносит смертельный удар и по гуманизму. Христиане наконец-то могут порадоваться, — модернизм вышел из моды. И все же, подобно тому, как постмодернистическая критика разума разрушает все основания для абсолютной истины, включая библейскую доктрину, постмодернистический антигуманизм сокрушает человека как такового, нападая на личность и само понятие индивидуальности. Христиане, верующие в бессмертие души и ценность каждого человека, в свете того, что он — носитель образа Божия, и в свете Божией любви к нему, не могут не возражать.

И снова христиане становятся свидетелями того, как последние новомодные идеологии расправляются со своими старыми вра-

гами — только для того, чтобы сдаться на милость новому победителю. На протяжении двух столетий христианство подвергалось атакам со стороны рационализма и гуманизма. Однако теперь, когда разум и гуманизм заняли оборонительные позиции, христианам парадоксальным образом приходится вставать на защиту как ценности разума, так и ценности человека. Хотя христиане могут прибегнуть к постмодернистической критике гуманизма, чтобы выместить последние крохи модернизма, новый враг может оказаться куда опаснее прежнего. Сегодняшнее состояние человека можно обобщить словами из песни молодой рок-певицы:

«Я принадлежу пустому поколению. Я ни во что не верю. Я не отношусь ни к одной группе, традиции или чему-либо подобному. Я потеряна в этом огромном, огромном мире. Я — человек из ниоткуда. Я совершенно не имею идентичности».

То, что выразила эта певица, принимается большинством постмодернистов как позитивное кредо. Они рассматривают эту свободу от идентичности как окончательное освобождение. Вместе с тем, ее слова должны звучать для христиан как трагедия, бедствие. Ведь без идентичности, веры и традиции она — не только представительница пустого поколения. По ее же собственным словам, она потеряна в этом огромном мире.

Постмодернистический менталитет может возыметь большое влияние на человека и его идентичность. Если нет ничего абсолютного, если истина относительна, то стабильность и смысл жизни в высшей степени эфемерны. Если реальность — это искусственное построение общества, то нравственные ориентиры — это лишь маски, за которыми прячется деспотическая власть, а индивидуальность и идентичность — лишь иллюзия.

Постмодернистические идеи во многом формируют условности современного общества. По мере развития электронной технологии, телевидения и компьютерной техники увеличивается угроза выхолащивания и усреднения человеческой личности. Высокие технологии представляют собой реальную угрозу для человеческой идентичности. Новые способы мышления, открытые в связи с новыми технологиями, грозят нанести смертельный удар по последовательному мышлению, а вместе с ним и по целостному сознанию

вообще. По мере того как массовая культура становится все более и более безликой, человек растворяется в некой массовой ментальности, приносит себя в жертву идентичности группы. Таким образом, человек теряет свое «я». В то время как постмодернисты полагают, что утрата идентичности, несомненно, сулит свободу, христианам приходится иметь дело с последствиями этой утраты.

Критикуя человеческое

«Одним из наиболее ужасающих фактов постмодернистического общества является то, что оно полностью приемлет эфемерность, фрагментацию, отсутствие закономерностей и хаос», — говорит Дэвид Харвей. Модернизм также признавал фрагментацию и хаос, однако при этом он боролся с беспорядком и бессмыслицей, привнося в общество упорядоченность. Как показывает Харвей, «постмодернизм не пытается преодолеть, победить беспорядок или хотя бы определить те “вечные, неизменные” элементы, которые лежат в его основе. Постмодернизм плывет, или даже “барахтается” в потоке фрагментарности и хаоса, как если бы в этом и заключался окончательный смысл бытия».

Сабина в *«Невыносимой легкости бытия»*; Энди Уорхол с его культивированной поверхностностью, скользящий по волнам современной моды; компьютерные панки, которые живут в своих компьютерах и своем видеомире; бродяги, отказывающиеся от жилья, предпочитающие жить на оживленных и опасных улицах города, — все это образцы, которым следует постмодернистическое человечество.

Современный научный мир шаг за шагом деконструирует человека. Если целью модернизма было разрушить Бога, то постмодернизм, как показывает Дэвид Левин, предпринимает следующий шаг. Сохраняя идею об умершем Боге, он ставит своей целью уничтожить человека как такового. Новым пониманием человеческого существа мир в большей степени обязан немецкому экзистенциалисту Мартину Хайдеггеру. «Тому периоду, который мы называем модерном, — говорит Хайдеггер, — был присущ взгляд на человека как центр и меру всех вещей». Хайдеггер верно подмечает, как модернизм связан с гуманизмом. Вследствие этой связи критика мо-

дернизма неизбежно перерастет в критику гуманизма.

Именно из недр запутанной философии Хайдеггера проистекает большая часть современной постмодернистической теории. Как утверждают исследователи, Хайдеггер стремился создать новый гуманизм, который, в сущности, есть не что иное, как антигуманизм. Как отметил Дэвид Левин: «“Гуманизм” Хайдеггера полностью открыт: он освобождает человека и помещает его в лоно “открытого Бытия”, что, по сути дела, лишает его всякой точки опоры». Если экзистенциалисты эпохи модерна продвигали идеи активного *созидания* смысла, то Хайдеггер говорил лишь об «открытом» существовании, принимая отсутствие объективного смысла и культивируя пассивную «открытость» ко всякому новому опыту. Подлинный опыт «бытия» приходит не оттого, что мы конструируем свой смысл жизни, а в силу того, что мы лишаем наш опыт «центричности», то есть убираем из него всякие неизменные, абсолютные элементы.

Далее Хайдеггер направил свои атаки против самой концепции универсального человека, концепции, возвышающей «человечество» над природой, отдельными людьми и культурой. Как пояснял Левин, «человек не может оставаться единственной мерой всех вещей, поскольку он безосновательно “превозносится”, нетерпим к различиям, пренебрегает экологией и устанавливает тоталитарные режимы». Теперь, по убеждению Хайдеггера, человек уже не в центре вселенной. Центра нет вообще.

Согласно Патриции Во, термин «постмодернизм» был впервые употреблен в литературной критике в 1950-х годах. С его помощью было описано творчество американского поэта Чарльза Олсона как «новый неантропоцентрический жанр, в котором антигуманизм Хайдеггера ставил “человека” в положение простого существа, во всем равного любому другому объекту» (*антропоцентрический* — полагающий человека центром вселенной и высшей целью мироздания. — *Прим. ред.*). Убеждение, что человек ничем не отличается от «любого другого объекта», неразрывно связано с двумя основными идеологическими мотивами постмодернизма: охраной окружающей среды и политическим радикализмом.

Если модернизм стремился упрочить человеческий контроль над природой, то целью постмодернизма является возвышение при-

роды за счет человека. И хотя забота об окружающей среде — дело похвальное, многие постмодернистические ученые в этой области впадают в антигуманистские крайности. Дэвид Браун, бывший глава клуба «Sierra», заявляет, что вред, наносимый жизни человека, ничуть не более трагичен, чем вред, наносимый окружающей среде. «Конечно, печально, когда на войне гибнет молодой солдат, однако эта потеря ничуть не серьезнее того вреда, который человек наносит горам или пустыне». Активист финской партии зеленых Пентти Линкола доказывает, что человек — это ошибка эволюции, раковая опухоль на теле земли. Сам Линкола не скрывает, что его больше заботит судьба вымирающего вида насекомых, чем выживание голодающих детей в Африке.

Экстремизм в области защиты окружающей среды дал толчок движению за права животных. В мире, лишенном абсолютов, нет основания говорить о том, что человек лучше какого-либо другого вида. Притязания на превосходство одного вида над другим получили название *speciesism*, что морально эквивалентно расизму. Как утверждает Ингрид Ньюкирк, президент Общества за этическое отношение к животным: «Крыса — это и свинья, и собака, и мальчик». Этим она показывает, что ребенок ничуть не лучше собаки, свиньи или крысы и не должен иметь над ними никакого превосходства.

В свете всего вышесказанного неудивительно, что дети стали мишенью постмодернистической политики. Аргументы защитников окружающей среды легли в основу ограничения мирового населения, ограничения рождаемости. Новый антигуманизм, в сущности, направлен против детей, поскольку считается, что каждая новая жизнь — это новые проблемы, истощение природных и родительских ресурсов. Мы уже почти не слышим классического аргумента, что ребенок — сам по себе ресурс, бесценное приобретение для человечества.

Таким образом, мы имеем «право на аборт» — способ избавиться от детей, как основной политической лозунг. Вера в «право на аборт», возможно, является главной характеристикой постмодернистической «чуткости». Новый антигуманизм находит выражение в новой радикальной политике.

Как полагают постмодернистические мыслители, модернизм и гуманизм привели к разгулу тирании. «Мы достаточно хорошо знаем модернистическую эпоху и видим, как гуманизм, основанный

на разуме, который (хоть и способствовал росту свободы) произвел, распространил и даже узаконил принципы отчуждения и тирании, — говорит Дэвид Левин. — В условиях постмодерна, что отчасти является вопросом сознания, уже невозможно верить в прежнее видение разума и ‘человека’ с его гуманизмом».

Постмодернистические теоретики ошибочно ассоциируют угнетение как порождение гуманизма с западным капитализмом и демократией, а не с марксизмом, где все это действительно присутствовало. Следует помнить, что многие западные академики являются социальными конструктивистами, убежденными, что *социумы* конструируют воспринимаемую ими реальность. Этот взгляд прекрасно сочетается с теорией Маркса, у которого социальные конструктивисты в большом долгу. Несмотря на то, что классический марксизм дискредитирован как модернистическая социально-экономическая теория, западные интеллектуалы этим фактом ничуть не смущаются. Постмодернисты считают себя «постмарксистами».

Вот как объясняет это Дэвид Горовиц:

«Никто уже не верит в революционный миф пролетарского интернационала, однако дискредитировавшие себя парадигмы Маркса были реанимированы его эпигонами в американском академическом мире. Толчком к этому пробуждению явилось развитие постмарксистских теорий, которые недостающие революционные элементы заменяют другими ‘угнетенными’ группами — черными, женщинами и гомосексуалистами. За всеми этими теориями лежит еще одна версия конструктивистской идеи: социальная конструкция расы, класса или пола создает посылку, что эта группа ‘угнетаема’. То есть женщин исторически не допускали к исполнению определенных функций не вследствие биологических факторов, таких как осложнения при родах (до изобретения современной медицинской техники), а вследствие ‘патриархальности общества’, *определившего* их роли так, чтобы можно было угнетать их.

Следует отметить, что радикальная теория на поверку является не чем иным, как пренебрежением ценностью и достоинством человека... В соответствии с радикалистским взглядом, общество не отражает ни природу, ни историю. Кроме того, люди никак не влияют на свою историческую судьбу. Они лишь социальная конструкция».

Марксисты, захватившие власть в Советском Союзе, считали индивидуальность буржуазным представлением, проявлением классового стремления к независимости, частной собственности и свободной экономике. Целью коммунизма было уничтожение всякой индивидуальности в пользу коллективного, общинного сознания. Школы поощряли групповые соревнования вместо индивидуальных. Социалистический реализм изображал людей как выразителей классового сознания, а не как носителей индивидуальности. Повсюду насаждались конформизм и классовая солидарность; индивидуальность же всячески подавлялась.

Постмарксисты также стремятся сокрушить представление о человеческой индивидуальности. Н.П. Риччи так обобщает критику индивидуальной идентичности, высказанную в работах Ролана Барта, Мишеля Фуко и Жака Деррида: «В современной теории идентичность, то есть индивидуальность, самоидентичность, рассматривается как конструкция... образованная причинной взаимосвязью, где сознание является следствием, а не причиной». Конечно, мы ощущаем себя индивидуальностями, обладающими собственными мыслями и опытом. Между тем, поскольку наша жизнь социально детерминирована, а мысли формируются речью, подобная индивидуальность — это иллюзия.

Такие концепции как нравственная ответственность и индивидуальная свобода — также иллюзии, навязанные западной буржуазной культурой. Фуко пошел дальше, утверждая, что «само понятие свободы — изобретение правящих классов». Демократия дрессирует своих граждан, делая их полицией для самих себя. Люди, наивно верящие в свободу, на самом деле более эффективно управляемы, чем живущие при тоталитарных режимах.

Следует также помнить, что для постмодернистических теоретиков, исповедующих «герменевтику подозрения», всякие социальные отношения — маска, прикрывающая завуалированную борьбу за власть. Поэтому угнетение столь свойственно всем социальным институтам и языку, посредством которого они выражают себя. Таким образом, индивидуальность должна быть деконструирована.

«Стать субъектом, быть подчиненным (англ. — *to become subject*), — говорит Н.П. Риччи, — также значит делать субъектом, подчинить (англ. — *subject*), отдать приоритет идентичности, авторству, собственности, направить сознание к источнику истины, ис-

ключив при этом все отличное и “чужое”». Как правило, деконструкция начинается с игры слов — здесь Риччи отождествляет слово *subject* (в значении «субъективность») и глагол *subject*, имеющий значение «делать субъектом» или «угнетать». Далее Риччи соотносит идентичность (в психологии) с другими понятиями, которые постмодернистами преданы анафеме: собственность (в капиталистической экономике) и авторство (в литературной критике). (Постмодернистическая литературная критика стремится принизить «авторитет автора». Истинные намерения Шекспира не имели ничего общего с тем, что он писал. На самом деле Шекспир не творческий гений, наделенный яркой индивидуальностью; он скорее является средством выражения в его произведениях многочисленных социальных факторов. В произведениях Шекспира культурные ценности, включая такие, которые поработают женщин и узаконивают экономическую эксплуатацию, находят свое наивысшее выражение. Именно по этой причине Запад «канонизировал» его произведения, и они пользуются таким уважением.)

Постмодернисты атакуют гуманизм по двум направлениям. Они не только разоблачают концепцию индивидуальности, но и концепцию универсального человечества. Так, один деконструктивист заявляет, что местоимение «мы» — «форма грамматического насилия».

«Форма, нацеленная на то, чтобы размыть отчетливые грани понятий “ты” и “она” других культур посредством ложного обещания включения в универсальное человечество. Поэтому мы должны отречься от формы “мы”, этой грамматико-политической категории, существующей не иначе как для того, чтобы узаконить миф, стоящий на службе хищнических и тоталитарных культур. Вместо этого мы должны принимать и поощрять любую форму культурного многообразия, не прибегая к универсальным принципам».

Заметьте, что в этом аргументе против использования местоимения «мы» употреблено местоимение «мы»! Остается только сокрушаться по поводу грамматико-политического насилия, которому подвергают читателя: кто эти «мы», которым нужно «отречься от формы “мы”»? Кто эти «мы», которые должны «принимать и поощрять любую форму культурного многообразия»? Судя по всему,

данный критик стремится лишь заманить читателей в сети своей собственной тоталитарной культуры.

Однако сколь бы непоследовательной ни была его логика, суть очевидна: он отвергает существование универсального человечества. Мы не должны даже предполагать, что у людей есть *хоть что-то* общее. Ведь это было бы формой угнетения, навязыванием своих принципов. Универсалий не бывает. И все же он говорит о том, что «мы должны принимать и поощрять любую форму культурного многообразия». Конечно, он игнорирует вопрос о том, как может существовать культура, где не было бы «мы». Он также игнорирует то, что, уничтожая концепцию универсального человечества, он уничтожает всякие основания для сострадания, взаимопонимания и нравственности.

Когда американец встречает аборигена из Новой Гвинеи, между ними могут возникнуть огромные культурные барьеры, однако поскольку оба — представители человечества, у них будет достаточно общего. Им скорее всего свойственно любить свою семью, они знают, что такое боль и радость, они оба испытывают чувство благодарности и разделяют чувство морального долга. Они могут стать друзьями, опираясь на этот общечеловеческий опыт. Они даже могут выучить другой язык (что было бы невозможно, если бы язык являлся культурной тюрьмой). Постмодернисты поклоняются культурному многообразию, однако если нет универсального человечества, то зачем уважать людей другой культуры? Абориген может полностью отличаться от западного человека, быть совершенно «другим» и чужим. Он может быть «неким иным объектом». Если универсальных нравственных принципов не существует, то зачем относиться к нему добродетельно, или, иными словами, относиться к нему *гуманно*? Почему бы не относиться к нему как к собаке, свинье или крысе? Если он так отличен от меня, если ключ к взаимоотношениям в том, сколько я приобрету над ним власти, то почему бы мне не обратить его в раба? Христиане, противники рабства, выступали против рабства с совершенно других позиций, позиций равенства всех людей и рас перед Богом, поскольку все они — представители универсального человечества. Антигуманизм постмодернистов не имеет никаких оснований для того, чтобы служить оправданием каких-либо «человеческих ценностей». Свобода, индивидуальность, чувство собственного достоинства — все это социальные

конструкции. Сочувствие, доброта, альтруизм, любовь — это маски тоталитаризма. Человек как индивидуальность поглощается культурой, культура же, в свою очередь, поглощается природой.

Постмодернистические ученые подчеркивают важность «контекста», то есть помещения автора или идеи в контекст времени, выявляя его связи с другими «текстами», составляющими суть той или иной культуры. Было бы интересно поместить Хайдеггера в контекст его времени как человека, породившего антигуманизм и среди академических теоретиков, и среди защитников природы. Ранее мы процитировали Дэвида Левина, который сказал, что Хайдеггер критиковал гуманизм за то, что он терпимо относился к тоталитаризму. Со стороны Левина это явное лицемерие, ведь Хайдеггер был нацистом.

Активность Хайдеггера в нацистской партии и его ревностное отношение к своей идеологии представляет в новом свете отрицание им человеческой индивидуальности, разоблачение традиционных человеческих ценностей и поклонение природе и культуре. Все эти постмодернистические концепции лежали в основе фашизма. Потому неудивительно, что деконструктивист Поль де Ман также был апологетом нацизма.

Как постмодернисты, так и фашистские идеологи 1930-х годов исповедовали радикализм не столько в экономическом, сколько в культурном отношении. Те и другие отрицали человеческую индивидуальность ради культурного детерминизма. Нравственные абсолюты они заменяли стремлением к власти. И, наконец, вместо разума они руководствовались бесконтрольным эмоциональным импульсом. Трансцендентного Бога они отвергали в пользу безличной, мистической природы.

В своей книге «*Современный фашизм: уничтожение иудео-христианского мировоззрения*» я более подробно рассматриваю фашистскую идеологию, то, насколько она противоречит Библии, а также ее возрождение в современной культуре и в условиях постмодерна. Здесь же достаточно лишь упомянуть о том, что иррационализм, культурный редукционизм и антигуманистские ценности уже однажды были испробованы в истории, и это привело к катастрофе глобального масштаба. Но фашизм, похоже, возвращается. В то время как коммунизм пал, в бывшей советской империи новой демократии угрожает альянс экс-марксистов и националистов, жаж-

дущих построить в стране национальный социализм. Американские академики называют себя постмарксистами, между тем их идеалы плановой экономики, культивированный иррационализм и сведение социальных вопросов к культурным и расистским аспектам более напоминают Муссолини, чем Маркса. Если марксизм — это явление модерна, то фашизм — феномен постмодерна.

Всеми своими искренними устремлениями к защите угнетенных и политической корректностью постмодернистические интеллектуалы, вероятно сами того не подозревая, возрождают то мышление, которому мы обязаны мировой войной и Холокостом. Возможно, постмодернисты полагают, что их благие намерения как-то смягчат последствия того, что они пропагандируют. И все же, как предостерегал Дэвид Хирш: «Распространители постмодернистической идеологии должны решить, возможно ли разделаться с человеком в теории, не подорвав его ценности в реальном мире».

Жизнь без идентичности

Нападки постмодернистов на индивидуальность и универсальную значимость человека не ограничиваются лишь академическими лозунгами. То, как интеллектуалы мыслят о человеке, отражается на жизни обычных людей в современных условиях.

Постмодернистическое общество, как и постмодернистические идеологии, прорастают из-под обломков модерна. Блеск модернизма дискредитировал мудрость и традиции прошлого, благодаря которым человеческая жизнь имела устойчивость. Неудивительно, что людям, не испытавшим на себе воздействие традиции, не имеющим корней в общественной жизни, не знающим, что такое стабильная семья, будет сложно поверить в абсолютные ценности и незыблемые идеи.

Модернистические идеалы раздробили семью. Гипертрофированный индивидуализм, столь присущий модернистическому мировосприятию, ударил в самое сердце семьи, где каждый родитель занялся поиском своей личной, индивидуальной идентичности за счет детей, которые, в свою очередь, оказались брошенными на произвол судьбы. Парадоксально, что крайние формы индивидуальной автономии не способствуют развитию нормальной идентичнос-

ти. Напротив, она, как правило, формируется в условиях крепкой любящей семьи. Неудивительно, что поколение, предоставленное самому себе, бунтует против концепции индивидуальности.

Основным фактором, формирующим постмодернистическую ментальность, выступает современная технология. Порожденная модернистическим рационализмом, она вполне может положить конец всякому рационализму.

Нил Постман показал, как средства массовой информации формируют отношение людей ко всем сферам жизни. Чтобы прочесть книгу в 300 страниц, требуется развитое последовательное мышление, активная умственная деятельность и значительный запас внимания. Чтение также формирует некоторую часть самосознания, ведь человек читает в одиночестве, разбираясь со своими мыслями. Телевизор, в свою очередь, выдает информацию быстро и не требует особых усилий со стороны зрителя, которого увлекает поток массового сознания. Визуальные образы сменяют друг друга стремительно, не создавая взаимосвязи или контекста.

Чтобы убедиться в этом, включите телевизор. Я проделал это сам. За пять минут на канале CNN я увидел сюжеты об охоте на китов, о политических выборах, о скандале на сексуальной почве и о бракосочетании в королевской семье. Затем последовала реклама тематических парков, дезодорантов, шампуней и средств против грибка. В других программах обзор политических событий перемежался вздохами по последнему кинофильму. Последний видеоклип Мадонны сменили кадры о голодающих детях в Африке. Телевидение разрушает всякое ощущение связности, последовательности и цельности.

Кабельное телевидение подарило нам еще один способ просмотра «ящика», что сказывается на нашем мышлении не менее губительно. Ввиду огромного выбора и изобилия каналов, телезрители не останавливаются на каком-то одном. Вместо того чтобы досмотреть программу до конца, большая часть зрителей «щелкают» кнопками дистанционного управления, пробегая пятьдесят три канала и наслаждаясь попеременно то заставками CNN, то MTV, то старыми вестернами, то каналом Sci-Fi, то несколькими секундами черно-белого фильма с Фредом Астером, то новой шуткой от Энди Гриффита и, наконец, возвращаются назад, чтобы досмотреть автокатастрофу в кинофильме недели. Телевизионные «мыльные оперы»

обычно связаны традиционной сюжетной линией, однако они постоянно прерываются рекламой. А то, как телевидение преподает факты в новостях, ток-шоу или документальных фильмах, представляет собой ярчайшую характеристику постмодернизма.

Реальные события, помимо всего прочего, подаются наполину с вымыслом. Неудивительно, что новое телевизионное поколение с трудом отличает истину от выдумки, а интеллектуалы, вскормленные телевидением, доказывают, что, в сущности, это одно и то же.

Нил Постман беспокоится о том, что технологическая среда подвергает нас информационной перегрузке, и на нас обрушивается такое количество информации, что мы вообще перестаем видеть в ней смысл. Дэвид Харвей отмечает, что телевидение пестрит коллажами из бессвязных образов и похожих событий. В связи с тем, что телевидение занимает главенствующее место в нашей жизни, все идеи воспринимаются нами как одинаково хорошие. На место нравственности, разума и истины приходят развлечения, удовольствия и чувственные наслаждения.

Телеэкран фактически стал новой метафорой, описывающей человека. Жан Бодрийар говорит, что человеческий разум «похож на чистый телеэкран, место чередования различных факторов».

Еще более точной метафорой может служить экран компьютера. Каждый компьютер индивидуально подключен к глобальной информационной сети. На сегодняшний момент мы можем говорить о возникновении целой субкультуры, состоящей из поклонников компьютеров. Их называют «кибернетическими панками». Единственная цель их существования заключается в том, чтобы пребывать в своей электронной виртуальной реальности, заниматься виртуальным сексом и жить в виртуальном обществе. Они стремятся, по словам одного исследователя, «ощутить слияние человека и машины». В сущности человека уже не остается — остаются лишь вспыхивающие электронные импульсы, выдаваемые нейронами.

Артур Крокер, сам будучи постмодернистом, свидетельствует, что ключевое психологическое настроение постмодернистической культуры — это *паника*, «свободное падение», как результат «потери объективного стандарта общественного поведения... и отсутствия внутренней идентичности». Людям уже нет дела до социальных институтов, они не признают никаких обязательств перед

обществом, поскольку «само общество становится плацдармом для циничной борьбы за власть». Цинизм по отношению к внешним социальным стандартам сопровождается утратой личных, внутренних устоев. «Исчезновение со сцены “эго”, — считает Крокер, — явная заслуга постмодернизма». Постмодернисты видят себя пассивными сосудами, наполняемыми современной культурой. «“Эго” преобразуется в чистый экран (обратите внимание на метафору) изможденной, но высокотехнологичной культуры». При отсутствии внешних и внутренних стандартов остается лишь место цинизму, панике и «свободному падению».

«Самая проблематичная вещь в постмодернизме, — говорит другой постмодернист, — это психологическая посылка относительно личности, мотивации и поведения». Фрагментация языка порождает шизофрению. Когда отсутствует внешняя система координат, весь опыт сводится к «серии отвлеченных, несвязанных событий во времени». Нет сконцентрированной самоидентичности.

Если абсолютные понятия отсутствуют в сфере объективного, то их нет и в сфере субъективного. Не может быть никакой идентичности, осознания себя или чувства единства с другими людьми. Если модернизм был активным, оптимистическим и уверенным в себе, то постмодернизму свойственны пассивность, циничность и неуверенность.

Дэвид Харвей воспринимает последствия существования без абсолюта с необычайной честностью. Он спрашивает, как мы можем поступать последовательно, если нет последовательной обобщающей теории мира?

«Самый простой постмодернистический ответ заключается в том, что если последовательная теория репрессивна или иллюзорна (а посему обречена на самораспад и забвение), нам совершенно не нужно строить какие-либо глобальные планы. Единственно возможным решением является действенный прагматизм (по типу Дьюи)».

Сегодня люди крайне нетерпимы к систематическому мышлению и абстрактным идеалам. В современных дискуссиях — от церковных советов до Конгресса — преобладают прагматические вопросы: что работает? что практически выгодно? Однако даже

прагматизм будет загнан в угол, если нет какой-либо «последовательной теории». Ведь прагматические рассуждения также нуждаются в каких-то целях (что мы намереваемся делать?) и ценностях (работает ли это так, как должно?), чтобы планировать и оценивать действия. Все это опять возвращает нас к необходимости абсолюта. Постмодернисты пытаются найти в своей теории хоть какое-то основание для позитивной морали и политических действий, но не могут. Когда дело доходит до усовершенствования мира, то, по их же собственному определению, «не стоит даже и пытаться» делать это.

Остается единственная альтернатива — играть в те же самые игры, которыми занято остальное общество. Поскольку социальные вопросы — это всего лишь «плацдарм для циничной борьбы за власть», то хотя бы циничная борьба за власть возможна. Те, для кого все социальные отношения сводятся к стремлению захватить власть, могут стать прекрасными властителями. Освобожденные из-под спуда традиционных, ограничивающих власть идеалов, таких как вера в истину, личная честность и объективная мораль, постмодернисты могут свернуть горы в безжалостной политической борьбе. Постмодернистические политики, вооружась своей философией, могут манипулировать истиной как захотят (поскольку истины вообще не существует). Они могут изменять свои высказывания в соответствии с аудиторией (поскольку каждая группа строит свою реальность) и предпринимать какие угодно шаги ради продвижения своей программы, беспощадно сокрушая оппонентов (поскольку не существует ни идеалов, кроме прагматизма Макиавелли, ни ценностей, кроме стремления к власти). Все это уже проявляется в виде порочной университетской политики, «устранения консервативных кандидатов» и тактики национальных политических кампаний. Связь такой национальной политики с философией фашизма очевидна и должна служить реальным поводом для опасений.

Между тем, простые граждане очень просто становятся жертвой нового мышления — ими легко манипулировать и управлять. Так как они лишены чувства идентичности, постмодернистические лидеры навязывают им ролевые игры. Синди Шерман, к примеру, предлагает серию фотоснимков, на которых сняты женщины из самых разных слоев общества: тинейджер выглядит совсем иначе, чем домохозяйка или женщина с ридикюлем. Однако это одна и та же

актриса. Она перепрограммируется и играет разные роли. Все эти автопортреты не изображают Синди Шерман саму по себе; она не имеет индивидуальности вне ролей, которые играет.

Это правда, что мы ведем себя по-разному в церкви, дома и на работе. С одними друзьями мы пытаемся выглядеть умными, с другими — «своими в доску». Постмодернистические теоретики пытаются показать, как мы вступаем в разные «языковые игры» и «герменевтические сообщества». Мы используем наш профессиональный язык для того, чтобы произвести впечатление на коллег и начальство. Религиозный язык мы используем, когда хотим выглядеть благочестивыми в церкви.

Классической, христианской и модернистической мыслью всегда признавался этот элемент игры, однако при этом считалось, что какими бы играми мы ни занимались, за ними всегда кроется одна-единственная подлинная идентичность. Классические, христианские и модернистические моралисты, несмотря на все свои различия, тем не менее, воспевали честность и осуждали лицемерие. Все они подчеркивали, как важно быть последовательными в разных областях жизни, как важно сохранять верность самому себе. Постмодернисты, напротив, настаивают на том, что не существует идентичности вне той социальной роли, которую мы играем. Мы *действительно* разные люди дома, на работе и в церкви.

Постмодернисты ставят *стиль* выше сущности. Абсолютных понятий не существует, любой объективный смысл проблематичен, включая понятие абсолютной идентичности. *Форма* гораздо более важна, чем содержание. Это относится не только к искусству (что мы рассмотрим позже), но и к общественной жизни. По мнению Джонатана Рабана, жизнь в городе — не что иное, как разыгрывание ролей. Все *играют* какую-то роль. Каждый как-то влияет на *стиль*. Работник офиса надевает свою «униформу» и играет роль местного бюрократа. После работы он играет в другую игру со своими друзьями. Идет ли он в гей-бар или в «обычный», пытается ли он произвести впечатление на женщин своим вниманием или мужественностью, выдает ли себя за вольную птицу или пресыщенного жизнью циника, все это — игра. В течение дня он играет несколько таких ролей.

Поскольку в современном обществе столь важное место уделяется форме, стилю и групповой идентичности, постмодернистиче-

ская жизнь чрезвычайно податлива моде. Постмодернистическое общество крайне озабочено тем, что в моде, а что нет. Смысл жизни вертится вокруг «имиджа». Но моде, как известно, свойственно меняться. Иначе она не смогла бы выполнять свою сортировочную функцию — отделять тех, кто принадлежит к классу законодателей, от тех, кто плетется сзади. Если эра классицизма определяла статус через должность (правитель, глава семьи, священник), а эра модерна — через достижения (владелец собственности; миллионер, добившийся успеха своими силами; знаменитый атлет), то постмодерн определяет статус через стиль (правильное ношение одежды, выражение правильного отношения).

Так, современные подростки идентифицируют себя посредством музыки, которую они слушают, и одежды, которую они носят, что, в свою очередь, делает их частью группы. Один подросток сказал мне, что в его школе людей делят в зависимости от того, какую радиостанцию они слушают. «Головорезы» слушают тяжелый металл, черные слушают рэп, массы слушают поп-музыку, а FFA-субкультура слушает кантри. Тинейджеры, чье самосознание еще формируется, естественно, стремятся к кому-то и к чему-то принадлежать. Однако, не имея своей идентичности, они легко приспосабливаются к групповому сознанию.

Взрослые не меньше чем дети подвержены воздействию окружающих. Молодые богачи специально покупают товары только определенных фирм, едят только самые модные блюда, для того чтобы соответствовать последней моде. Держаться моды — это способ утвердить свой статус, отождествить себя с классом законодателей. В постмодернистическом обществе люди, как правило, определяют себя через расовую, этническую или половую принадлежность, а также через «сексуальную ориентацию». Другие определяют себя посредством связи с «группами по интересам», такими как движение в защиту окружающей среды, физические тренировки, защита прав животных или естественное питание. Некоторые просто сливаются с группой, обретая свою идентичность через группу, — еще одна пугающая параллель с фашизмом.

Однако стабильности не найти даже в групповой идентичности. Тогда как традиционные объединения — семья, сельская община, церковь — давали ощущение принадлежности к чему-то неизменному, современная социальная жизнь характеризуется крайней

изменчивостью. Мода меняется постоянно. Группы закрытого типа становятся группами открытого типа. Друзья бросают друг друга, люди непрерывно меняют род занятий, и даже семья становится чем-то лишним. Неудивительно, что те, кто попал на современную социальную сцену, подвержены постоянному чувству страха. Правильно ли я публике? Смогу ли я найти свою любовь? Но если даже они находят свою любовь, этим приверженцам постмодерна очень сложно посвящать себя кому-то долгое время, поскольку у них отсутствует прочная внутренняя основа и поскольку они слишком склонны к изменениям. И со временем они бросают друг друга.

Эта намеренная неустойчивость и непредсказуемость приводит к целому ряду противоречивых побуждений. Как отмечает Артур Крокер: «Постмодернистическое сознание крайне противоречиво; ему свойственны самые противоположные стремления (к господству и свободе, глубокому пессимизму или безудержному оптимизму)». Вопреки всем разговорам об уничтожении «эго», на самом деле постмодернизм изолирует свое «я». Каждый оказывается запертым в своем недостижимом мире. Постмодернизм поощряет эгоизм без индивидуальности, субъективизм без идентичности, вседозволенность без свободы. Несмотря на все разговоры о культуре, постмодернизм не имеет своей культуры, поскольку все традиции и нравственные ценности, определяющие культуру, преданы забвению. Постмодернисты превозносят терпимость, плюрализм, разнообразие культурных форм, однако в силу того, что они отрицают *любые* устои вообще, все разнообразие, в сущности, превращается в ничто, а терпимость к разным культурам становится больше похожей на фарс. Противоречия постмодернизма характеризуются стремлением жить без Бога, в то время как лишь Он один способен спасти нашу человечность.

Два «я» в христианстве

Христиане могут ликовать по поводу того, что самоуверенный гуманизм модернистической эпохи канул в Лету. Постмодернизм, однако, качнулся в другую крайность, в антигуманизм. Модернистическая гордыня, конечно же, была несостоятельна. Постмодернисты вполне оправданно расшатывают «эго», но как в случае

с разумом, так и в плане индивидуальности они заходят слишком далеко. Библия учит, что невозрожденный человек грешен. Не имеющие веры «не тверды во всех путях своих», и их мысли «двоятся» (Иак. 1:8). Помимо того, что мы склонны к эгоизму, наша идентичность настолько замутнена, что мы еще склонны и к лицемерию. Слово *лицемерие* буквально означает «разыгрывание какой-то роли»; для греков лицемером был актер на сцене. Согласно принципам постмодернизма, мы все лицемеры, мы все играем разные роли и читаем разные сценарии, не имея при этом собственного «я».

Между тем, Иисус осуждает лицемерие (Мф. 23). Он ясно показывает, что лицемеры непоследовательны в своих словах и поступках. Подобно постмодернистам мы больше заботимся о наружности, чем о внутренней жизни. «Окрашенные гробы, — говорит Иисус, — которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты... так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Мф. 23:27-28). Вопреки всем постмодернистам, Иисус настаивает на том, что у человека должно быть что-то «внутри».

Как утверждает христианство, человеческая идентичность не опирается на культуру, какие-то группы, природную или индивидуальную автономию. Каждый человек имеет бессмертную душу. Существует человеческая идентичность, переживающая даже смерть и пребывающая либо в вечном осуждении, либо в вечном блаженстве. Именно душе мы обязаны своей целостностью, и мы остаемся теми же людьми даже через 10 лет, когда все атомы нашего тела сменяются новыми. Что значит иметь душу? Это значит, что даже если мы играем роли и наши чувства и мысли постоянно меняются, мы, тем не менее, остаемся самими собой.

Но вместе с тем наши души подвержены всякого рода порокам. Наша греховная природа должна быть умерщвлена. Библия, подобно постмодернистам, говорит о необходимости умереть для себя. Однако, в противоположность постмодернистам, Библия также обещает искупление и воскресение человека:

«Зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху... Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним...» (Рим. 6:6-8).

Как пишет Павел, в Крещении мы соединены со Христом «подобием смерти Его... и подобием воскресения» (Рим. 6:3-5). Наш Спаситель вознес наши грехи на крест в Своем Телe и таким образом умертвил нашего «ветхого человека». Как Иисус воскрес из мертвых, так и мы воскреснем из мертвых. Теперь у нас новое, спасенное «я».

Посредством смерти и воскресения Христа, с которыми нас соединяет вера, мы возрождаемся Духом Святым, как гласит учение об оправдании. Взаимодействие ветхой и новой природы рассмотрено также в учении об освящении. Несмотря на то, что крестная жертва была принесена раз и навсегда, христиане должны постоянно пребывать в борьбе с ветхой природой, противящейся новому человеку (Рим. 6—8). Освящение, как и оправдание, — это Божие деяние, и оно будет завершено только после нашей смерти, когда наш ветхий человек обратится в прах, оставив лишь новое «я», одержавшее по благодати Божией вечную победу.

Заметьте, как говорит Павел об этих двух «я»: «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его...» (Кол. 3:9-10). Новое «я» постоянно обновляется в познании, питаюсь Словом Божиим, посредством которого Святой Дух преобразует его в образ Божий. Примечательно, что следующий стих описывает это «я» отнюдь не как *культурное* самосознание: «...где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:11). На самом деле, ветхий человек вполне мог думать о себе как о части некой культурной среды. Новый человек черпает свою идентичность исключительно во Христе. Павел выражает эту мысль еще более ярко: «...все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:27-28).

Это значит, что христиане не должны идентифицировать себя по своему социальному статусу, культуре, расе или половой принадлежности. Разумеется, поскольку христиане живут в реальном мире, с этими вещами также приходится считаться, однако истинная идентичность христиан зиждется на Иисусе Христе. Более того, все хри-

стиане «одно во Христе Иисусе». В Церкви люди всех культур и социальных слоев объединены единой верой во Христа. Что бы постмодернисты ни говорили о многообразии культур, вселенская Церковь на протяжении истории была и есть единственным оплотом истинного культурного многообразия.

Однако единство Церкви не стирает индивидуальных особенностей ее членов. Напротив, члены Церкви отличаются друг от друга так, как отличаются органы тела. Именно в Церкви единство и различия, общность и индивидуальность находят свое окончательное равновесие. Обратите внимание, как Павел, раскрывая сущность Церкви как Тела Христова, снова обращается ко Крещению как к тому пути, коим мы преодолеваем наши культурные рамки:

«Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. И вы — тело Христово, а порознь — члены» (1Кор.12:12-15;18-20;27).

В отличие от монолитных, тоталитарных культур, требующих единообразия от своих членов, Церковь — это совокупность уникальных, неповторимых личностей.

С христианской точки зрения, выражать солидарность с другой социальной группой — отнюдь не означает стирать все индивидуальные особенности. И наоборот, стремление к индивидуальности не должно пагубно сказываться на коллективе. Даже на светском уровне идеалом должно быть единство индивидуальностей, а не уступка массовой культуре. *E Pluribus Unum*. На еще более глубоком уровне идеал совершенного единения разнообразных личностей коренится в самом Боге как Троице, в Котором отдельные Личности: Отец, Сын и Дух Святой существуют нераздельно и неслиянно.

Христиане согласны с постмодернистами в том, что человек крайне немощен и изменчив, полон противоречивых желаний и по-

буждений. Также христиане могут согласиться с постмодернистами относительно тщетности идеалов гуманизма. Но вместе с тем христиане с присущей им категоричностью верят, что человек — все же больше, чем телеэкран. Ценность человеческой жизни проистекает не из культуры, не из индивидуальных решений, а из образа Божия, дарованного каждой бессмертной душе. Проблема человека заключается во грехе. Постмодернизм вскрывает те проблемы, которые прятал модернизм, но он никак не может их решить. Для пустого поколения Евангелие Иисуса Христа может стать поистине доброй новостью.

Часть вторая. Искусство постмодернизма

V. Игра с условностями: искусство и перформанс

Искусство всегда разрушает абстрактную философию. Актеры выражают свои убеждения в конкретной форме, делая понятным смысл своего мировоззрения через игру и показывая, что все это значит для человеческой жизни. Постмодернистическое искусство красноречиво отображает суть мышления постмодерна.

Что еще более важно, именно искусство является тем механизмом, при помощи которого мировоззрение проникает в культуру. Все это в высшей степени справедливо в отношении постмодернистического искусства, разрывающего оковы «высокой культуры» в пользу «поп-культуры» или массового сознания. Скажем прямо, не многие читали Жака Деррида, однако практически каждый смотрит телевизор, ходит в кино и слушает рок-н-ролл.

Не всякое искусство постмодерна отражает постмодернизм. К тому же термин «постмодерн» относится ко времени, в котором мы живем, тогда как постмодернизм относится к идеологии, формирующейся как реакция на модернистическое и христианское мировоззрения. Деятели искусства постмодерна зачастую *вступают в схватку* с засилием постмодернистической мысли и культуры. Многие из них, в качестве ответной реакции на эпоху модерна, пытаются возродить былой стиль, вернуть к жизни репрезентативное искусство, вновь открыть для себя красоту и ценность человека. Все это отличает их от постмодернистов. Как мы уже видели, реакция на модернизм имеет самые разные формы, которые христиане принимают и одобряют. Идеи постмодерна возрождают искусства, открывая им двери в прошлое и в простую человеческую жизнь. Эти идеи наложили особый отпечаток на литературу и архитектуру. Вместе с тем «измы» современной мысли часто, словно назойливая саранча, поедают все хорошие всходы.

Модернизм и постмодернизм в искусстве

Многие из нас еще не усвоили модернистическое искусство, не говоря уже о постмодернистическом. В двадцатом веке искусство отошло от традиционных воззрений на внешний мир, черпая вдохновение исключительно из личной фантазии: абстрактные картины, в которых объективный мир приобретает новые причудливые формы; романы, реализм которых достигался за счет погружения в глубины человеческой психики; архитектура, стремящаяся к чистым формам. Классицисты оплакивали кончину репрезентативного искусства, где основной посылкой было то, что внешний мир отражает красоту и объективный смысл бытия.

Реакция постмодернистического искусства на модернизм оказалась запоздалой. Само течение, впрочем, развивалось по нескольким направлениям. Несмотря на все неприятие модернистами прошлого, они, тем не менее, не перечеркивали абсолютные категории, но, напротив, пытались достичь абсолютного смысла (чистых форм, абстрактной красоты) через искусство. Но вот со всеми своими попытками прожить без Бога модернисты потерпели фиаско. Возможно, эта неудача позволит возродить истинно христианскую эстетику. Постмодернизм, однако, по большей части предпочел, в противоположность модернизму, вообще отказаться от абсолютов.

Интеллектуальный и духовный климат, о котором говорилось в предыдущих главах, нашел свое выражение в постмодернистическом искусстве. Поскольку «высокая культура», как правило, имеет тенденцию идти впереди своего времени, ее представители предсказывают направление, в котором движется общество. Индустрия развлечений поставляет постмодернистическую идеологию в каждый дом с помощью телевидения.

Терри Иглтон дает живописную характеристику постмодернистической эстетики:

«Пожалуй, мы вполне согласимся, что типичный постмодернистический артефакт игрив, что он высмеивает сам себя и даже напоминает шизофрению, что он выступает против строгой автономии высокого модернизма, с наглостью манипулируя языком коммерции и товарного производства. В отношении к культурному наследию это бесчестная подделка, а культивируемая

им поверхностность подрывает любые метафизические устои, иногда посредством грубой шоковой эстетики».

Иными словами, постмодернистическое искусство не принимает себя всерьез. Тогда как модернисты стремились к великой цели — единству художника и его произведения — и искали свое видение истины, постмодернисты играют со своим искусством, придавая ему коммерческий шарм и ничуть не стремясь к истинности.

Модернистический роман способен подняться до высот исторического и психологического реализма. Постмодернисты же утверждают, что любая истина — лишь иллюзия, эффект, достигнутый путем определенных манипуляций с общественными условностями, что придает сюжету вид истинности. Однако при всем кажущемся реализме роман все же есть не что иное, как фикция. Более того, согласно постмодернистической идеологии, *все* является фикцией. Всякая истина — это иллюзия, созданная социальными условностями. Постмодернистические деятели искусства стремятся высветить эти условности, размывая грани между истиной и фикцией. Все это они делают, играя с условностями в искусстве.

Фредерик Джеймсон сопоставил модернистические и постмодернистические посылки. Если модернистические деятели искусства считали художника, как и всех людей вообще, цельной личностью, то постмодернисты исходят из предположения, что идентичность сама по себе является иллюзией. Поскольку модернисты верили в то, что творческий человек является уникальной личностью, они стремились подчеркнуть уникальность стиля. Постмодернисты работают с коллажем разнообразных и часто переработанных и многократно показанных стилей. Модернисты «глубоки» и озабочены внутренними реалиями и комплексными истинами. Постмодернисты «плоски», они скользят по поверхности и подчеркивают лишь внешнее.

Модернисты идеализировали личность художника, усердно работающего над созданием уникального произведения искусства. Их ценностями, как говорит Стивен Коннор, были «уникальность, последовательность и трансцендентность». Произведение искусства имеет непреходящую ценность само по себе, вне зависимости от окружающего мира. Постмодернисты, напротив, лишают художника

индивидуальности, а его работу — почетного статуса произведения искусства. Их ценности — это «множественность, мимолетность и анонимность».

Модернисты возносили произведения искусства как самоценные, чуть ли не священные объекты. Они намеренно отделяли произведения искусства от внешнего мира, природы, истории, человеческой жизни. Искусство, отражающее красоту природы или человеческие эмоции, считалось «менее чистым». Искусство существовало ради искусства. Смысл произведения искусства выводился лишь из него самого, а не из внешнего мира. Искусство интересовалось только *эстетическим* содержанием — не нравственным, не политическим, не философским и не религиозным. В абстрактном искусстве использовалась разнообразная палитра красок и геометрических форм для того, чтобы свести искусство к чистой эстетике.

Модернистическая наука способствовала развиту «Новой критики», которая анализировала произведения исключительно с позиций внутренней структуры, как самодостаточный артефакт. В религиозных стихах тонко анализировались образность и ирония, а их духовный аспект опускался. Христианские произведения изобразительного искусства рассматривались как игра цвета и светотени, а их теологический смысл опускался.

Заслуга постмодернистического направления, несомненно, заключается в том, что оно стремится возродить внешние аспекты искусства. Считая, что текст не имеет смысла вне контекста, постмодернистические критики отвергают идею о том, что произведение искусства может быть каким-то изолированным или привилегированным объектом. Вместо этого постмодернисты видят произведения искусства в неразрывной связи с обществом, природой и человеческой жизнью. Безусловно, связь искусства с остальной реальностью является многообещающей, так как открывает путь поистине духовному творчеству, в котором заключены моральные и духовные аспекты. Постмодернистическая эстетическая теория во многом может защитить христианских художников и критиков.

Однако постмодернисты отрицают нравственные и религиозные абсолюты, как, впрочем, и эстетические. Их цель — связать произведение искусства с жизнью, но при этом они руководствуются своим пониманием жизни. Сегодня можно говорить о возрождении репрезентативного искусства, однако оно склонно быть больше

критичным, чем праздничным, изображая больше холодные или шокирующие сцены, чем красоту природы или величие Божия провидения. Поскольку постмодернисты считают реальность социальной конструкцией, их искусство носит более *политический* оттенок, чем нравственный или философский.

Некоторые современные художники соотносят свое искусство с внешним миром, делая рабочее окружение частью искусства. Они переносят искусство из музеев на улицы или в естественную среду. Именно потому мы имеем мастеров, изобретающих шары в виде Кинг-Конга и устанавливающих их на крыше *Empire State Building*; мастеров, подобных Кристо, который заворачивает в ткань исторические и архитектурные памятники; «земляных» художников, которые с помощью бульдозера нагромождают кучу грязи посреди пустыни; художников, устраивающих изощренные «хэппенинги» (например, некто вбегает в первоклассный ресторан, чтобы поиграть на аккордеоне).

Еще одним способом, которым постмодернисты бунтуют против привилегированного статуса произведения искусства, является стирание граней между прекрасным и безобразным. Обычные предметы, такие как бутылка из-под кока-колы, санки или уборная, демонстрируются как предметы искусства. То есть художник может выставить тщательнейшим образом вырисованную бутылку из-под кока-колы, санки или уборную. Один художник даже изобразил сцену своего пребывания в уборной. Вместо того чтобы делать искусство прекрасным, многие художники умышленно изображают все уродливое и безобразное.

Если модернисты исходили из того, что художник полностью отвечает за творческий процесс, и что замысел автора — единственно возможное толкование произведения, то постмодернисты пренебрегают автором. В соответствии с новой идеологической критикой индивидуальности, постмодернисты низводят то, что модернисты относили к разряду творческого гения, до уровня механических процессов, социального разыгрывания ролей и культивирования безличности. Художники намеренно уходят в тень, полагаясь на машины, сдаваясь на милость случайных факторов, коммерческих ценностей и массового сознания.

Когда акцент перемещается с художника, он неизбежно переходит на аудиторию. В соответствии с новой идеологией, сама по

себе работа мастера не имеет единого неоспоримого смысла, определенного художником или кем-то другим. Поскольку «абсолютных понятий не существует», смысл — понятие крайне субъективное и относительное. Смысл книги определяет читатель. Значимость произведения искусства определяет зритель. Как традиционная критика, пытающаяся найти объективный смысл работы, так и Новая критика, концентрирующаяся на внутреннем смысле произведения, сменяются «критикой читателя», где смысл сводится к субъективному впечатлению. Внимание к аудитории отнюдь не означает подчинение оценке зрителя, как в традиционной оценочной критике, где критики сами судят о том, хороша работа или плоха. Поскольку отсутствуют абсолютные категории, то нет и эстетических стандартов. Как заметил один критик: «Постмодернизм может судить о зрелище только с точки зрения зрелищности».

Модернисты делали искусство недоступным для обычного человека. Люди искусства были элитарным «священством». Только высокообразованные специалисты или «посвященные» люди могли понять содержание их произведений. Постмодернисты, напротив, своими радикальными политическими идеями отвергают претензии искусства на элитарность. И хотя на деле они относятся к среднему человеку не менее презрительно, вместе с тем им удается произвести популистский эффект. Они высмеивают условности мира искусства и открыто (хотя иногда и иронически) вливаются в поп-культуру, перенимая потребительское отношение к жизни и китч. Сегодня постмодернисты любят хвастаться элитарными галереями, где выставлены портреты Элвиса, коллажи из фантиков и прочая подобного рода кричащая безвкусица.

Если модернизм во всем искал единство, то постмодернизм ратует за многообразие. Постмодернизм выступает за культурное многообразие и всячески поддерживает «плюрализм». Принцип многообразия, будучи доминирующей ценностью, кроме всего прочего выражает себя стилистически.

Для постмодернистического искусства характерен не единый стиль, а смесь разнообразных стилей. Телевидение предлагает нам не только пеструю смесь образов, но и смесь идей и стилей, где повтор ностальгического сериала перемежается футуризмом *Star Trek*, а кадры, изображающие теплый семейный очаг, прерываются картинками непристойного секса или сценами неслыханного насилия. К

примеру, постмодернистическая картина может быть стилизованными Моной Лизой (Ренессансный стиль), греческим божеством (классический стиль) и утенком Дональдом (пол-арт), которые собраны вместе на фоне какого-нибудь сюрреалистического пейзажа. Административное здание, построенное в постмодернистическом духе, может представлять собой сочетание модернистического стекла и стали со средневековыми горгульями² и викторианскими «завитушками».

Как сказал Жак Деррида, основная форма постмодернистического самовыражения — это коллаж. Современное искусство синтезирует разрозненные образы и несовместимые вещи, производя, по его словам, «новый смысл, который не может быть ни однозначным, ни стабильным». Иными словами, постмодернистическое искусство не желает говорить «одним голосом»: по самому своему стилю оно призвано быть зыбким и неоднозначным.

Джеймсон говорит, что разнообразие стилей в постмодернистическом искусстве отражает современную социальную жизнь. Сегодня уже не существует единых стандартов. Каждая группа имеет свои ценности, язык и стиль. В плюралистском обществе должно существовать множество стилей одновременно. Все они равны, ни один не лучше другого. Стилистическое многообразие налагает свой отпечаток на понимание истории. Вот как Коннор комментирует аргументацию Джеймсона:

«То, что объединяет все основные черты постмодернистического общества — в том числе бурное развитие стилей и моды, растущая сила рекламы и электронных средств массовой информации, начало всеобщей стандартизации, неокOLONиализм, Зеленая революция, — угасающее чувство истории, доводящее все это до состояния шизоидной компиляции. Современная социальная система окончательно утратила связь с прошлым, предпочитая жить в “вечном настоящем”, лишая себя глубины, определенности и несомненной идентичности».

Парадоксально, но это «вечное настоящее» включает прошлое.

² Горгулья — рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры (в готической архитектуре). — Прим. ред.

Если модернисты пренебрегали прошлым на том основании, что оно не приложимо к настоящему, то постмодернисты очень легко это прошлое осваивают. Например, административное здание с горгульями и завитушками воскрешает в памяти средние века и викторианскую эпоху. Телевидение выдает за один раз целый набор исторических периодов: вестерн, изображающий Америку девятнадцатого века, мультфильм по мотивам средневековой сказки или спектакль, где воспроизводится английская история эпохи короля Эдуарда.

Примечательно, что телевизионная технология, тем не менее, сохранила телевизионную историю. Широковещательное телевидение ежегодно готовило новый пакет программ, так что зрители имели возможность всегда смотреть новые передачи (отвечающие модернистической фазе промышленного производства). Кабельное телевидение, напротив, фокусирует внимание на повторных показах популярных шоу прошлых лет. «Переключатель программ» может показать вам киноленты 1950-х с Джеки Глисон, затем вы вновь переживете культурные войны 1960-х с «Бреднем» (*Dragnet*) Жака Вебба и увидите Боба Ньюхарта с его широкими галстуками 1970-х.

Эта постмодернистическая открытость прошлому, несомненно, полезна и может привести к положительным результатам. Однако в общем такое нивелирование истории заканчивается как «шизоидное попури». Телевидение превращает прошлое в бесконечное настоящее, мелькающее у нас на телеэкранах безо всякого смысла и какой-либо связи. Для постмодернистов история — это не то, что может научить нас понимать настоящее. История превратилась в «стиль». Тогда как модернисты стремились придумать какую-то совершенно новую моду, постмодернисты, не менее увлеченные ею, продолжают проигрывать старые мелодии 40-х, 60-х и даже (с Божией помощью) 70-х, и все это выливается в нескончаемое ре-тро.

Такой подход, кроме того, помогает сблизить прошлое и настоящее. Историки-ревизионисты интерпретируют события прошлого, соглашаясь с современными интересами, рассматривая историю через призму культурного многообразия, феминизма и постмарксизма. Вместо того чтобы воссоздать менталитет того или иного периода, современные толкователи представляют прошлое как зеркало настоящего. В кинофильме «Робин Гуд, принц воров» (*Robin*

Hood, Prince of Thieves) показан средневековый разбойник, страдающий от посттравматического синдрома, приобретенного им во время крестового похода. Сопровождаемый пестрой толпой бездомных и обездоленных, он вместе с феминисткой Мариам вступает в схватку с шерифом Ноттингемской многонациональной корпорации, чтобы спасти Шервудский лес от загрязнения. Постмодернизм, таким образом, имеет дело с историей, но не имеет «чувства истории», поскольку все события поглощены современностью и условностью.

Замечание Джеймсона, что культура постмодерна «лишена глубины», указывает на другую стилистическую особенность искусства. В отличие от модернизма постмодернизм, как утверждает Харвей, зациклен на внешнем, поверхностном, на сиюминутном впечатлении, которое не имеет никакого продолжения во времени. Общество, одержимое чувственными удовольствиями, избалованное «сиюминутными обещаниями», которые раздают средства массовой информации, не имеющее нравственных ограничителей, будет требовать немедленного удовлетворения от своего искусства и сферы развлечений. Если книги стимулируют образное мышление, то видео-образы лишь создают внешнюю видимость. Люди, не имеющие убеждений, лишены внутренней опоры и чувства идентичности, то есть они в полном смысле слова поверхностны.

Эта поверхностность проявляет себя и в искусстве. По словам Джеймсона, это «напускное отсутствие глубины». На портретах изображаются безучастные лица, как бы лишённые внутренней жизни. Пейзажи становятся больше похожи на мультфильмы. Как выразился один критик, современные романисты изображают «самые безликие персонажи в самых заурядных местах в самой безвкусной манере». Более того, поверхностность зачастую используется иронически, дабы высмеять то, во что превратилось современное общество: безвкусица порой воспевается как эстетический идеал.

Перформанс

«Наиболее характерный метод постмодернизма, — утверждает Майкл Бинемон, — это перформанс». Подобно тому, как современное общество состоит из людей, постоянно погруженных в свои

роли, современное искусство состоит из различных видов манипуляций и игры.

Если модернисты видели искусство как нечто возвышающееся над временем, для постмодернистов искусство существует только в контексте времени. Модернисты, так же как традиционалисты, высоко ценили непреходящую сущность искусства. Постмодернисты делают ставку на мимолетность. Поэтому постмодернистическое искусство крайне чувствительно к моде; его представители полностью осознают, что ничто в искусстве (как и во всем остальном) не вечно. Вместо непреходящих артефактов постмодернисты создают эфемерное искусство, существующее лишь в определенный момент времени. Некоторые художники создают нечто только для того, чтобы тут же уничтожить, оставив лишь исторические документы о том, что когда-то это существовало. Другие современные художники отбрасывают объект вообще и изображают то, что они называют художественным актом.

В Нью-Йорке один мастер создал произведение искусства, которое, родясь, тут же само себя уничтожило. Кристо, исследуя в постмодернистическом духе грань между искусством и псевдоискусством, оборачивает исторические здания в ткань и сооружает тряпичные заборы вокруг лужаек. Он широко рекламирует свое шоу, затем опускает ткань — и произведения искусства как не бывало.

Нередко посетители современных галерей вместо картин видят на стенах машинописные страницы и фотоснимки, сделанные «Полароидом». Все это примеры «концептуального искусства». Художник выставляет «документацию» — письменное изображение своей идеи и, возможно, фотографии творческого процесса. Иногда произведение искусства просто перестает существовать. Один из художников на берегу выложил из гальки слово «МОРЕ», а затем сделал несколько снимков, запечатлевающих, как морские волны смыывают гальку, разрушая его произведение искусства. Бывает, что произведения искусства нет вообще. Художник просто описывает свою «концепцию».

Значимость произведения искусства зачастую определяется не самим произведением, а *дерзостью* создателя. Например, Шерри Левин пересняла чьи-то знаменитые фотоснимки и выдала их за свои. Разумеется, они выглядели точно так же, как оригиналы изве-

стных фотографов. По словам одного критика, ее целью было «подвергнуть нападкам культ авторской личности». Она не только выразила постмодернистическое презрение к личности и человеку как таковому, но и выступила против «капиталистических понятий собственности и права». Она приправила свой марксизм постмарксистским феминизмом, соединив «патриархальную концепцию авторства с мужской самонадеянностью». Другие бы назвали это плагиатом.

Пожалуй, наиболее ярким выражением постмодернизма в мире искусства является развитие искусства «перформанса». Пионером этого вида искусства был немецкий художник Йозеф Бойес. Вот как критик вполне серьезно описывает одну из типичных работ Бойеса:

«В одном из ритуалов Бойеса, известном под названием “Жирный угол”, в угол помещался кусок жира, чаще всего маргарина, накрытый конусообразным пакетом. Смысл ритуала заключался в том, чтобы просто оставить жир расплываться и портиться в течение нескольких дней. Произведение состоит из жира, его медленного таяния и реакции зрителей».

Заметьте, что частью художественного произведения является *реакция зрителя*. Будь то отвращение, презрение или озадаченность — все это теперь *часть искусства!*

Кроме того, Бойес стал инициатором искусства «одноразового пользования» и искусства «репродуцирования», ставя свою подпись на самых обычных предметах и кусках бумаги. Такие действия подрывают устои традиционного искусства, бросая вызов музеям и коллекционерам, которые понимают произведения искусства как нечто уникальное в своем роде, ценные предметы искусства. Бойес подписал (и продал) некоторое количество промышленных товаров, тем самым подтвердив постмодернистический девиз, что «искусством может быть все что угодно». Это также нанесло удар по индивидуальности и статусу художника. Бойес отказался от всех существующих художественных условностей: стиля, техники, труда, творчества. Он сохранил одну и только одну художественную условность: тот факт, что художник подписывает (и продает) свои работы. Подписывая предметы, не сделанные им самим, Бойес тем самым разрушал роль художника.

Затем Бойес решил еще больше «слиться» со своими произведениями. «В другом своем ритуале Бойес вымазал лицо медом, золотой краской и попросил запереть его в музее, где он ходил взад и вперед с дохлым зайцем на руках и рассказывал ему о смысле выставленных там своих картин». В другой работе под названием «Я люблю Америку, и Америка любит меня» Бойеса завернули в войлок и посадили в самолет. По прилете в Нью-Йорк его, все еще завернутого в войлок, вынесли из самолета и доставили прямо в музей. Там его поместили в комнату с живым койотом, который, по его словам, символизировал американских индейцев и все другие «жертвы американского тоталитаризма». Художник, завернутый в войлок, отбивал койоту поклоны. Время от времени он расхаживал вокруг животного и трогал его палкой, а затем ложился на соломенную постель. Койот выглядел озадаченно.

Перформанс — это последний писк моды в художественном мире. Воспользовавшись помощью видеомониторов, рок-музыки и лазерной светотехники, художники отказались от необходимости изображать в своих произведениях какие-то объекты и просто занялись высвечиванием самих себя. Один такой шоумен, выступавший в Милуоки, начал нецензурно ругаться в адрес своей аудитории. Затем он проткнул себя рыболовными крючками и поранил себя лезвием бритвы. Так он изобразил страдания, которые приходится переносить артисту ради того, чтобы развлечь своих зрителей.

Карен Финли выражает свой феминизм следующим образом: она снимает платье, заливает желатин в бюстгальтер, вымазывается в шоколаде и усыпает все тело бобовыми побегами (символизирующими сперму). Это представление было устроено на деньги налогоплательщиков через Национальный фонд искусств, вокруг чего разгорелись немалые споры. Однако выступления Финли — ничто по сравнению с шоу Энни Спринкл, в прошлом порнозвезды, которая в настоящее время реализует себя в жанре перформанс. Называя себя «постпорнографической модернисткой», она занимается мастурбацией на сцене, а затем приглашает зрителей выйти на сцену и исследовать ее гениталии при помощи фонарика.

Действительная цель таких артистов — партизанская война в области культуры. Искусство заключается в том, чтобы вызвать шок и возмущение, заставить аудиторию чувствовать себя неудобно, а все остальное общество — враждебно. Свои выступления и производи-

мый ими шок они рассматривают как подрывные политические акты. Авангардисты не только смеются над устоями — они бросают им вызов.

Дегуманизация искусства

Несмотря на видимое самовосхваление художников перформанса, постмодернистическое искусство целенаправленно нападает на гуманизм. Постмодернисты превозносят искусство, генерированное современной технологией. Массовое искусство обладает способностью дегуманизировать как художника, так и его работу. Энди Уорхол окрестил свою студию «фабрикой» и нанял персонал, чтобы переснимать фотографии Мерилин Монро и других идолов поп-культуры. «Ну и что, что снимки не были уникальны, — говорил один критик, — какая разница, Уорхол сам сделал снимки или нет?» Согласно постмодернистическому мировоззрению, никакой разницы здесь нет.

Массовое воспроизводство якобы направлено на то, чтобы превратить искусство, являющееся привилегией богачей, в общенародное достояние. Массовая продукция Уорхола, отражающая запросы массовой культуры (звезды кино, реклама, потребительские товары) продвигает его популистские воззрения. (Разумеется, простые люди меньше всего оценили коробки Брилло и банки с супом Кэмпбелла, выпускаемые Уорхолом. Они полагали, что поскольку это искусство, то они могут получить все это в продуктовых магазинах. Однако его работы были стремительно раскуплены музеями и частными коллекционерами — теми, кого он так высмеивал.)

Одной из характеристик искусства Уорхола было то, что он ставил на один уровень тривиальное и сложное. Его фотоснимки таких знаменитостей, как Элвис, Лиз Тейлор, Джеки Кеннеди, были, по сути дела, иконами светских святых. Наряду с печатными снимками кинозвезд и потребительских товаров «фабрика» Уорхола начала выпускать снимки с изображениями электрического стула и автомобильных аварий. С помощью шелкографии Уорхол изображал отвратительнейшие сцены: изуродованные в автомобильных катастрофах тела; человека, посаженного на телефонный столб, как на кол. Все эти ужасающие образы он оформлял в том же стиле, что

и яркие, красочные снимки звезд поп-культуры. Таким образом, трагическое и тривиальное оказалось сведено на один банальный уровень. Уорхол отмечал, что повторные тиражи тех же самых отвратительных сцен теряют свое шоковое воздействие. Подобно тому, как телевидение и кино приучают нас к насилию, Уорхол намеренно воспитывал в людях черствость. Для Уорхола и других постмодернистов человеческая личность — нечто такое, от чего следует освобождаться; человека со всеми его несовершенствами и бедами следует избегать. «Энди стремился исключить человека из своего искусства, — рассказывал один из его приятелей, — и для этой цели ему приходилось прибегать к помощи шелкографии, трафарета и других видов автоматического воспроизведения. Но все же Искусство всегда находило лазейку, чтобы проникнуть в его работы. Мазок здесь, плохая шелкография там, неудачная обрезка. Энди всегда стремился избегать мазков. Лессировка — явление человеческое».

И в своей личной жизни Уорхол отвергал индивидуальность — он всегда старался выглядеть нарочито безвкусно. Парадоксально то, что, делая это, он стал знаменитостью. «Его сущностью был вакуум, пустота, — вспоминает один его почитатель, — он никогда, в отличие от других художников, не делал весомых заявлений относительно своего искусства и, видимо, всегда разговаривал лишь на тривиальные темы. Он никогда ничто не осуждал и находил любые формы человеческого поведения завораживающими». Как объяснял сам Уорхол: «Я так рисую, потому что хочу быть машиной».

Массовая репродукция имеет еще одно последствие: коммерциализацию искусства. Уорхол был баснословно богат; среднему авангардисту, честно корпящему на своем чердаке, такое богатство и не снилось. Отвергнув саму концепцию честного искусства, художник мог одновременно делать политически корректные заявления и зарабатывать много денег. Во всем мире насчитывается только семнадцать произведений Леонардо да Винчи. Но в любом музее вы найдете «оригинал» Энди Уорхола.

Идеал технологической репродукции и его антигуманистический эффект имеет куда более глубокие корни, чем причудливость мира искусства. Уорхол, к примеру, мог печатать свои цветные снимки только при помощи новой печатной технологии. Впоследствии он вообще отказался от кисти в пользу фотопленки. Новая тех-

нологическая среда глубоко влияет на мир искусства. Репродукционные средства информации: фотография, видео, звукозапись и телевидение становятся доминирующими формами искусства.

Постмодернисты превозносят рок-музыку за ее «глобальное объединяющее действие и влияние, которое, с одной стороны, сопровождается терпимостью, а с другой — продвижением идеалов плюрализма стили, средств массовой информации и этнического самоопределения». Рок-музыка с ее афро-американскими корнями и мировой популярностью — явление мультикультурное. Она не только терпима, но проповедует моральную распущенность и несет отголосок бунта против власти. Новые стили возникают постоянно, однако прежние стили отнюдь не забываются и продолжают свою жизнь на «старых» радиостанциях. Электронные виды искусства, по мнению одного критика, исключительно современны, они больше связаны с постмодерном, чем все, что появлялось раньше.

И рок-музыка подпадает под канон постмодернистического искусства, будучи зависимой от технологии воспроизведения и исполнения. Настоящее искусство мультимедиа — рок-музыка, грохочущая в магнитофонах, радио и *MTV*. Но есть еще и рок-концерт. Как заметил один критик, рок-концерт не будет удачным, пока группа не сделала записи хотя бы нескольких хитов. Живой концерт захватывает тем, что можно в личном присутствии музыкантов слушать песни, которые ты слышал ранее по радио и телевидению. Поразительно, что современные рок-концерты задействуют мощные видео-экраны, чтобы поклонники могли видеть живое исполнение на экране телевизоров! Таким образом, реальность и репродукция в постмодернистическом мире безнадежно перепутаны. (Эта путаница еще более усугубляется, когда музыканты «поют» под фонограмму, или когда сам концерт становится альбомом, представляющим странный парадокс «живых записей».)

Новая технология ставит крест на традиционном понимании авторства. Кинофильм, к примеру, является совместным творением сценариста, продюсера, актеров, оператора и т.д. Копировальные устройства разносят законы об авторских правах в пух и прах. Видеокамеры, магнитофоны и компакт-диски позволяют потребителю воспроизводить фильмы, телевизионные шоу и музыку по своему усмотрению. В результате того, что законные производители существуют бок о бок с «пиратами», авторы, в сущности, уже едва вла-

деют своими произведениями. Это массовое воспроизводство дегуманизирует художника, произведение искусства и культуру вообще.

Некоторые открыто осуждают дегуманизацию, другие приемлют ее. Некоторые постмодернисты, такие как Уорхол, проповедают полную открытость массовой культуре. Они не имеют никаких убеждений и, как сказано об Уорхолье, «ничего не осуждают». Другие постмодернисты — яростные политики. Их цель — подорвать существующие властные структуры. Между тем, оба лагеря сводят роль художника к нулю и высмеивают мнение, что существование искусства возвышает общество.

Политики от искусства

Это удивительно, но именно деятели искусства относятся к искусству наиболее деструктивно. Одной из причин этого является «герменевтика подозрения», вера в то, что все культурно значимые утверждения, в сущности, являются масками власти и тирании. Постмодернистические критики говорят о «мифе художника» исходя из той незыблемой посылки, что все деятели искусства, особенно имеющие общественное признание, по сути дела, пассивно играют роль передатчиков тех идей, которые выгодны правящей элите. Шекспир — это оплот патриархального уклада, Микеланджело — пропагандист Медичей и Католической церкви, импрессионисты предлагают ленивому среднему классу мягкую форму обособления. Все это должно внушать деятелям искусства чувство презрения к себе.

В то время как Уорхол и его последователи радостно распаивают объятия коммерциализации, многие постмарксисты с тревогой взирают на это «отоваривание», превращение искусства в еще один товар широкого потребления. Они чувствуют себя виноватыми в том, что их работы субсидируют «многонациональные корпорации», спонсирующие также музеи и делающие состояния коллекционерам произведений искусства. Художники определенно нуждаются в деньгах, но вместе с тем они хотят сохранить политическую корректность.

Это им удается, отчасти посредством иронии. Художники могут вполне осознанно играть в общественные игры, в то же самое

время посмеиваясь над ними. Как сказал один критик: «Если искусство должно постоянно защищать себя от угрозы подобного “отоваривания” галереями, театрами, телевидением и университетами, то логическим следствием такого отношения будет отказ от того, чтобы называться искусством вообще». Этим вызывающим отказом вполне объясняются многие странные образцы современного искусства: беспорядочная мазня красками, пустые рамки, сцены насилия и бедствий, изображение того, как художник освобождает свой кишечник. Деконструкция искусства имеет место тогда, когда искусство отрывается от искусства — когда творческий мир бунтует против самого себя.

Постмарксистские критики уважают подрывное искусство, произведения, порожденные угнетенным классом. Поэтому многие постмодернистические художники находят свою идентичность как члены каких-либо угнетенных групп (женщин, расовых меньшинств, гомосексуалистов, жертв насилия над детьми; некоторые рассматривают деятелей искусства как угнетенное меньшинство). Эти художники используют политические программы подобных групп для придания формы своему творчеству. Когда традиционные творческие ценности, такие как форма и красота, предаются забвению, искусство сводится исключительно к политике. Искусство становится пропагандой. (В 1993 г. к выставке Нью-Йоркского музея американского искусства Уитни, организуемой раз в два года, был выпущен видеоролик с избиением Родни Кинга, «грязная карикатурная картина, сокрушающая мужское господство», а также с различными изображениями, превозносящими гомосексуализм и оплакивающими жертвы СПИДа. Посетителям выставки при входе выдавались нагрудные значки с надписью: «Не представляю себе, как можно хотеть быть белым».)

Постмодернистов действительно заботят внеэстетические вопросы, однако их внимание направлено не на мораль (что означало бы реформу на основе объективных этических принципов) и не на философию (которая искала бы понимания всех этих вопросов). Их целью является политика. Все моральные и философские вопросы сведены к вопросам власти и угнетения, на что художники, как правило, отвечают не рациональным исследованием, а безудержной яростью.

Политическое искусство постмодернизма в основном состоит из сатиры и разнообразных форм выражения протеста. Предметы искусства, согласно посылкам социального конструктивизма и групповой идентичности, превращаются в социальные стереотипы. Все это, в соответствии с постмодернистической мифологией, становится в один ряд с секуляризованными демонами (богатые белые мужчины; международные корпорации; невзрачный средний класс) и святыми (женщины, гомосексуалисты, бедные, расовые меньшинства и все другие жертвы, не исключая страдающих художников). Художники отвечают власти своими собственными политическими играми с целью шокировать и унижить своих буржуазных зрителей.

Художники, будучи обращены исключительно к аудитории, стремятся всячески спровоцировать зрителя. Многие художники сегодня думают не столько об эстетике или красоте, сколько о риторике, возможности манипулировать аудиторией и достигать желаемой реакции. Когда Андре Серрано опустил распятие в свою мочу, шок и общественный скандал были именно тем, чего он ожидал.

Постмодернисты действуют по принципу бунта против авторитетов. Это касается не только объективных авторитетов (Бога, родителей или государства), но также авторитета текста (у которого нет характерного смысла) и авторитета художника (поскольку слово *авторитет* происходит от слова *автор*). Это принижение роли художника преследует политические цели. «Преуменьшение роли “производителя культуры”, — говорит Дэвид Харвей, — дает возможность для общенародного участия и демократического определения культурных ценностей. Все это достигается ценой некоторой непоследовательности или, что еще более проблематично, ценой излишней открытости общества манипуляциям массового рынка». «Производитель культуры», то есть художник или автор, должен уметь, с тем чтобы массы могли расти. Согласно этой теории, роль художника состоит в том, чтобы поставлять на рынок сырье, которое может перерабатываться потребителем как ему угодно.

Освободительное движение в искусстве нашло свое отражение в драматургической теории Бернарда Дорта о манипуляции толпой. По его убеждению, продюсер — воплощение тоталитарного режима, который «не только захватил власть над всеми работниками театра, но оставил их беспомощными и бессильными, по сути дела превратив их в рабов». Большинство людей не думают о Бродвее

или о Голливуде как о потогонной системе, и уж конечно, о них не думают как о хлопковых плантациях старого Юга. Уравнивать неуверенность высокооплачиваемых разбалованных актеров и кинозвезд в своем положении и их жалобы на то, что им приходится подчиняться продюсерам, испытывая реальные страдания черных рабов, просто нелепо. Обратите внимание также на марксистскую риторику, проходящую через все рассуждение: актеры — это «рабочие»; они рабы зарплаты, а продюсеры — это «производители» культуры. Продюсер осуществляет власть над другими, а любая власть — это угнетение.

Постмодернистические постановщики восстают даже против авторитета автора («Какое право имеет сценарист указывать мне, что делать?»). Вместо этого пьесы должны ставиться в соавторстве. Все друг с другом сотрудничают. Постмодернисты также бунтуют против авторитета текста («Почему я должен следовать сценарию?»). Вместо того чтобы запоминать текст, актеры импровизируют.

В конечном счете, пьеса должна стать достоянием зрителей. Драматурги ставят различные эксперименты относительно того, как включить аудиторию в процесс сотрудничества. Один из наиболее отвратительных способов был принят в «обеденных театрах», регулярно транслируемых по всей стране, где для того чтобы разгадать интригу, зрителям предлагается решить голосованием, кто «это сделал». Затем пьеса кончается так, как решили зрители. Все это, разумеется, лишает сюжет смысла, лишает любую информацию ценности и полностью разрушает интеллектуальную загадку, заложенную творцом. Но так или иначе аудитория «получает полномочия». Еще один пример — новая технология «интерактивного» развлечения, когда просматриваемый фильм периодически останавливается и аудитории предлагается нажатием кнопки решить, что будет происходить дальше.

«Там, где [модернистический] идеал цельного произведения искусства концентрировался на личности автора-продюсера, — замечает Коннор, — постмодернистический театр разрушает эту целостность. Сокрушив авторитет единого автора, постмодернизм воплощает свой идеал соавторства». Все, что истинно для драматургии, в равной степени относится и к остальному искусству. Новая модернистическая критика предполагала наличие внутренней цель-

ности произведения и выявляла, как все его части сочетаются друг с другом, образуя единое целое. Постмодернистическая критика предполагает *отсутствие единства*, фиксируя внимание на стилистическом и тематическом многообразии, вскрывая лингвистические и идеологические противоречия произведения. Постмодернистические художники и артисты, помня об этом, создают произведения, намеренно лишённые единства: романы, содержащие разноплановые и несовместимые точки зрения; картины, написанные в несовместимых стилях; документальную аргументацию, которая неловко противоречит сама себе.

Искусство, отказывающееся от содержания; художники, отрекающиеся от творчества — таково художественное самоотречение постмодернистической культуры. Корень всего этого лежит в полном отрицании человека.

VI. Вавилонские башни: Образец архитектуры

Выходя за пределы элитарных галерей и авангардных салонов, постмодернистическое искусство захлестывает телевидение и кинематограф, рок-музыку и компьютерные игры. Постмодернизм — главная сила, определяющая развитие не только литературы, но и архитектуры, включая административные здания, где люди работают, торговые центры, куда они ходят за покупками, и дома, где они живут.

Строения, в которых мы живем и работаем, свидетельствуют куда больше о духе времени, чем художественные музеи. Поскольку архитектура должна волновать тех, кто платит за дизайн и кто будет жить в здании, именно она в гораздо большей степени, чем «изящные искусства», отражает распространенные вкусы и ценности.

Современная архитектура, как реакция на модернизм, может до определенной степени служить моделью позитивной эстетики постмодерна. Поскольку постмодернизм коснулся и архитектуры, современный строительный дизайн совершил определенный стилистический прорыв, чему христиане могут только радоваться.

Современная архитектура

Небоскреб из стекла и стали наилучшим образом отражает модернистический архитектурный стиль. Нависая над старомодными городскими домиками с низенькими каменными стенами, украшенными викторианскими завитушками, монументальные стеклянные башни отодвигали прошлое в тень, делая историю чем-то безотносительным к настоящему. Новые строения своими размерами и необыкновенными конструкциями вызывали трепет и благоговение, как бы говоря, что «человеку модерна» все по плечу. В этом отношении новые сооружения воскрешают в памяти более ранний небоскреб: Вавилонскую башню.

Посредством новых материалов и технологий модернистические архитекторы создали новую эстетику двадцатого века. Модернисты отвергли всякие украшения, присущие архитектуре прежних веков. Раньше, как правило, здания строились так, чтобы напоминать о прошлом или указывать на их предназначение. Правительственные строения могли быть дополнены греческими портиками и римскими куполами, что связывало американскую демократию с ее корнями в античных республиках. Церкви могли иметь шпили и витражи, как готические соборы в эпоху великой веры. Модернистические архитекторы отвергли такого рода «обусловленность». Здание должно быть самодостаточным, указывающим только само на себя.

Модернистическая эстетика основывалась на принципе «форма соответствует функции». При проектировании здания решающее значение имела *функция*, а не какая-либо принятая форма или обусловленность.

Церкви, например, традиционно проектировались в виде креста. Характерной особенностью церковного здания был длинный неф (главный зал), пересекаемый в каком-то месте еще одним залом с правого угла — так называемым «трансептом» (поперечным нефом). Сверху строение выглядело как крест. Пришедшие на поклонение собирались в буквальном смысле внутри креста, что само по себе имело глубокое теологическое основание. Традиционный церковный проект был обусловлен и другими теологическими принципами (строения включали нартекс, святилище и алтарь; что указыва-

ло на три части библейского Храма). При таком подходе к архитектуре ключевая роль принадлежит форме и содержанию, то есть теологии.

Модернистический подход к дизайну церковного здания прежде всего предполагает установление практических функций, которые оно будет выполнять. Например, церковь должна вмещать в себя некоторое число верующих, каждый из которых должен видеть и слышать пастора. Залы разрабатывались именно таким образом. При необходимости можно было присоединить кухню, воскресную школу и комнату для общения. При таком подходе решающим моментом становится практическое удобство тех, кто будет пользоваться этим зданием.

Я отнюдь не критикую модернистическую церковную архитектуру. Стили по большей части являются *адиафорой*, вопросом второстепенной важности, не отрегулированным в Писании. Безусловно, и в модернистических церквях верующие могут прекрасно поклоняться, точно так же как они могут пользоваться другими модернистическими конструкциями и удобствами. Однако сам переход от теологического основания к исключительно функциональному, а значит, сконцентрированному на человеке, значителен сам по себе.

«Форма соответствует функции» не означает, что модернисты были безразличны к форме. Они верили, что внимание к функции порождает прекрасные формы. Опираясь лишь на законы физики, математическую точность и технологические требования, архитекторы обнаружили, что красота может быть побочным продуктом научного следования естественному порядку. Во многом они были правы. Административные здания, доминирующие в контуре Чикаго, выглядят действительно внушительно, вместе с тем они тонки и грациозны — воплощение единства и простоты. То, что красота является результатом следования объективным естественным законам, — реальное свидетельство чудесного порядка в Божьем творении. Однако модернисты исходили из посылок Просвещения, веры в человеческий разум, упорядоченность Вселенной и утилитарную систему ценностей.

Архитектурный модернизм проявил себя не только в небоскребах, но и в массовом строительстве частных коттеджей. Конструкторы создавали целые районы загородных коттеджей, каждый из которых был точь-в-точь как у соседа. Хотя сегодня модно критико-

вать эти «коробки», — эти жилые комплексы, созданные в соответствии со строительными стандартами, были построены экономично, а это позволяло средним американцам владеть недвижимостью, чего раньше никогда не было.

Конечно, эти комплексы выглядят безлико, равно как небоскребы выбиваются из человеческих масштабов. Человек нуждается в чем-то большем, чем просто функциональное удобство. Однообразие и серость небоскребов, сооруженных из стекла и стали, отсутствие ярких цветов и декоративных украшений, строгое соответствие блочных конструкций, возвышение функции и технологии над человеческими потребностями постепенно становились удушающими. Вопреки утопическим устремлениям городского планирования, человек не мог слишком долго жить в модернистической среде обитания.

Вместо того чтобы решить проблемы города, модернизм, по сути дела, усугубил их. Программы городского обновления сравняли с землей гектары уютных районов. Средний класс вышел из городов и расселился в пригородах вдоль междугородних магистралей. Региональные различия и индивидуальность социальных групп растворились в лабиринтах блочных домов и ресторанов быстрого обслуживания. Маленькие города закрыли свои викторианские домики фасадами из стекловолкна.

Строители комплекса Pruitt-Igoe в Сент-Луисе, созданного по принципу «форма соответствует функции», стремились решить жилищные проблемы городских бедняков. К несчастью, подобно всем другим инженерным проектам Великого Общества, комплекс был обречен. Выдержанный в строгом модернистическом стиле, он оказался нежизнеспособным. В 1972 г. город взорвал Pruitt-Igoe, ознаменовав конец модернизма в архитектуре.

Архитектура постмодернизма

Разочарованные модернистической догмой о том, что настоящее всегда лучше прошлого, архитекторы и их заказчики открыли для себя заново ценность и красоту прошлого. Они принялись восстанавливать старые здания. Когда им необходимо было новое здание, они объединяли разнообразные стили прошлого. К новым жи-

лищным разработкам стало предъявляться требование, чтобы каждый дом имел свой уникальный дизайн. Административные здания стали проектироваться в более человеческих масштабах. Благодаря новой региональной политике начали восстанавливаться уникальная культура и колорит провинциальных поселений.

Если модернистическая архитектура абстрактна, то постмодернистическая всегда на что-то указывает. Модернистическая архитектура была самодостаточной, постмодернистическая архитектура всегда привязана к местным особенностям. Модерн поклоняется настоящему. Постмодернизм открыт прошлому. Цель модерна — достичь единства. Постмодернистический проект плюралистичен как исторически, так и стилистически.

Модернистические строения из стекла и бетона выглядят исключительно скучно. Постмодернистические высотные здания, как правило, выглядят кричаще из-за обилия красок и декоративных деталей. Украшения зачастую не несут никакой функциональной нагрузки и обычно перенимаются из какого-то стиля прошлого. Современное здание может включать в себя декоративные элементы 1920-х, или модернизированный вариант классических колонн, или упрощенный вариант викторианских завитушек. В качестве основы постмодернистические архитекторы взяли учебник под названием *Learning from Las Vegas*. В противоположность элитарной возвышенности модернистов, автор учебника Роберт Вентури выступает за роскошный, но популистский и ориентированный на человека тип архитектуры, подобный зданиям Лас-Вегаса и другим коммерческим постройкам. Вместо бетонных плит модернистической архитектуры Вентури воспевае здания, которые откровенно потворствуют прихотям и фантазиям обычных людей (вроде дешевой пышности отелей Лас-Вегаса). В противоположность тому, что говорят модернисты, здания должны быть не самодостаточными, но являться «текстом», своего рода языком. По этой причине строения *должны быть* взаимосвязаны. Вентури воспевае здания, вобравшие в себя определенный язык (грандиозные неоновые огни Лас-Вегаса), и здания, открыто провозглашающие свой смысл через саму конструкцию (например, киоски по продаже сосисок, оформленные в виде огромной сосиски). Вентури не видит ничего плохого в смешных и забавных строениях или зданиях, построенных, с точки зрения архитектурных условностей, в нарочито скверном вкусе.

Открывая заново исторические стили, с уважением относясь к исключительно эстетическим элементам, возводя здания, которые нравятся людям, возвращая форме значение, постмодернистическое течение в архитектуре несет поистине свежие перемены.

Деконструктивная архитектура

Однако другие архитекторы идут еще дальше, применяя принципы постмодернизма в своем архитектурном дизайне. Они отвергли модернистический идеал единства и создали свою эстетическую парадигму, основанную на отсутствии единства. Вместо того чтобы создавать здания, некоторые архитекторы разрушают их. Почти на всех уровнях жизни век постмодерна сделал возможным как новый консерватизм, так и новый радикализм.

В 1978 г. Филипп Джонсон спроектировал и построил здание компании *AT&T* в Нью-Йорке: тридцатисемизэтажный небоскреб со входом в виде арки, выполненной в стиле «барокко». Если соседние модернистические небоскребы имеют плоскую крышу, то здание *AT&T* завершено классическим фронтоном, в котором проделано отверстие — такой дизайн создан по образцу мебели «чиппендейл». В результате получился гибрид модернистического высотного здания и старинных напольных часов.

Некоторая часть постмодернистической архитектуры действительно стремится возродить прошлое, восстановить исторические здания и спроектировать новые с учетом старых канонов эстетики. Но огромное число постмодернистических зданий создано именно по типу *AT&T*. Постмодернизм крадет множество исторических стилей и создает из них имитацию (характерная постмодернистическая форма), лишенную смысла и связности. Комбинация несогласующихся стилей (модернизм, барокко, классицизм), несоответствие масштабов (небоскреб, превращенный в предмет мебели) — все это своего рода шутка. При извлечении этих несовместимых стилей из истории и сочетании их друг с другом, стилистика как таковая теряет смысл. История превращается в «шведский стол» разнообразных стилей, которые можно выбрать по вкусу. В результате мы имеем разрушение стилистики и веру в относительность истории.

AT&T представляет плюрализм ради плюрализма. Постмодернисты показали, что в черте города разные стили действительно прекрасно сосуществуют. Модернистический небоскреб вполне уместен рядом с готическим собором, примыкающим к золотым аркам *McDonald*. На другой стороне улицы восстановленное здание оперы в викторианском стиле может примыкать к заколоченному досками, полусгоревшему дому, стены которого разукрашены «граффити». Постмодернисты рассматривают сочетание разнообразных стилей как явное преимущество даже в рамках одной работы.

Постмодернистическое пристрастие к поверхностности и разыгрыванию ролей отразилось в том, как они строят фасады. Кажется, что *Red Lion Row* — строительный комплекс в Вашингтоне, округ Колумбия, — состоит из ряда исторически восстановленных зданий. В действительности все эти причудливые реликвии девятнадцатого века — лишь фасад, своего рода набор декораций. За ними можно ясно разглядеть реальное здание, к которому они примыкают — огромное безликое здание из стекла и стали.

Некоторые постмодернистические архитекторы открыто признались за деконструкцию своих собственных проектов. Высмеивая архитектурные условности, они строят здания, противоречащие себе и бросающие вызов как форме, так и функции. Джеймс Вайнс спроектировал ряд магазинов, побуждавших покупателей, которые проезжали мимо на автомобилях, совершать лишние покупки. Площадки для парковки он украсил полусгоревшими автомобилями с вывернутыми крыльями, установив их на асфальте либо приподняв на гигантских постаментах. Один из его магазинов в Милуоки выглядел как руины. Передняя стена имела видимость разрушенной и превращенной в груды кирпичей, за которой виднелись полки с пластовыми копиями ламп, тостеров и кукол Барби. Покупатель проходил через этот фасад, мимо пластиковых копий, через стеклянные двери в собственно помещении магазина, где были установлены настоящие полки с настоящими лампами, тостерами и куклами Барби. Магазины были задуманы как пародия на самого себя; при этом использовались особенности больших универсальных магазинов с длинными витринами. Все это было сделано в шутку. Магазин с камуфляжной грудой кирпичей и зияющей дырой в стене был не столько конструкцией, сколько деконструкцией. (Когда здание купила дру-

гая корпорация, она убрала все эти детали, придуманные Вайнсом, и теперь здание выглядит так же неприглядно, как и все остальные магазины на улице.)

Торговые центры и тематические парки

В современной архитектуре есть одна очень любопытная черта — смещение внутреннего и наружного. Когда вы зайдете с улицы в новое административное здание, первым, что вы увидите внутри, вполне могут оказаться деревья! Многие здания сегодня имеют атриумы³, полные деревьев и лесных тропинок, залитые ярким солнечным светом. Улицы теперь вошла в дом. Идеализируя природу в корректной, с точки зрения сохранения окружающей среды, манере, но не желая остаться без современных технологических удобств вроде кондиционера, постмодернисты предпочитают крытые парки. Подобно атриумам, вносящим улицу в дом, многие постмодернистические строения выносят интерьер наружу. Детали строения, такие как балки и вентиляционные вытяжки, могут оказаться у всех на виду. Наиболее броский пример — Центр Помпиду в Париже, построенный в 1977 г. Несущие балки, связывающие брусья и водопровод вынесены на *внешнюю часть* здания и выкрашены в яркие, ослепительные цвета. Внутреннее устройство здания видно сквозь прозрачную стеклянную поверхность. Эскалатор работает с *внешней* стороны здания. Кажется, что здание вывернуто наизнанку. Эффект шокирующий — как будто смотришь на человека и видишь только его внутренние органы: легкие, кровеносные сосуды и кишки.

Пожалуй, наиболее характерным примером постмодернистической архитектуры и ее места в современном обществе являются торговые центры. С внешней стороны вы не увидите ничего, кроме бетонного бункера без окон, занимающего огромную территорию и окруженного необъятными просторами бесплатной парковки. Однако заходя внутрь, покупатель обнаруживает нечто, напоминающее старомодные деревенские улочки, усыпанные деревьями, фонтанами, рыночными площадями и придорожными кафе. Каждый мага-

зинчик имеет свой декор с витриной, но не имеет дверей. Играет музыка. Воздух либо охлаждается, либо подогревается. Интерьер приятно украшен и выполнен с учетом желаний и прихотей покупателя. Каждая вещь как бы кричит: «Трать деньги!» Торговый центр стоит как храм потребительских интересов и сопутствующих этому ценностей: комфорта, изобилия, удобства и моды. Средние века — это соборы, эпоха модерна — фабрики, век постмодерна — торговые центры.

Еще один претендент на роль представителя типичной постмодернистической архитектуры — это тематический парк. Разные части парка стилизованы под различные исторические периоды и соответствующую культурную среду. Магазины, рестораны и аттракционы в каждой части парка имеют какую-либо тему: «Старый Запад», «Карибские пираты», «Европейская деревня», «Главная улица США». Характерные стили какого-либо периода или культуры (как они представляются воображению среднего человека, безо всяких претензий на историческую достоверность) отражают эти темы. Такие парки представляют своего рода «виртуальную реальность», фантастический мир декоративных фасадов и чужих фантазий. Все сосредоточено вокруг удовлетворения прихотей посетителя. Главная тема тематического парка — развлечение по полной программе.

Наивысшим выражением постмодернистической структуры можно считать Американский торговый центр в Миннесоте, торговая аллея и тематический парк, слитые воедино. Как посетитель торговых центров и тематических парков, я ни в коем случае не хочу их критиковать. Это было бы снобизмом и модернистической критикой. Они — чудо американского предпринимательства и американской культуры. Посещение торгового центра или Диснейленда — дело довольно безобидное. Вместе с тем, торговые центры и тематические парки превозносят потребительский интерес и развлечения до небес, делая их основными ценностями, что с христианской точки зрения весьма проблематично, особенно если позволить всему этому катиться по наклонной плоскости.

Даже современные *церкви* иногда напоминают торговые центры или тематические парки, и не только в плане архитектуры, но и тем, что люди ожидают в них получить. Мегцеркви работают по принципу торговых центров: парковки, атриумы, информационные будки и магазины христианских товаров. Производя маркетинговые

³ *Атриум* — в античном римском доме — главное помещение. — *Прим. ред.*

исследования и обращаясь к нуждам потребителя, воспитанного на богатом и разнообразном выборе, мегацеркви предлагают широкий спектр мероприятий на любой вкус и интерес. Хрустальный собор Роберта Шуллера — своего рода религиозный тематический парк с журчащими ручьями и богато представленной флорой (*внутри здания*), а также мультимедийными сенсорными перегрузками.

Если Евангелие можно провозглашать в модернистической аудитории, так же как и в традиционном храме, то Христа наверняка можно проповедовать и в постмодернистическом архитектурном ансамбле. Проблема начинается тогда, когда идея торговых центров и тематических парков смешивается с христианством.

Христиане, как и все другие люди в современной системе, являются потребителями, однако главное — чтобы они не смели применять потребительские ценности к Богу. Вдумайтесь в смысл выражения «выбрать церковь»! Разумеется, «выбирать» церковь так же, как мы выбираем бытовые приборы, — дело опасное. Вместо того чтобы искать церковь, где проповедуется Слово Божие, мы ищем церковь, которая бы «отвечала нашим потребностям». Церковь существует не для того, чтобы предоставлять нам «услуги», а для того, чтобы всячески побуждать своих членов «служить» Богу и ближним. Когда мы начинаем мыслить потребительски, мы ставим себя на первое место, выбирая то, что наиболее удовлетворяет нашим желаниям. Христианство — это вопрос истины, вопрос повиновения Святому Праведному Богу, Чья власть над нами абсолютна, Богу, Который никоим образом не является субъектом наших потребительских интересов. Христианство не должно быть заражено потребительством.

Кроме того, церковь не должна быть тематическим парком. В век постмодерна мы склонны все оценивать с точки зрения развлечения. Судить о поклонении в церкви по тому, было ли это занимательно, — значит упустить главное. Выбирать церковь на основании того, что нам нравится музыка или что пастор рассказывает смешные истории — опасно. Поклонение — это не развлечение; поклоняясь, мы входим в присутствие Святого Бога. Отношения со Христом не должны зависеть от того, хорошо ли мы себя чувствуем. Скорее, как всегда напоминает тем, кто поклоняется в традиционных церквах, это вопрос того, соединяемся ли мы с Его крестом.

Возращение в Вавилон

Тем, что происходит в мире архитектуры, иллюстрируется происходящее в искусстве и культуре вообще после крушения модернизма. Христиане некоторые явления приветствуют, а некоторые подвергают сомнению. Широкое разнообразие выражений постмодернизма предоставляет Церкви новый шанс. Между тем, искушение сдать под натиском нового мировоззрения, вместо того чтобы исправить его, велико.

Если модернизм со своей гордыней и претенциозностью напоминает Вавилонскую башню, то постмодернизм с его плюрализмом и путаницей олицетворяет проклятие Вавилона. Действительно, подобно тому, как смешение языков было надлежащим наказанием для строителей башни, постмодернизм во многом является хорошим «отрезвителем» от модернистического дурмана.

Век постмодерна открывает для христианства возможности, которых не было в модерне. Его открытость прошлому, его отрицание узкого рационализма, утверждение, что искусство, помимо себя самого, должно быть обращено к смыслу и контексту, — все это благоприятно для возрождения христианского мировоззрения. Однако отрицание постмодернизмом абсолютного, его тривиальность и релятивизм, его склонность к удовлетворению личных желаний подрывают христианство на корню. Чтобы выйти из модернистического тупика и развеять хаос постмодернизма, современный мир нуждается в Пятидесятнице, даре языка, понятного всем, и в Святом Духе, единственно способном снять Вавилонское проклятие.

VII. Метафизика: телевидение, кино и литература

Многие говорят, что век книжности прошел. Чтение стало немодным. Печатное слово уступает место электронному образу. Чтение нуждается в абстрактном мышлении, последовательном соединении идей и богатой внутренней жизни. При потере интереса к чтению антиинтеллектуальность, релятивизм и поверхностность,

которые уже характеризуют постмодернистическое общество, окончательно укрепят свои позиции. В некоторой степени это уже имеет место. Электронные средства информации — наивысшая точка постмодернистического искусства, как в эстетическом плане, так и в плане их всепроникающего влияния.

С другой стороны, даже телесценарии нуждаются в том, чтобы их написали. Те, кто продолжает писать и читать, останутся законодателями культуры в век тотальной безграмотности. Литература лежит в основе как драматургии, так и электронных средств информации. Люди все еще пишут и читают, а литература все еще сдерживает или подталкивает развитие постмодернизма. Христиане должны разобраться с особенностями развития этих сфер — не только для того, чтобы распознавать негативные аспекты, но и для того, чтобы участвовать в позитивных тенденциях современной мысли. Как бы там ни было, христиане — «люди книжные», а значит, они никогда не перестанут читать и писать. Потому христиане могут сами оказаться в уникальном положении «законодателей культуры».

Телевидение

Как уже было кем-то сказано, телевидение — это и *есть* реальный мир постмодернистической культуры. Ничто не имеет смысла, пока не попадает на телевидение. Только то, что показывается по телевизору, проникает в общественное сознание: политические вопросы кажутся достойными внимания, события вдруг обретают важность, информация о новинках моды и новой продукции разносится по всей стране, и даже (парадоксально, но факт) книги посредством телевидения становятся бестселлерами.

Следуя принципам постмодернизма, телевизионная культура отличается стилистической и исторической эклектичностью. Постмодернистическое отрицание слова в пользу образа, разума в пользу эмоционального импульса, смысла в пользу развлечения — все это характеризует данный жанр. Зритель открывает себя потоку бесвязных образов, наблюдая лишь за внешним и поверхностным — за всем, что типично для постмодернизма.

Философы постмодернизма утверждают, что истина — это своего рода фикция. Именно потому постмодернистические художники стремятся разрушить грань между искусством и реальностью. Такие теории могут показаться туманными, однако это хлеб и соль телевидения.

Грань между фикцией и реальностью, кроме того, методично стирается в новостях, где действительные события преобразуются в «телевизионные события дня». Еще раз повторю: ничто не является реальным, пока не появляется на телеэкране, — событие не привлекает широкого внимания, если его не осветили в новостях или на CNN. И наоборот, каким бы тривиальным ни было событие, если его покажут по телевидению, это ему придаст невероятную значимость. Единственным критерием определения, достойна ли история быть показанной на телеэкране, является то, насколько зритель воспримет ее как нечто возбуждающее, волнующее. По телевизору жизнь преподносится как развлечение.

Грани между истиной и фикцией далее размываются жанром документальной драмы (англ. *docudrama*), когда берутся реальные события и перекраиваются для создания киносюжета. Как правило, это приводит не только к драматизации истории. Историю подают так, чтобы она была более развлекательной. У зрителя же складывается впечатление, что он узнал истину. Документальная драма о последних днях Мерилин Монро (а таковые фабриковались в большом количестве, каждый раз с новыми любовниками и интригами) утверждала, что у нее был роман с Робертом Кеннеди, однако в действительности нет никаких свидетельств этой связи. Документальная драма часто показывает сенсационные убийства и скандалы на сексуальной почве, создавая впечатление, что это и есть реальный мир.

Еще одним излюбленным жанром является «болезнь недели» — телевизионный фильм, в котором показывается любящая семья, один из членов которой внезапно заболевает неизлечимой болезнью. Один из подвидов этого жанра можно определить как «нравственную дилемму недели». Главный герой пребывает в мучительных сомнениях: ему надо принять серьезное решение, как правило связанное с медицинской этикой. В одной любящей семье рождается ребенок с ужасным недостатком, и они, движимые чувством сострадания, решают отключить систему жизнеобеспечения. Но правые религиозные экстремисты направляются в суд, чтобы поме-

шать решению семьи и продлить мучения ребенка. Телевизионные шоу, разрабатывающие подобную тематику, со всеми их претензиями на честность и сострадание, чрезвычайно предсказуемы. Они всегда выступают за аборт, выключение системы питания, эвтаназию и самоубийство, преподнося все это (со слезами и в сопровождении надрывной скрипичной музыки) как бесспорный акт героического милосердия.

Кроме того, у нас имеется «основанное на реальности» телевидение. Ток-шоу предлагают нам интервью с интересными людьми, например, с мазохистами или «усыновленными членами семьи, которые чувствуют сексуальное влечение к своим братьям или сестрам» (подлинные темы из еженедельной программы «Шоу Мери Пович»). На телевидении этих людей тепло принимают как хозяин шоу, так и аудитория, за исключением нескольких непривлекательных «критиков». Гости же выглядят самыми обыкновенными, нормальными людьми.

В другой телепрограмме, «основанной на фактах», камера следит за действиями полицейских или медиков, совершающих свое ночное дежурство. Все это еще более превращает реальность в шоу. Длина пленки со съемками полицейских, конечно, порядком усечена. Мы не видим, как полицейские целые часы проводят в патрульном автомобиле, как пишут отчеты, собирают улики и совершают пешие прогулки — то, что составляет их реальную работу. Все что мы видим, — это рейды, аресты и (если операторам повезет) избитие подозреваемых. Таким образом, «реальность» монтируется в соответствии с форматом телевизионных шоу!

Когда телевидение, «основанное на фактах», соединяет сыгранные актерами сцены с реальной съемкой, истина и фикция оказываются безнадежно перемешанными. Что же, в конце концов, правда, а что лишь спецэффект? Уловить разницу становится все труднее и труднее. Снимая материал о проблемах безопасности грузовиков *General Motors*, операторы *NBC* подложили в грузовики взрывчатку, чтобы вызвать взрыв. Выступая за правдивость рекламы и отстаивая права потребителей, которые нечестные международные корпорации пытаются всячески нарушить, они имитируют проблему безопасности, которую сами же пытаются решить.

Зрители склонны принимать все, что они смотрят по телевизору, за чистую монету. Разве не видели они своими собственными

глазами взрыв грузовика? Преступление налицо, несмотря на напечатанный подзаголовок «драматическая реконструкция взрыва». Та актриса действительно выглядела как Мэрилин Монро, а об этих Кеннеди вы и сами все знаете (из других документальных драм). Видя, как ЦРУ планирует ее смерть, невольно начинаешь думать, что, возможно, они действительно были с этим связаны. В конце концов, увиденному трудно не поверить. Но только не на телевидении. В классическом постмодернистическом духе, телевидение выдает лишь видимость фактов.

Как если бы нам недоставало постмодерна, современное телевидение сознательно имитирует авангардистские эксперименты постмодернистических авторов. Фактически, по телевидению можно увидеть ярчайшие и наиболее доступные примеры постмодернистической литературы.

Вы смотрите телевизионный фильм о молодом человеке, умирающем от СПИДа. Слезы его семьи исчезают за рекламной паузой. Под задорную музыку женщина, завернутая в полотенце, готовится переступить порог ванной. Образы отпечатываются в вашем сознании: *реклама мыла*. Но вдруг в ванную комнату заходит игрушечный кролик, бьющий в барабан. Голос за кадром говорит: «Все еще идет!»

Вас застали врасплох: вы *ожидали* увидеть рекламу мыла, поскольку все было подано в духе подобной рекламы, но на самом деле это была шутка, пародия на рекламу мыла. И все-таки это *тоже* реклама, только другого продукта. Показом этого игрушечного кролика, который «все еще идет» по рекламным роликам, прерывая их и переключаясь на другой продукт, поскольку он работает от батареек, которая никогда не кончается, осуществляется реклама батареек *Eveready*.

Эта игра с условностями, создание новых уровней фикции, размывание граней между реальностью и выдумкой — все это отличительные черты постмодернистического стиля. И хотя кролик *Eveready*, возможно, скоро выдохнется, ждите появления подобных постмодернистических реклам и в дальнейшем. Например, некоторые журнальные рекламы следуют традициям журнальной рекламы только для того, чтобы их отвергнуть. Претенциозная, яркая фотография может содержать знак фирмы, но при этом не изображать никакого продукта. Некоторые постмодернистические объявления

носят развлекательный характер, как, например, реклама *Snapple*, где покупателя подвергают допросу с использованием детектора лжи, чтобы увидеть, действительно ли ему нравится продукт.

Поскольку эти рекламные ролики сделаны более умело, чем те, к которым мы привыкли, кое-какие элементы постмодернизма вносят яркость и свежесть, в отличие от скучного модернизма, душащего искусство. Так как постмодернизм обычно делает тривиальным то, что изображает, все начинает представляться в виде пародии или бездумной, веселой игры. Эта игра, делая легковесным то, что должно восприниматься со всей серьезностью, и становясь своего рода условностью, лишенной содержания и эмоций, перестает впечатлять. Когда пародию Мартина Шина на Рембо прерывает кролик *Eveready*, Рембо берет свой автомат и разбивает его на кусочки; все ликует.

Современные комедии положений изображают своих героев так, будто они живут в замкнутом мире. Зрители как бы подглядывают за тем, что делается в квартире Джеки Глисона или в гостиной Боба и Лоры. В постмодернистических комедиях положений Гарри Шендлинг может вдруг выйти из своей роли и, обращаясь к нам через камеру, прервать действие картины, чтобы рассказать, как ему нравится работать с гостями-кинозвездами, или чтобы намазать крем для бритья на объектив видеокамеры с целью побрить телезрителей. В своей новой программе Шендлинг играет роль ведущего фиктивного ток-шоу. Мы действительно видим на экране ток-шоу, похожее на все остальные. («Шоу Гарри Шендлинга» оказало большое влияние на другие комедии положений, например, на комедию «Зайнфельд», где комик Джерри Зайнфельд играет комика по имени Джерри Зайнфельд, который работает на телешоу о комике по имени Джерри Зайнфельд.) Многоуровневый мир тинейджеров в фильме «Паркер Льюис не сдастся» (*Parker Lewis Can't Lose*), искажающий реальность юмор Дэвида Леттермана, короткие мистические сериалы, где зритель как бы выступает в роли ассистента детектива — все это примеры сознательных экспериментов постмодернистического телевидения.

Кино

Хорошим примером модернистического кино может быть «Гражданин Кейн» (*Citizen Kane*). Фильм содержит исследование жизни главного героя и попытку разгадать тайну его личности, ища ответ на вопрос: что означают его предсмертные слова — *бутон розы*? Фильм глубоко проникает в прошлое и психологию героя, рассматривая Кейна под самыми разными углами зрения — глазами его личного телохранителя; лучшего друга; жены, с которой они живут раздельно, — и все для того, чтобы объективно оценить, каков этот человек. Именно такой метод использован в картинах Пикассо и романах Фолкнера, изображающих реальность с разных сторон с целью выявить истинный смысл. Как замечает Харвей, модернизм использует самые разные перспективы, чтобы с их помощью изучить объективную реальность.

Постмодернистическое кино, напротив, как объясняет Харвей, показывает разные миры, занимающие одно и то же пространство. Персонажи должны понять, в каком мире они находятся. В фильме Дэвида Линча «Голубой бархат» (*Blue Velvet*) маленький городок существует бок о бок с грязным, отвратительным преступным миром. Они служат маской друг другу, и персонажи обитают в обоих мирах одновременно. Коннор отмечает, что «Голубой бархат», сопоставляя привычные картины жизни (белый частокол и аккуратно скошенная трава) с непристойностями (гниющее в траве ухо), объединяет стиль маленького городка Фрэнка Капры с порнографическим культовым фильмом.

Другие постмодернистические картины, например «Кролик Роджер» (*Roger Rabbit*), включают в себя сплетение мультипликационного мира и мира «реального» (каждый из которых становится частью общего выдуманного мира). «По лезвию ножа» (*Blade Runner*) изображает футуристический мир, где высокотехнологические космические станции вращаются вокруг мира городских нечистот. Главный герой должен выследить и поймать предателей-андроидов. Однако в мире, где люди ведут себя, как машины, а машины, как люди, сложно понять, кто есть кто. В фильме «Бразилия» (*Brazil*), который является еще одним примером постмодернистической научной фантастики, изображается будущее, однако персонажи

одеты по моде 1930-х. Этот дивный новый мир — утопия и анти-утопия одновременно. Повествование представляет собой монтаж сатиры и приключений, комедии и трагедии.

В фильме «Лиловая роза Каира» (*The Purple Rose of Cairo*) женщина влюбляется в киногероя, который в конечном счете сходит с экрана и входит в ее жизнь. Подобным образом, в картине «Последний герой» (*The Last Action Hero*) мальчик смотрит фильм и входит в экран, чтобы участвовать вместе с героем в его приключениях; после этого киногерой входит в его мир, где от удара кулаком по окну человек испытывает боль, и где «плохие» иногда побеждают. Оливер Стоун в фильме «Дж. Ф. К.» (*JFK*) подменяет реально снятый материал об убийстве фиктивной инсценировкой, основанной на его сумасшедшей левацкой теории конспирации, смешивая истину с ложью столь бесцеремонно, что фильм убеждает Конгресс начать новое расследование!

Общей здесь является игра с условностями создания и восприятия кино. Создавая выдуманные миры, а затем размывая между ними всякие грани, эти фильмы разрушают барьеры, которые мы выстраиваем между тем, что на наш взгляд является реальным и что вымышленным. Разве романтические мечты и заоблачные фантазии, навешанные нам Голливудом, не являются важной частью нашей «реальной» жизни? Разве не правда, что за фасадами привычной тихой деревенской жизни часто скрываются демоны? Что «реально»? Разве сама реальность не есть художественная конструкция?

Метафигция

Большая часть поп-постмодернизма — своего рода «метафигция». Сам термин, происходящий из постмодернистической литературной критики, означает фикцию о фикции. Гарри Шендлинг ставит комедии положений о комедиях положений, ток-шоу о ток-шоу. «Лиловая роза Каира» — романтический фильм о романтических фильмах. Как заметил Умберто Эко, сегодня мы имеем телепрограммы о телепрограммах, телевидение, содержанием которого является исключительно телевидение, например, церемонии награждения и ток-шоу (на которых берут интервью у знамени-

тостей, единственная заслуга которых состоит в том, что они находятся на телевидении).

В литературе метафигцию определяют как «исследование литературными текстами собственной природы и статуса фикции». Критики давно заметили, что литературный труд может отображать и поддерживать свой собственный мир, иллюзорное чувство реальности, почти осязаемое в нашем воображении при чтении. Постмодернистические авторы раздвигают рамки этих вымышленных миров до бесконечности, пробуя границы на прочность и стараясь включить в выдумку внешний мир так, чтобы не нарушить первоначальную иллюзию. А иногда они нарочно нарушают свою иллюзию.

«История жизни» (*Life-Story*) Джона Барта — произведение о писателе, пишущем историю, которая на самом деле оказывается той историей, которую мы читаем. Начало истории гласит: «Не отвергая уже написанного, он начал свой рассказ заново, в несколько иной манере...» «Так как по призванию он был писателем, сочиняющим романы и рассказы, пожалуй, было неизбежным, чтобы однажды автору этих строк пришло на ум, что его собственная жизнь — художественное произведение, в котором он сам является главным или второстепенным персонажем». Он продолжает развивать свою идею, иногда прерываясь и комментируя то, что он только что написал. («Что за мрачное начало для истории, подумал он, перечитав длинное вступление».)

Ближе к концу истории он обращается к «тебе», то есть к читателю:

«Эй, читатель! Ты, упрямец, которого нельзя оскорблять; ты, дерьмод, я к тебе обращаюсь, а к кому же еще, изнутри этой чудовищной фикции. Так ты уже столько прочитал, а?.. Почему бы тебе не пойти в кино, не посмотреть телевизор или не уставиться в стену?.. Почему ты думаешь — да, ты, ты! — он все делал именно так, упрямо не желая тебя развлекать?.. Почему он, вместо того чтобы завоевать тебя, отверг тебя? Потому что твой собственный автор, да благословит и проклянет он тебя, в твоих руках! Он пишет и сам себя читает. Ты думаешь, он не знает, кто дает его творениям жизнь и смерть? Существуют ли эти творения, если он или другие не читают этих слов?»

Вымышленный мир именно таков, каким его представляет читатель. Вымышленные образы — и он сам как образ — полностью зависят от тех, кто эти слова читает.

По ходу повествования выясняется, что автор-персонаж жаждет смерти:

«Поскольку он хочет умереть, но не может сделать это без твоей помощи, ты должен побудить его, побудить к этому. Будешь ли ты отрицать, что прочитал это предложение?.. Как будто он после этого мог знать, что ты убил его! Ну, давай. Он бросает тебе вызов».

Автор-персонаж просит читателя перестать читать и дать ему таким образом умереть. По его словам, именно в этом заключается причина того, что он отказался развлекать нас, написав столь необычный рассказ. Если мы прекратим чтение (если еще не прекратили), то, конечно, выполним его просьбу. Если станем продолжать чтение, то сохраним ему жизнь вопреки его воле.

В конце рассказа автор вдруг осознает, что он *должен быть* реальностью, поскольку он не может вспомнить ни одной другой истории, где бы персонаж мог думать, что он — вымысел. (Конечно, до того момента, пока этот рассказ не будет напечатан.) Он понимает, что все его посылки, скорее всего, ложны (таким образом, это вносит противоречия и разрушает все написанное до сих пор). В кабинет входит его жена и прерывает его работу поцелуем. «Наконец-то он поступил так, как его литературный герой, — оставил конец истории без конца и положил ручку».

Должен признаться, мне такие вещи нравятся. Более того этот саморефлективный вымысел отнюдь не нов. В «Кентерберийских рассказах», например, одним из персонажей является сам Чосер. Когда наступает его очередь рассказать историю, этот гигант литературного творчества делает усилие, но у него получается так плохо, что другие персонажи не дают ему закончить. Такие приемы использовались в самых ранних романах. Дон Кихот читает книгу о своих приключениях, видимо «Часть I», которую читатель только что прочел, и комментирует допущенные автором неточности. В «Памелле» Ричардсона злодей читает произведение, написанное героиней, — то, что мы уже прочли. Когда он читает роман, в кото-

ром он представлен как злодей, его охватывает такой стыд, что он раскаивается и просит у Памеллы ее руки. Многоуровневые фикции внутри фикций также прослеживаются в древних сказках, таких, например, как «Тысяча и одна ночь», где рассказы заключены внутри рассказов, а также в драматургии Возрождения с ее пьесами внутри пьес. Цель такой литературной игры состоит в том, чтобы подразнить читателя, заставив его различать уровни реальности и нереальности, смазывая грани между миром рассказа и «реальной жизнью».

Христиан, однако, невозможно сбить с толку заявлением, что жизнь — это рассказ. Они верят, что Бог сотворил, поддерживает и контролирует свыше все существующее посредством Своего Слова, подобно тому, как земные авторы создают и поддерживают свой вымышленный мир. Кроме того, английские переводы Библии часто описывают Христа как «автора» веры и спасения (Евр. 2:10, 12:2), «автора жизни» (Деян. 3:15). Тем не менее, существует глубокое различие в представлении христиан и постмодернистов, поскольку последние не верят в существование автора жизни. Джон Барт в истории, которую мы уже обсуждали, говорит:

«Поскольку старая аналогия между автором и Богом, романом и реальным миром уже неприемлема, за исключением случаев, когда она заведомо приводится как ложная, мы можем говорить о следующих вещах:

- 1) художественная литература должна признать свою фиктивную сущность и образную несостоятельность, или
- 2) игнорировать этот вопрос, или отрицать его актуальность, или
- 3) установить иные, приемлемые отношения между собой — автором — и читателем».

В упомянутом рассказе Барт поворачивает традиционную метафору иначе. Автором является не Бог; в его формулировке *читатель* есть Бог, который в процессе чтения отвечает за вымышленный мир. Это прекрасно сочетается с постмодернистическим постулатом, что смысл произведения искусства определяется реакцией зрителя, что смысл как таковой, прежде всего, субъективен и относителен. Поднимая вопрос о Боге, Барт бьет в самую точку.

Когда христианские авторы (такие как Чосер, Сервантес, Шекспир, Ричардсон) играют с метафикцией и метафорой «жизнь как рассказ», они допускают, что «автор жизни» существует. (На такие мысли наводит сам Барт, говоря читателям: «Твой собственный автор, да благословит и проклянет он тебя».) Утверждение о том, что жизнь — это рассказ, для христиан означает две вещи. Во-первых, жизнь имеет содержание, сюжет, полный конфликтов (борьба с грехом), кульминацию (отрицание или принятие Христа) и развязку либо с трагическим концом (а именно адом), либо со счастливым концом (искуплением грешника для «счастливой жизни отныне и вовеки» на Небесах). Во-вторых, вымышленная история, отражающая жизнь, в своем роде может быть правдивой.

Постмодернисты, как мы уже отмечали, отрицают что жизнь имеет объективный смысл. Они соглашались с экзистенциалистическим постулатом об «отсутствии смысла жизни», о том, что человеческое бытие не имеет ни смысла, ни сюжета, ни развязки. Отвергая абсолютную истинность любой «метаистории», постмодернисты откровенно отрицают то, что бытие складывается в связный сюжет. Утверждая, что жизнь — это рассказ, постмодернисты, в отличие от христиан, не считают, что рассказ может быть истиной; они считают, что *истина — это только рассказ*.

Говоря словами Барта, «художественная литература должна признать свою фиктивную сущность и образную несостоятельность». Постмодернисты радуются тому, что фикция не является реальной и таковой быть не может, а потому перед автором раскрываются беспредельные широты. Реальный мир, на их взгляд, также наводнен «фикциями», парадигмами и «метаисториями», каждая из которых — плод человеческого воображения. Постмодернисты прибегают к методам литературной критики, чтобы подробно проанализировать законы, установления и нравственные традиции, точно так же, как они анализируют структуру и условности романа. Некоторые из этих установлений могут им вполне нравиться, так же как может нравиться хорошая книга, однако любые претензии на объективную реальность оказываются несостоятельными. В то время как постмодернистические авторы создают «фикцию, признающую свою фиктивную сущность», постмодернистические критики доказывают «бесполезность» фикции и разрушают как художественные, так и любые другие произведения, упорядочивающие жизнь.

Барт честно подходит к вопросу, соглашаясь, что «старая аналогия между автором и Богом уже неприемлема». (Но почему нет? Разве утверждение, что Бог больше не может быть фактором потому, что мы живем в такой период времени, не *модернистическое* утверждение?) Барту остается либо фикция, признающая свою бесполезность, игнорируя эту проблему, либо возможность вывести другое соотношение между текстом, автором и читателем. Сражаясь с дилеммами, выдвинутыми своими собственными теориями, постмодернисты могли бы поэкспериментировать с вероятностью того, что жизнь — это действительно история, у которой есть автор.

Магический реализм

Наряду с созданием метаисторий, постмодернистические авторы играют и в другие игры, размывающие грани между реальностью и нереальностью, заставляя нас усомниться и в том, и в другом. Модернистическая литература стремилась быть весьма реалистичной. Стейнбек, Хемингуэй и Фолкнер пытались донести «правду» жизни, освещая с особой тщательностью не только естественный порядок, но социальные особенности и психологические состояния своих героев. Постмодернисты стремятся подорвать эту модернистическую «манию» истины.

Со всем своим кажущимся реализмом, «Гроздь гнева» Стейнбека — все же фикция. На самом деле описание жителей Оклахомы полно исторических, географических и экономических неточностей. Будучи далеким от объективного описания Района пыльных бурь, роман демонстрирует политические и философские взгляды самого Стейнбека, выраженные крайне символически (по большей части на основании образов книги Исход). Ощущение реализма, возникающее у нас при чтении, есть иллюзия, порожденная литературным мастерством Стейнбека. Его описания, выбор деталей, диалоги, организация повествования — все это техника, посредством которой достигается ощущение достоверности, впечатление того, что рисуемое нашим воображением при чтении — действительно правда жизни, что, в свою очередь, позволяет нам «преодолеть недоверие» и мысленно окунуться в вымышленный мир.

Постмодернисты находят, что эти же приемы достижения правдоподобия могут применяться и для создания иллюзии того, что на самом деле ни в коем случае *не является* реальным. Постмодернистические авторы наслаждаются фиктивностью своих произведений. Освободившись от вынужденного подражания реальности, современные авторы творят исключительно посредством вымысла. Сегодня фантастику воспринимают не как второсортный жанр, а, пожалуй, как наиболее чистую литературную форму (подобный подход укрепил репутацию таких христианских фантастов как Дж.Р.Р. Толкин и Джордж Макдональд).

Некоторые постмодернисты работают в стиле так называемого «магического реализма». Открытый латиноамериканскими писателями, в том числе и Габриэлем Гарсиа Маркесом, этот стиль представляет собой гибрид фантастики и реализма. Маркес пишет об обычной деревенской жизни, внезапно прерванной появлением ангела, который принимает вид дряхлого старика с гигантскими крыльями и вшами в перьях. Другой его персонаж неожиданно возносится на небо во время стирки белья. Обрывки бумаги превращаются в бабочек. За одну ночь вся деревня теряет память. Хотя чудеса в произведениях Маркеса происходят на каждом шагу, герои, кажется, не обращают на это никакого внимания и ведут себя самым обычным образом, как бы не замечая происходящего вокруг.

Этот стиль, во многом обязанный своим существованием народной духовности латиноамериканского католицизма, способен расцвести в руках такого гениального мастера как Маркес. Он также вполне может стать способом привлечения внимания людей к духовным вопросам. И все же его целью является стирание границ между правдой и вымыслом. Вследствие этого он стал характерным постмодернистическим стилем даже в массовой культуре. Помните хотя бы рекламу пива, изображающую женщину посреди знойной песчаной пустыни. Она смотрит вверх и вдруг появляется мужчина, лица которого мы не видим. Он открывает бутылку пива, и она начинает пениться. Затем он либо выливает воду из своего ботинка, чтобы обозначить некий круг, который превращается в тропический остров, либо они исчезают в пустом колодезе, либо проигрывается еще какая-то вариация на эту тему. Все это — магический реализм, который вы найдете практически в любой рекламе, а также в спонсируемых программах, начиная с «Симпсонов» и кончая *MTV*.

Вспомните невероятное количество современных фильмов, содержащих невообразимые фантазии, которые подаются как само собой разумеющееся. В кинофильме «День сурка» (*Groundhog Day*) человек проживает один и тот же день снова и снова. Если в модернистическом фильме эта дилемма имела бы хоть какое-нибудь, хотя бы искусственное содержание (какую-нибудь машину времени или поврежденный амулет), то данный фильм не содержит ни малейшего намека на возможное объяснение. Зрители принимают фантастическую посылку такой, какая она есть, и затем она разрабатывается в мельчайших деталях. Такие фильмы как «Бэтмен» (*Batman*) сочетают мрачные картины урбанистического разложения и легкие элементы комикса. В «Лос-Анджелесской истории» (*L. A. Story*) Стив Мартин получает совет от старого мудрого рекламного щита. В кинофильме «Поле мечты» (*Field of Dreams*), снятом по роману постмодернистического романиста В.П. Кинселлы, Кевин Костнер на кукурузной плантации строит бейсбольное поле для покойного Босого Джо Джексона.

Все это магический реализм. Это не какая-нибудь традиционная фантастика — полеты в иные миры, средневековые или заоблачные мечты. Это фантазия мира сего с суровыми пейзажами, на фоне которых, тем не менее, происходят самые невероятные, абсурдные и чудесные вещи.

Сущность популярности

То, что постмодернисты увлеклись литературными условностями, способствовало возрождению «стереотипной» литературы — таких жанров, как детектив, любовный роман, средневековая фантастика, научная фантастика, вестерн. Высокоинтеллектуальные модернисты в большинстве своем относились к подобного рода произведениям свысока, однако они всегда оставались популярными среди простых читателей. Этим жанрам присущи некоторые предсказуемые модели. В детективе, например, собирается группа людей (в загородном особняке, на рабочем месте или на званом вечере), и одного из них убивают. Детектив собирает улики, позволяющие изобличить убийцу.

Построение произведения чрезвычайно предсказуемо, но вместе с тем возможны бесчисленные вариации. Для любителей детектива условности жанра — как раз то, что им так нравится. Эти условности ничуть не ограничивают творчество — не более, чем структура сонета ограничивает поэта, или правила игры ограничивают спортсмена. Условности существуют как в любовных романах (женщина должна выбрать одного из двух претендентов), так и в романах средневековых (рыцари спасают принцесс и отправляются странствовать). Для научной фантастики характерны путешествия в космос и параллельные миры. Для вестернов — какие-нибудь чужаки, которые появляются в городе, чтобы освободить его от политиканов-взяточников и принести в глубинку цивилизацию (где герой, являющийся продуктом этой глубинки, должен идти дальше, оставляя позади цивилизацию, которую он сам помогал создавать).

Существуют причины, почему эти жанры столь популярны, невзирая на презрительное отношение к ним со стороны академических критиков. Они вращаются вокруг основных вопросов бытия: противоборство добра и зла, различение добра и зла и выбор одного из двух. Они занимают воображение и интеллект одновременно. Настало время с уважением относиться к этим жанрам и причислить их к основным литературным направлениям.

Постмодернисты, как вы помните, стремятся подорвать элитарность высокой модернистической культуры, сознательно обращаясь к поп-культуре. Выдающиеся литературные мастера сегодня пишут детективы, научную фантастику, исторические романы и играют с другими популярными схемами. Это производит благотворное воздействие — «серьезная» литература снова становится развлекательной. Модернистическая литература с ее глубоким реализмом и эстетической чистотой определенно наскучила. Последние модернистические шедевры читают скорее из чувства долга, чем ради удовольствия. Талантливые писатели сегодня используют популярные формы, от чего выигрывает как серьезная литература (становясь более развлекательной), так и популярная литература (которую оживляет талантливое перо).

Так, постмодернистический теоретик Умберто Эко создает средневековый детектив «Имя розы». Лэрри Макмертри венчает гору дешевых вестернов своим «Одиноким голубем». В.П. Кинселла пишет бейсбольные романы. Уолкер Перси, всеми уважаемый като-

лический романист, пишет триллер «Синдром Танатоса», направленный против абортков.

Иногда эти жанры применяются в «чистом виде», а иногда в виде «метафизики». Например, недавно я закончил читать детективный роман итальянских авторов Карло Фруттеро и Франко Луччинти. Он основан на историческом факте: Последней работой Чарльза Диккенса был детективный роман «Тайна Эдвина Друда». Смерть помешала писателю закончить рукопись, и хорошо построенная интрига осталась без концовки и финального разоблачения — «кто это сделал». Исследователи творчества Диккенса и поклонники детективного жанра попытались собрать воедино свои догадки и предложили множество вариантов окончания романа. Упомянутый итальянский роман собирает всемирно прославленных детективов — Шерлока Холмса, миссис Марпл, Филиппа Марлоу, отца Брауна и многих других — для того, чтобы они раскрыли тайну. В романе фактически представлены главы рукописи Диккенса, перемежающиеся главами, в которых детективы анализируют происходящее. Взаимодействие уровней повествования (рукопись Диккенса, комментарии персонажей, которые также *вымышленны*) становится все более и более замысловатым. Детектив из другого романа Диккенса вдруг появляется в «Эдвине Друде», чтобы допросить некоторых свидетелей. Догадки строятся на фактах *реальной* жизни Диккенса. И вот знаменитые детективы получают еще одну разгадку тайны. Ну и наконец-то вы понимаете, в чем дело.

То что маятник качнулся от скучного модернизма к более веселой литературе, — явление здоровое. И все же в этой тенденции есть свои проблемы, если посмотреть на нее с точки зрения постмодернистической идеологии.

Сведение литературы к условности — часть постмодернистического движения к дегуманизации культуры. Как мы уже отмечали, постмодернисты отвергают мысль о том, что художник — это индивидуальность, создающая оригинальные произведения на основе творческого воображения. Такой взгляд на художника слишком индивидуалистичен, поскольку делает слишком большую ставку на человеческие силы. Постмодернистические критики, развенчивая «миф об авторе», сводят литературу к тем культурным факторам и властным парадигмам, которые она представляет.

Постмодернистические авторы, зачастую избегая политических допросов, которым критики — подобно агентам КГБ — хотят их подвергнуть, таким же образом подрывают традиционную роль художника. Следуя прочно установившимся формулам, эти авторы не стремятся создать ничего нового. Условности, которым они следуют, как правило, не созданы каким-то более ранним автором; скорее они появились из недр культуры, как мифы и легенды. Как бы искусно авторы ни играли на условностях, они всего лишь прорабатывают вариации на уже известные темы. Создание произведения они превращают в процесс, который, согласно постмодернистической ортодоксии, в сущности безличен.

Исходя из постмодернистической теории, такой подход к написанию произведения ориентирован на публику. Следуя популярным схемам, можно дать читателям то, что они желают. Раньше мастера художественного слова боролись за то, чтобы выразить себя и, оставаясь честными, донести свой уникальный взгляд до читателей, порой крайне невосприимчивых. Сегодня автор исследует «рыночный спрос» и, выяснив запросы массовой культуры, старается создать нечто соответствующее этим запросам. Если Мильтон писал для «избранной аудитории, для немногих читателей», то нынешние авторы жаждут массового читателя. Это значит, что не художник, а публика определяет, что следует писать, какую этому следует придать форму и кому нести ответственность за то, что написано.

Вместе с тем преуменьшение постмодернистами роли мастера имеет свои плюсы. В отличие от нищего гения, корпящего на чердаке над своим шедевром, современные авторы почивают на лаврах, наслаждаясь положением в рейтингах бестселлеров и многомиллионными гонорами. Авторская гибкость имеет свою цену.

Однако такое приспособленчество обходится им дорого. Когда авторы подают читателю именно то, что он хочет услышать, читатель редко обогащается. Он слышит только то, что уже знает, что подтверждает его предрассудки, что всячески потворствует его слабостям. Аудитория от души веселится, но не получает пищи для размышления и не наставляется. В этом слабость большей части постмодернистической литературы. Произведение может быть блистательным, но вместе с тем в высшей степени тривиальным.

Сегодня немногие писатели, даже весьма талантливые, затрагивают серьезные темы, в то время как для писателей прошлого это было обычным делом. Мильтон отстаивал вечное провидение и оправдывал перед человеком пути Божии. Китс исследовал взаимосвязь истины и красоты. Уитмен воспевал демократию. Сегодня такие темы могут пройти лишь под маской скрытой иронии, пародии или анекдота. У большинства современных авторов имеются проблемы с позитивом. Точнее говоря, многие современные писатели действительно страстно увлечены важными темами, преподнося их как политические или социальные проблемы, однако весомость их произведений подрывается философской бесплодностью постмодернистической мысли. В отсутствие традиционных абсолютов (истины, добра, красоты) великие вопросы искусства теряются. Авторы остаются с пустой скорлупой — с условностями без содержания.

Новая журналистика

Сведение литературы к условностям и размывание граней между фикцией и реальностью приводит к еще одному неотвратимому результату: реальность тоже является предметом условности. Этот принцип постмодернистической ортодоксии проявляет себя не только в метафикции и новой фантастике, но и в постмодернистических стилях, известных как «новая журналистика» или «сверхреализм».

Постмодернистическая литература открыта истории и внешнему миру. Так, в моду снова вошли исторические романы, которые внесли свежие перемены после модернистической литературы, пренебрегавшей историческим контекстом ради изображения реалий двадцатого века. К несчастью, вместо того чтобы при помощи фикции высвечивать истину, многие постмодернистические писатели употребляют ее как заменитель правды.

Рассмотрим одну из наиболее популярных форм среди нынешних писателей — новую журналистику. Обратите внимание, как много современных бестселлеров освещают «реальные» факты: жуткие преступления, скандальные разоблачения, биографические

сенсации, журналистские расследования. Чаще всего это «документальные романы».

«Новые журналисты» пишут о реальных событиях, используя приемы фикации. Повествование они ведут от лица одного из «персонажей», комментирующего все происходящее. Они дают описания, приводят диалоги и даже мысли тех, о ком идет речь. Книги, как правило, имеют четко определенный сюжет со своими героями и злодеями. Разумеется, автор не может точно знать, что двое людей говорили друг другу, и еще меньше — что они думали. Точно так же в реальной жизни нет и четко очерченного сюжета, который мы привыкли видеть в художественной литературе с ее мелодрамами, приключениями и интригами. Новые журналисты считают себя вправе формировать материал в соответствии со своим замыслом, так же как это делают авторы романов.

Хотя такой прием «оживляет» исторические факты, он, вместе с тем, неизбежно искажает истину. Истина превращается в фикцию. Подобно телевизионным документальным драмам и псевдодокументальным лентам Оливера Стоуна, факты и фикция невероятно сложно перемешиваются. У читателей создается впечатление, что все происходящее — правда, поскольку они сами все это пережили в процессе чтения. Если речь идет о телевизионном фильме или шоу, то они все видели собственными глазами. Они часто меняют свою точку зрения на художественное произведение. И все же художественное произведение по большей части вымышленной конструкции.

Постмодернисты оправдывают эти искажения, говоря, что наше личное восприятие истины — всегда лишь плод воображения, некоторая «фикция». Новые журналисты прекрасно осознают, что делают, и ничуть не расстраиваются по поводу своей тенденциозности или недостатка объективности. Поскольку постмодернисты не признают границ между истиной и фикцией, даже будучи «реалистичными», они отвергают объективность и придерживаются представления об относительности истины. Марвин Оласки показал, как от модернистических попыток быть объективными (сначала давая «только факты», а затем фолкнеровское изложение разных точек зрения), большая часть журналистики перешла к постмодернистическому отрицанию объективности, в результате чего мы сегодня име-

ем тенденциозную прессу. Иллюзия реальности развлекает читателя, но в то же время она вводит его в заблуждение.

Сверхреализм

Модернизм способствовал развитию абстрактного искусства. Произведение искусства должно было быть самодостаточным эстетическим артефактом, незапятнанным какими-либо намеками на внешний смысл. Наиболее характерные произведения были нерепрезентативными; они изображали не «что-то», а скорее были сочетанием цвета и формы, образующим некий эстетический дизайн.

Сегодня репрезентативное искусство вернулось, но обычно это уже не традиционные красивые пейзажи и портреты. Зайдя в музей изобразительного искусства, в одном из залов вы можете обнаружить уборщицу, подметающую пол. Спустя минуту вы вдруг понимаете, что фигура не двигается. Приглядевшись повнимательнее, вы видите, что эта фигура в рабочем комбинезоне и шапочке вовсе не живой человек, а произведение искусства. Вы поражены тем, насколько *реально* выглядит фигура. Одежда, цвета, поза, волосы, лицо — все исключительно точно, вплоть до пор на коже. Эффект потрясающий. Абсолютно точный образ человека, только в нем нет жизни. Как будто смотришь на труп. Но вместе с тем это почему-то вызывает улыбку. При виде подобного рода искусства большинство людей смеются.

Такой вид изобразительного искусства снижал популярность в художественных музеях всей Америки. Выйдя из галереи абстрактного искусства, люди радуются, когда видят что-то узнаваемое. И все же эти сверхреалистичные восковые фигуры заключают в себе некоторую насмешку и пародийность. Как правило, они изображают нечто неприглядное — женщин с баулами, чернорабочих или безвкусно одетых туристов. Это вызывает смех, потому что скульптор сам потешается над ними. Фигуры представляют собой стереотипы, лишённые не только жизни, но и достоинства. В общем-то они реалистичны, но чего-то все же недостает.

Сравните эти анатомически правильные манекены с портретами кисти Рембрандта, который рассматривал человека как существо, созданное по образу Божию. Портреты не столь реалистичны и

точные в деталях, но зато они излучают жизнь. Портреты Рембрандта являют глубины человеческой души, обладающей духовным богатством. Современный реализм представляет *верхний слой*, скрупулезно вырисовывая все детали, в то время как внутри ничего нет.

В постмодернистическом стиле, известном как «сверхреализм», художники часто используют фотографии. Они проецируют заранее сфотографированный объект на полотно через матовое стекло, а затем дописывают его красками. В результате получаются чрезвычайно реалистичные, но приглаженные и невыразительные образы. Изображаемые объекты представляют собой *культурные артефакты*: обычно это неприглядные картины городской или пригородной жизни — автомобили (либо со ржавым корпусом, либо тягачи), неоновые огни, рестораны быстрого обслуживания, городские магистрали, линолеум, полные женщины в блестящих одеждах.

В современной литературе сверхреализм проявляется в сумбурных романах о жизни рабочих, проживающих в дешевых районах. Так как писатели беспрестанно перечисляют названия фирм, стиль получил название «рыночного реализма» (*K—Mart realism*). Фрагмент из произведения Бобби Энн Мэйсон дает полное представление о стиле и тоне, присущих сверхреализму во всех видах искусства:

«Они подходят к парфюмерному прилавку *Penny*. Там она обычно выливает на себя стоящий на витрине образец одеколона — *Chantilly* или *Charlie*, или что-нибудь покрепче. Сегодня она вылила на себя два или три флакончика и вышла от *Penny*, источая запахи цветущего сада... Жаннет, расплатившись чеком, покупает Родни подарок — миниатюрный батут, рекламу которого они видели по телевизору. Он называется «мистер Прыгун». Родни так нравится этот батут, что он прыгает на нем, пока его лицо не становится красным. Жаннет понимает, что подарок пришелся по вкусу и ей. Она выносит его на траву, и они прыгают по очереди... В ту ночь ей приснился страшный сон про батут. Во сне она прыгала по мягкому мху, который затем превратился в пружинистую кучу мертвых тел».

Заметьте, какие короткие и монотонные предложения, бесцветная интонация, эмоциональная и духовная пустота, а также под-

разумеваемое презрение к простому народу. «Самые безликие персонажи в самом заурядном месте в самой безвкусной манере».

Маниакальное подражание внешнему миру — это еще один способ дегуманизации искусства. Художник уже не «создает», не «выражает» некоторое видение автономного автора. Напротив, он рабски подражает внешним образам, обычно безликим продуктам рыночной культуры. Художественное мастерство подчинено безличному процессу. Как автор, так и персонаж лишаются внутреннего «я». Сверхреализм, согласно постмодернистическому мировоззрению, должен прийти на смену «гуманистическому» пониманию искусства.

Несомненно, традиционное искусство репрезентативно, но его цель не ограничивается только внешним сходством. Авторы стараются отразить *содержание* того, что они отражают. Греческая скульптура может анатомически точно изображать мускулатуру атлета, но вместе с тем она стремится дать полное представление о совершенстве. Возможно, ни один греческий атлет не выгладел так хорошо, как статуя. Греки своим искусством выражали восхищение *идеалом*. Классические пейзажи стремятся отразить внешнее совершенство природы. Романтические пейзажи, в свою очередь, живописуют дикость и величие природы. Портрет отражает не просто внешнее сходство, но и характер человека. Во всех случаях автор также стремится и к формальному совершенству картины — гармонии цвета и формы. Иными словами, традиционное искусство всегда было основано на взаимодействии внешнего мира и авторского восприятия, на синтезе внешней формы и содержания.

Утратив такое целостное мировоззрение как христианство, искусство разрушается. Модернисты ратовали за содержание без связи со внешним миром; постмодернисты ратуют за внешний мир без связи с содержанием. Искусство делают *либо* выражением, *либо* представлением; *либо* содержанием, *либо* формой; *либо* реальностью, *либо* иллюзией; *либо* истиной, *либо* условностью. Модернисты и постмодернисты забыли, что искусство — это и то и другое.

Часть третья. Постмодернистическое общество

VIII. Новый трайбализм

Американская семья в один из обычных вечеров может совершить поездку на японском автомобиле в мексиканский ресторан, вернуться в свой дом в стиле эпохи Тюдоров, посмотреть телевизионный вестерн и послушать музыку в стиле «регги». Современная культура, подобно постмодернистическому искусству, без сомнения, эклектична. Окруженные разнообразием стилей и культур, мы выбираем из того, что предлагает нам мировой «шведский стол». Нам говорят, что мы живем в плюралистическом обществе, что мы работаем на глобальную экономику и что мы должны развивать свое интернациональное сознание.

Однако такое сознание ведет к еще большему релятивизму. Поскольку каждая из культур отличается своим мышлением и своим образом жизни, то кто осмелится определить, что является правильным? Считать наше западное мышление единственно верным, а другие культуры ошибочными, было бы верхом высокомерия. В эпоху плюрализма ни одна точка зрения не может иметь монополии на истину. Думать иначе — значит быть этноцентричным, невежественным фанатиком, не обращающим внимания на мировое разнообразие. Поскольку сегодня все труднее и труднее отрицать наличие других культур, культурный релятивизм для многих становится неизбежным.

Поощряя стилистическое многообразие, постмодернизм вместе с тем сводит стили к *поверхностности*. Если вы придете в ресторан *Taco Bell* и съедите национальное мексиканское блюдо под названием *burrito* (лепешка с начинкой из мяса, сыра или бобов — *Прим. ред.*), разве это будет означать проникновение в опыт, историю и ценности мексиканского народа? Разве тем, что вы слушаете регги на японском CD-проигрывателе, вы способствуете межкуль-

турной встрече Вест-Индии и Японии? Современное западное мышление относительно других культур крайне поверхностно, как поверхностно мышление туриста, который коллекционирует культурные стереотипы, вместо того чтобы по-настоящему погрузиться в другую цивилизацию. Если ценности всех культур относительно, то можно ничего не принимать всерьез. Постмодернистический культурный плюрализм может поддерживать все культуры, но вместе с тем и уничтожать их.

Фактически любая истинная культура способствует соблюдению определенных этических норм. От Мексики до Африки семейная верность поощряется, а сексуальная распушенность осуждается. Ни одна культура (за исключением американской) не учит тому, что абсолютных истин не существует. Современная западная культура с ее порнографией, потребительской философией и всеохватывающим скептицизмом по отношению к власти и нравственным нормам опустошает традиционные культуры.

Постмодернизму свойственно как уравнивать культуры, так и преувеличивать разницу между ними. Он раскалывает общество на противоборствующие культуры и субкультуры. Даже внутри одного общества люди разделяются на самодостаточные сообщества и группы с противоборствующими интересами. Христианство также стало лишь одним из гетто. Мы становимся очевидцами развития нового трайбализма повсюду, от Боснии до Америки.

Деление общества

«Общество раскалывается на огромное множество субкультур и закрытых сообществ, — замечает один журналист, — все они имеют свой собственный язык, кодекс и стиль жизни». Сочетание социальных перемен, технического прогресса и постмодернистической идеологии подорвало сам принцип единой национальной культуры и заставило людей искать свою идентичность в субкультурах.

Эту потерю всеобъемлющей культурной идентичности можно отчасти объяснить с социологической и технологической точек зрения. Утрата семейных ценностей пагубно сказывается на всех уровнях общества. Детям сложно выработать в себе чувство преемственности и постоянства, когда самый главный институт их жизни не-

стабилен. Стоит ли удивляться, что дети, родители которых развелись и которым приходится приспосабливаться к условиям жизни в другой семье (или семьях), вырастают релятивистами? (Однако эти же дети, став взрослыми, нередко создают очень крепкие семьи, поскольку знают, сколь несчастными могут быть нестабильные семьи. Как правило, это бывает наиболее заметно в церквях.)

Кроме того, автомобили, автомагистрали между штатами и воздушные путешествия нарушают наше чувство дома. Совсем немногие взрослые сегодня живут там, где они выросли. Однако раньше одно поколение за другим жило в той же самой округе или в том же маленьком городке. Они могли чувствовать близость и поддержку большой семьи. Жизнь в таком стабильном окружении и в близких отношениях со многими людьми рождала чувство укорененности и общности. Сегодня ничего этого нет.

Несомненно, многим такие тесные общинные рамки казались удушающими. Это, вероятно, справедливо и в отношении первых поселенцев Америки, оставивших свои родовые селения в поисках свободы на диких просторах Америки. Так думали и первопроходцы, чья «охота к перемене мест» определяла границы новых осваиваемых земель. (Книги Лоры Ингелз Уайлдер прекрасно представляют американскую культуру и семейные ценности, но замечали ли вы, как часто семья, о которой рассказывалось в книге, — не имея таких благ, как автомобиль или автомагистраль, — *переезжала?*)

Но вместе с тем первопроходцы работали сообща и делали ставку на крепкое семейное ядро. Американская культура нашла способ совместить общинность и семейный дух с эгоцентрическим изоляционизмом. Сегодня, впадая в крайности — подчиняясь группе или самоизолируясь, — мы часто теряем это важное равновесие.

Модернизм, исходя из своих социальных посылок, спланировал общество. Единство достигалось путем отказа от традиций прошлого во имя прогресса. Технологическая стандартизация постепенно разрушила чувство локальной идентичности. Государственные типовые супермаркеты вытеснили мелкий частный бизнес и местные кафе с их домашней кухней: незатейливые рекламные щиты были снесены, чтобы освободить место для стандартных *McDonald's*. В результате модернизации торговые районы в маленьких городках, пригородах и больших городах выглядят практически одинаково. Ведущие музыкальных радиопрограмм по всей Америке говорят с

одним и тем же акцентом. В современной Америке вся нация дружно смотрит одни и те же телепередачи, слушает одинаковую музыку и предпочитает стандартную моду.

Если модернистические нововведения создали некое единство за счет утраты местной индивидуальности, то постмодернистические нововведения тянут в противоположную сторону. Если когда-то технология способствовала созданию единства, то теперь она продвинулась так далеко, что способствует развитию многообразия. Единое телевизионное пространство сплотило общество, которое стало зависеть от трех государственных телевизионных каналов, обеспечивающих всю страну новостями и развлекательными программами. В свою очередь, *кабельное* телевидение дает зрителю возможность выбирать из огромного количества каналов. Широковещательное телевидение уступает место ограниченному, где каналы нацелены на определенный круг интересов и определенные *слои* публики.

Теперь у нас имеются различные каналы: научной фантастики, вестернов, комедийных фильмов, спортивный канал, медицинский канал и новостной. Создается также круглосуточный канал гольфа. Так что теперь поклонники гольфа (и страдающие бессонницей) смогут двадцать четыре часа в сутки испытывать радостное возбуждение, наблюдая за тем, как другие играют в гольф. Некоторые каналы привлекают исключительно женщин, черных или латиноамериканцев; другие — христиан. Однако этим потенциал кабельного телевидения далеко не исчерпывается. Большая часть кабельных каналов заполняет время показом старых программ, бесконечно повторяя эпизоды из «Энди Гриффитца» (*Andy Griffith*) или «Острова Гиллигена» (*Gilligan's Island*) (в постмодернистической манере сохраняя традиции прошлого). Новая волоконно-оптическая технология скоро позволит иметь *сотни* дополнительных каналов, что приведет к еще большему делению теле-аудитории.

Местные общины, стимулируемые постмодернистическим движением в защиту истории, очищают от пластиковых фасадов здания в деловом центре города и восстанавливают их в былом величии. Рекламные щиты, неоновые огни и рестораны быстрого обслуживания берутся под специальный контроль с целью придания им местного колорита и региональной индивидуальности. Однако такие постмодернистические устремления чаще всего касаются

внешних сторон, а не сущности. (Нередко тщательно воссоздается роскошный внешний вид здания девятнадцатого века, а внутри располагается торговая зона.) И все же это положительные перемены на фоне технологической стандартизации, уничтожившей историю и индивидуальность во имя прогресса.

Деление, однако, есть нечто большее, чем многообразие или маркетинговый прием. Люди находят свою идентичность не столько в себе, своей семье, общине или нации в целом, сколько в группе, к которой они принадлежат.

Движение в защиту гражданских прав привлекло внимание к бедам расовых меньшинств в Америке, сделало немало полезного для восстановления конституционных прав чернокожих, а также научило другие меньшинства отстаивать свои особые права. Вслед за этим в защиту своих прав стали выступать индейцы, латиноамериканцы и американцы азиатского происхождения. Затем феминистическое движение объявило женщин угнетенной социальной группой, чьи гражданские права всячески попираются. Следующими, кто представил себя как угнетенное меньшинство, были гомосексуалисты. Далее хлынул поток других меньшинств — инвалиды, ветераны Вьетнамской войны, жертвы СПИДа, — каждое из которых заявляло о дискриминации и требовало федеральных компенсаций.

Между тем, сама американская политика подверглась разделению на несколько уровней. Когда сошли со сцены две мощные влиятельные партии, политика превратилась в поле боя отдельных групп, отстаивающих свои интересы. Активные защитники окружающей среды сражаются с торговой палатой; противники использования ядерной энергии, негритянские активисты, коалиции по защите прав гомосексуалистов, феминистические организации и другие общественные группировки с помощью лобби и демонстраций осуществляют огромное политическое влияние, далеко превосходящее их численность.

Я не имею ничего против групп по интересам. Именно так осуществляется политика в эпоху постмодерна, и христианам придется научиться играть в эти игры. Движение против абортов принимало участие в демонстрациях, проводило агитационную работу и, таким образом, оказывало политическое воздействие. Христианское крыло по борьбе с абортами сделало чрезвычайно много, чтобы

приостановить гораздо более влиятельную фракцию защитников абортов.

И все же такое политическое деление не обходится без проблем. Оно уничтожает всякие общие основания для рассуждений или убеждений. Защитники среды и работники леса, Американский союз гражданских свобод и фракция по борьбе с порнографией практически не имеют общего основания для рассуждений. Противники абортов знают, как сложно обсуждать этот острый вопрос с воинствующим защитником свободного выбора. Библейская мораль, конституционное право на жизнь, факты научных исследований внутриутробного развития, жестокая технология абортов — все эти объективные вещи не имеют никакого веса для тех, чье мировоззрение не предполагает объективного абсолюта, кто не принимает никакого иного морального критерия, кроме как свободный выбор женщины, для тех, кто строго придерживается политической линии феминистического движения.

Поскольку такие особые группы по интересам не имеют ни общей философии, ни общего языка, они не могут ни убедить друг друга, ни даже достичь компромисса. Они могут лишь оказывать политическое давление друг на друга. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает, и эти политические баталии зачастую бывают безобразными и жестокими. Деление общества превращает группы во враждующие лагеря, настраивая молодых против старых, черных против корейцев и латиноамериканцев. Возрождение классовой борьбы ведет к тому, что бедные, средний класс и богатые обвиняют друг друга в своих экономических бедах.

Дебаты по нравственным вопросам привели к «культурной войне», которая расколола политические партии, педагогические советы и даже церкви. Лейт Андерсон указывает на то, что «культура и Церковь вступают в новый век, век великого разобщения и беспрецедентного разделения, поляризации, разделения и вражды». Андерсон предполагает, что «Церковь двадцать первого века ожидает раскол не столько по вопросу метода Крещения, сколько по другим вопросам, таким как расовая свобода, финансы, аборты, гомосексуализм, роль мужчин и женщин». Люди будут иметь твердые убеждения относительно нравственных вопросов, но у них будет все меньше и меньше возможности обратиться к некой общей истине.

Христиане также стали сегментом общества, вместо того чтобы быть неотъемлемой частью культуры. Церковь постепенно превращается в субкультуру. У христиан имеются свои собственные книжные магазины, своя современная музыка, свои телевизионные каналы и школы. Во многом христиане уже сформировали культуру, параллельную светской культуре. Хотя христиане не столько ушли со светской арены, сколько были вытолкнуты с нее, превращение христианства в гетто следует рассматривать как часть общей разъединяющей тенденции, характерной для постмодернистической культуры.

Доминирующие идеологии часто запирали религиозные меньшинства в замкнутые гетто. Превращение религии в очередную субкультуру — это еще один способ сместить христианство и заглушить его аргументы. («Вы, противники аборт, только и стараетесь навязать другим свою религию».) С другой стороны, у религиозной сегрегации могут быть неожиданные последствия. Гетто, в которое были загнаны евреи, служило средством преследования, однако побочным эффектом этого явилось создание крепких, жизнеспособных еврейских общин. Возможно, нечто подобное ожидает христиан.

Многие предполагали, что христианство станет непонятным «модернистическому мышлению», и что все идеи о сверхъестественном постепенно просто исчезнут. Это еще одно несбывшееся пророчество модернизма. Постмодернистическое общество все же отводит христианству какое-то место. В своем культурном пространстве христиане могут обрести более тесную связь друг с другом и укрепить чувство общины, делая Церковь более зрелой и более верной.

Культурный синкретизм

Доктрина культурного синкретизма способствует еще большему разделению общества. Интеллектуалы концентрируются на плюрализме и продвигают постмодернистическую посылку о том, что многообразие — это благо. Они клеймят к тому же западную цивилизацию за ее одержимость абсолютными понятиями и универсальными принципами, неизбежно ведущими к расизму, империа-

лизму, сексуальной дискриминации, человеконенавистничеству и к нескончаемым постмарксистским порокам. На сегодня университеты и их сферы влияния — государственные школы, средства массовой информации и политика на всех ее уровнях — разрушают концепцию унитарной американской культуры, пытаются основать «многокультурное» общество.

Домодернистические нации способствовали развитию своих собственных культур — что им еще оставалось? Модернисты подорвали авторитет культуры ради объективного научного исследования, одинаково применимого ко всем культурам. Модернистическая технология и прогрессивное образование отвергли и уничтожили «неразвитые народы», традиционные культуры Африки и Азии. Вместе с тем, племенные народы с радостью восприняли улучшенное медицинское обслуживание и более высокий уровень жизни, которые дала модернизация. Как в домодернистическом мире, так и в модернистическом предполагалось, что образование должно предоставлять объективную информацию.

Впрочем, ни домодернистический мир, ни модернистический не заостряли слишком много внимания на «культуре». Группа людей обладала неким наследием и обычаями. Никто не рассматривал «культуру» в постмодернистическом смысле этого слова, определяющем нашу идентичность и обуславливающим все, что мы думаем и делаем. Вместо этого люди говорили о «цивилизациях», скорее подразумевая под этим активные достижения определенного общества, чем пассивные социальные силы. Слово «культура» как некая органическая, всеобъемлющая социальная сила и идентичность, по сути дела, является современным термином, концепцией, заимствованной из общественных наук. (Это ведущая наука в постмодернизме, так же как естественные науки в модернизме.)

Америка всегда была «многокультурным» обществом, состоящим из переселенцев со всего света. Даже девиз Соединенных Штатов — «*e pluribus unum*», т.е. «один из многих». Так же как разные штаты объединились в единое государство, люди разных национальностей и этнических групп слились в одну нацию. Иммигранты всегда были свободны в выборе культуры, но для того чтобы приобрести гражданство, им было необходимо пройти интенсивное обучение идеалам демократии. Американские принципы свободы, равенства и самоуправления считались универсальными. Это ис-

ключительно американское наследие было не столько культурой, сколько «метакультурой», системой, позволяющей представителям разных народов объединиться в единое целое. Выходцы из Ирландии, Польши и Китая, иудеи и католики, черные и белые — все могли быть патриотами Америки. То, являешься ли ты американцем, зависело от степени твоей веры в обязательные конституционные принципы, а не в этническую идентичность.

Разумеется, выучив английский, иммигранты впитывали жизненный уклад соседей, часто намеренно оставляя язык и обычаи «старого мира». Разница между людьми разнообразных культурных слоев становилась все менее заметной, и мало кто рассматривал такую ассимиляцию как потерю. Отдельные части старого наследия сохранялись в семейных традициях и этнических праздниках; некоторые его аспекты были благодарно приняты и вплетены в большой гобелен американской жизни. Свидетельством тому является рост и популярность «национальных ресторанов». И все же, как бы высоко переселенцы ни ценили свое культурное самосознание, они вместе с тем культивировали американскую идентичность.

Идеалом был американский «кипящий котел», однако реальность не всегда соответствовала ожиданиям. Некоторым группам пришлось столкнуться с предвзятым отношением и стать изгоями в американской культурной жизни. Многие народы переселялись в Америку в надежде обрести свободу от национального гнета. Однако те, кого привезли из Африки, нашли не свободу, а рабство. То, что нация, приверженная свободе и равенству, поддерживала рабство и расизм, является трагической страницей американской истории. Рабство, основанное на расовых отличиях, разожгло Гражданскую войну, которая чуть не уничтожила американскую нацию. Расовые проблемы по-прежнему мешают осуществлению «американской мечты».

Модернистическое движение в защиту гражданских прав, например, движения Мартина Лютера Кинга младшего, ратовало за *консолидацию*. Черные американцы должны иметь такое же избирательное право, такое же образование и такие же экономические возможности, как любой другой американец. У них была та же цель, что и у других групп иммигрантов — полное слияние с американской жизнью.

Постмодернистическое движение в защиту гражданских прав, например, движение Малькольма Икса (*Malcolm X*), напротив, выступает за *разделение* общества. В 1960-е годы двадцатого столетия многие чернокожие, озабоченные медленным ходом реформ, начали всячески подрывать доминирующее общество «белых». Они приняли черный национализм — их идентичность была исключительно расовой и заключалась в возрождении африканской культуры. Другие идеологии, такие как ислам и постмарксизм, громили «национализм черных». Если домодернистический сепаратизм был способом дискриминации «черных», то постмодернистический сепаратизм считается благом.

Движение, которое началось с нападков на само понятие расовых критериев, теперь *потребовало* расовых квот. Те, кто когда-то участвовал в демонстрациях за смешанные школы, теперь требовали отдельных «африканских специализированных школ» для чернокожих детей. Призыв Мартина Лютера Кинга к равноправию и обществу, лишенному расовых предрассудков, перерос в требования программ поддержки и конструктивной деятельности.

Чтобы не отстать от времени, академический мир принял этот сепаратизм во имя многообразия. Пока другие группы требовали «гражданских прав» (теперь означающих скорее право на отделение, а не на включение), их требования стали частью научных исследований и учебных планов. Поскольку «черные» были сегрегированы, университеты разработали программы интеллектуальной конструктивной деятельности. На занятиях по литературе стали изучать творчество чернокожих писателей, учебники стали подчеркивать достижения «черных» американцев, а в колледжах открылись «черные» отделения. Когда стали протестовать феминистки, «канон» школьной литературной классики пополнился произведениями авторов-женщин и женские курсы стали новым академическим предметом. Теперь и другие группы настойчиво требуют такого же отношения. В некоторых университетах имеются отделения, где изучают испанский и азиатский этносы, гомосексуализм и мужчин вообще.

Чтобы отобразить «многокультурное сознание», школы не только создали новые учебные дисциплины, но и переработали уже имеющиеся. Это культурное разнообразие передает отдельный цикл лекций. «Живые белые европейские люди» уже не могут опреде-

лять учебные планы. Учебники должны отражать равенство полов и взгляды меньшинств. Во многих университетах студенты, прежде чем закончить процесс обучения, должны пройти курс «межкультурной этики». Сегментация знаний и культурные ограничения изменяют саму природу интеллектуального образования.

Печально, что вместо того чтобы рассматривать другие культуры сами по себе, профессора часто показывают их через искаженную призму постмарксизма. Классовая структура западной цивилизации скорее изображается как наследие «гнета», а не наследие свободы и независимости. Культура Запада очерняется, а другие культуры идеализируются — при этом искажаются оба наследия. В то время как развивающиеся страны хотят учиться у Запада, Запад отказывается от своего собственного интеллектуального наследия.

В научных кругах то, что стояло в стороне, переместилось в центр. Судя по всему, постмодернисты культивируют «роман с маргиналами» и, защищая угнетенные социальные группы, которые не допускаются к власти, претендуют на нравственный авторитет. Отождествляя себя с группами, находящимися за пределами официальных культур, постмодернистические интеллектуалы сами переступают эти культурные границы. Подрывая привычные принципы распределения власти, эти ученые борются за права обездоленных. Если прежняя наука была «европоцентричной», представляя знания с позиций западноевропейской цивилизации, то новая наука станет «афроцентричной» и будет искоренять старые предрассудки, насаждая новые. «Патриархату» будет противостоять «матриархат».

Страстно желая защитить все угнетаемые меньшинства, многие университеты сегодня еще больше раскалывают их. После тяжелых битв за интеграцию высшего образования, сегодня мы видим новую сегрегацию университетов. У расовых меньшинств, как правило, имеются свои общежития, отдельные столовые, отдельные студенческие организации, отдельные учебники и отдельные выпускные церемонии. Программы позитивной деятельности основываются на расовой принадлежности прием студентов и распределение стипендий. Так, квалифицированных студентов из меньшинств бессовестно убеждают в том, что они не смогут успешно продолжить образование, опираясь только на собственные заслуги. И хотя целью всего этого культурного синкретизма является развитие толерантно-

сти, в университетских городках сегодня расовых столкновений и вражды наблюдается больше, чем когда-либо.

Одержав столь существенные победы в сфере высшего образования, многокультурное образование проникает в среднюю и начальную школу. Отдание чести знамени, сочинения на тему американской культуры, занятия по свободному предпринимательству в экономике и патриотические собрания, которые все еще свежи в нашей памяти, сегодня преданы забвению. Авторы учебников проводят «чистку» исторических текстов, освобождая их от «американской мифологии», и говорят о темных сторонах американской истории (рабстве, массовом уничтожении индейцев, «баронах-разбойниках» капитализма, несправедливых войнах). Особое внимание уделяется вкладу чернокожих, женщин и различных этнических групп. Школьники отмечают китайский Новый год и *Cinco de Mayo* (День независимости Мексики).

Народы всегда распространяли свою собственную культуру; насколько странными и бессмысленными казались бы попытки делать это с чужими культурами. Если изучать чужие культуры важно и необходимо, то *принадлежать* к многокультурной среде — значит не иметь собственной культуры.

Безусловно, изучать другие цивилизации и языки, ценить чужие обычаи — дело чрезвычайно важное, однако постмодернисты лишь скользят по *поверхности* этих культур. Мало кто из постмодернистов изучает истинную историю этих культур или делает антропологический анализ обычаев и системы ценностей. (Иначе студентам пришлось бы узнать о строгих моральных устоях и нефеминистической роли женщин в африканских этнических группах и деревнях Гватемалы.) Изучение иностранных языков сведено к минимуму, хотя по признанию самих постмодернистов язык является ключом к культуре. В настоящем виде многокультурное образование предлагает идеализированные культурные стереотипы, некий вариант *западного* представления о «благородных дикарях».

Культурный синкретизм, несомненно, ведет к релятивизму — если каждая культура мыслит по-своему, то ни одной из них (и особенно моей собственной) не может принадлежать монополия на истину. Однако если бы школы, вместо того чтобы ограничиваться поверхностным изучением, глубоко и тщательно исследовали эти культуры, выяснилось бы, что далеко *не все* культуры мыслят по-

разному. В действительности между культурами существует определенная степень согласия, особенно в тех областях, которые постмодернисты считают немодными, например, в области моральной ответственности.

Кроме того, весьма размыто само определение понятия «культура». Разве женщины составляют не ту же культуру, что и мужчины? Что касается воспитания детей, то женщины в гораздо большей степени, чем мужчины, ответственны за передачу ценностей своей культуры. Различия между мужчинами и женщинами, которые феминистками поначалу отрицались, а затем преувеличивались, не являются свидетельствами разных культур, поскольку женщины и мужчины пребывают в одной культурной среде. Также сомнительно, что гомосексуалисты — как правило, богатые и влиятельные люди — составляют отдельную культуру. «Черные» американцы действительно имеют некоторые культурные особенности в силу того, что общество «белых» на протяжении долгого времени отделяло их от себя. И все же, как утверждают те, кто побывал в Африке, эти афроамериканцы в любом случае скорее американцы, чем африканцы.

Общеамериканскую культуру иногда разделяют на «субкультуры». Тинейджеры, этнические группы, гомосексуалисты, компьютерные хакеры, поклонники «Звездной дорожки» и другие группы по интересам могут рассматриваться как отдельные общины со своими обычаями и характерными особенностями. Но все-таки люди из одной группы, совпадающие по «стилю жизни» (еще один постмодернистический термин), не составляют культуру в полном смысле этого слова. Разумеется, тинейджеры и фанаты «Звездной дорожки» имеют свой собственный язык, однако сленг тинейджеров и жаргон научной фантастики, в сущности, — микроязыки *ad hoc*, которые не отличаются от их родного языка. Компьютерные хакеры, безусловно, категория особая, однако их объединяет отнюдь не любовь к компьютерам; скорее уникальные личностные свойства привели их к общему увлечению компьютерами и родству душ. Тот факт, что каждый человек в отдельности может принадлежать к нескольким так называемым субкультурам одновременно, говорит о том, что постмодернисты преувеличивают различия субкультур. «Черный» тинейджер вполне может интересоваться компьютерами,

увлечься традициями «Звездной дорожки» и быть гомосексуалистом.

Вместе с тем менталитет, разделяющий всех на группы, несомненно, способствует поляризации и разделению общества. Юриста Кларенса Томаса, чернокожего человека, критикуют за его консерватизм — он не «думает как черный». Интересно, что это значит? Разве он в меньшей степени «черный», если он не либерал? Обязаны ли «черные» думать как-то по-особенному? Согласно канонам постмодернизма, те, кто поступают как личности и чье мышление отличается от мышления их группы, часто подвергаются жесткой критике за подрыв групповой солидарности. И наоборот — члены групп часто подавляют свою индивидуальность и истинные взгляды, чтобы «соответствовать» группе.

Хотя все это нацелено на культивирование терпимости (пожалуй, единственный нравственный абсолют в постмодернистической идеологии), деление людей на взаимоисключающие культуры скорее создает нетерпимость. «Шаблонное мышление» (пользуясь термином Оруэлла), укоренившись в обществе, может привести к катастрофическим результатам, что и наблюдается во всем мире.

Постмодернистическая сегментация общества не ограничивается только Соединенными Штатами. Советская империя, как и Соединенные Штаты, была многонациональным государством с единой всеохватывающей идеологией. Но как только эта идеология потерпела крушение, этнические группы, составлявшие Союз, развязали кровавые боины друг против друга, сея ненависть и вражду. Югославия также была многонациональной страной, однако межнациональные трения вылились в геноцид и расчленение Боснии.

Бенджамин Барбер заметил, что «планета стремительно разваливается на кусочки и одновременно неохотно соединяется снова». В то же самое время, как массовая культура и мировая экономика соединяют мир (феномен, который он называет «McWorld»), мы наблюдаем раскол мира на множество обособленных племен (феномен, получивший название «джихад» — термин, заимствованный из мусульманской доктрины священной войны).

«McWorld», по мнению Барбера, абсолютно безразличен к демократии и бурно расцветает в условиях диктатуры. Последняя делает людей счастливыми, обеспечивая их потребительскими това-

рами и неся благополучие за счет «независимости, общности и идентичности». «Джихад», в свою очередь, прямо противоположен демократии. Это образ мышления, полностью ориентированный на групповую идентичность, общинность и солидарность. Это не простой национализм, ведь нация — современное изобретение. Напротив, противоборствующие джихадовские группировки — это скорее «культуры, а не страны; части, а не целое; секты, а не религии; взбунтовавшиеся фракции и недовольные меньшинства, воюющие не только с понятием глобализма, но и с национальным традиционализмом». Опасность джихада уже очевидна на Ближнем Востоке, в Боснии и на всей необъятной территории бывшего Советского Союза. Современные войны — это всегда средство для достижения цели; джихад видит «войну не как политический инструмент, а как символ идентичности, выражение общности, самоцель».

До возникновения современного национального государства большая часть населения планеты была разделена на племена. Раскол общества на множество конкурирующих культур — это формула трайбализма. Сегодня от Африки до Индии, от сербского национализма до «стайного» сознания американских уличных банд, когда-то единое общество раскалывается на отдельные враждующие «племена». Разделаться с модернизмом и стать постмодернистом часто означает не что иное, как возрождение первобытности.

Один критик как-то заметил: «Неверное понимание культурного синкретизма приводит к “стайной” организации общества, что, в свою очередь, является источником современного террора. Правильное понимание культурного синкретизма закладывает основу общности, уважения и взаимопонимания». Концепция общности, универсальных человеческих качеств, присущих всем людям без исключения, — именно то, против чего направлены атаки постмодернизма. Если мы полностью являемся продуктами нашей культуры, как рассуждают постмодернисты, если мы отделены друг от друга «языковыми барьерами» так, что люди из разных культур не понимают друг друга, то единственное, что нам остается — это сойтись с теми, кто похож на нас. «Уважение и взаимопонимание предполагает наличие каких-то трансцендентных ценностей, выходящих за рамки культуры, набор надкультурных аксиом, видение универсального человечества».

Таким образом, христианство имеет гораздо больше оснований для «правильного понимания культурного синкретизма», чем постмодернизм. Христиане верят в родство всех людей на земле. Нас всех объединяет то, что мы сотворены по образу Божию, а также грех Адама и искупление грехов Иисусом Христом. Церковь фактически является одним из самых «многокультурных» образований в мире, существующих вне времени и пространства, — единым и многообразным; она представляет собой «великое множество людей, которого никто не мог перечислить, из всех племен и коллен, и народов и языков... пред престолом и пред Агнцем» (Откр. 7:9).

IX. Политика силы

Американская демократия корнями уходит вглубь многовековой интеллектуальной и духовной традиции. Баланс между правами человека и властью большинства, наследие экономических и идеологических свобод — все это величайшие достижения западной цивилизации. Вопрос состоит в том, сумеет ли американская демократия выжить в условиях постмодерна.

Что ожидает американскую демократию, если истины, которые когда-то казались «очевидными» и на которых покоились правовые свободы, перестали быть «очевидными»? Сегодня практически каждая посылка, лежащая в основе демократии, подвергается нападкам: от свободы личности до существования трансцендентного Бога, Чей Закон возвышается над всеми культурами и Который дарует людям их неотъемлемые права. Постмодернистические теории не только отрицают понятие свободного, самоопределяющегося общества; практика современной политики, кажется, во всем следует постмодернистическим принципам, заставляя государственные структуры двигаться в пагубном антидемократическом направлении.

С другой стороны, если характерным событием эпохи постмодерна является падение Берлинской стены, то, возможно, у демократии есть шанс. Пока старые демократические системы пытаются отделаться от демократических принципов, весь остальной мир только открывает их. Будут ли традиционные свободы, которыми пользовались многие поколения американцев, процветать в постмо-

дернистическом мире, или они окончательно разрушатся и заменятся тоталитарными структурами абсолютной власти, покажет время.

Политическое воздействие постмодернизма

Давайте вспомним идеологические принципы постмодернизма, которые были выявлены в предыдущих главах.

1. *Социальный конструктивизм.* Смысл, мораль и истина реально не существуют — они *конструируются* обществом.
2. *Культурный детерминизм.* Личность человека в полной мере формируется культурными силами. В частности, язык определяет наше мышление, заключая нас в «языковую темницу».
3. *Отрицание индивидуальной идентичности.* Человек существует прежде всего как член группы. Феномен американского индивидуализма сам по себе является конструкцией американской культуры, характеризующейся такими ценностями среднего класса, как независимость и интроспекция. Но на самом деле все это — иллюзия. Идентичность прежде всего коллективна.
4. *Отрицание гуманизма.* Ценности, подчеркивающие творчество, автономию и приоритет человека, несостоятельны. Универсального человечества не существует, поскольку каждая культура образует свою собственную реальность. Традиционные гуманистические ценности являются канонами угнетения, отделения и насилия над окружающей средой. Группы должны укреплять себя, чтобы отстоять свои ценности и занять свое место среди прочих на земле.
5. *Отрицание трансцендентного.* Абсолютных истин не существует. Даже если бы они существовали, мы не имели бы к ним доступа в силу культурных и языковых ограничений.
6. *Культ власти.* Все установления, все человеческие отношения, все нравственные ценности, все человеческие творения — от произведений искусства до религиозных идеологий — являются масками для прикрытия примитивного желания властвовать.
7. *Отрицание разума.* Стремление объективизировать истину — маска для прикрытия культурного давления. Цельности и самореализации можно добиться, влившись в большую группу, высвободив свои естественные влечения, такие как естественные

эмоции и сексуальность, культивируя субъективизм и развивая полную экзистенциальность, не пытаясь упорядочить свою жизнь.

8. *Яростная критика существующего порядка.* Современное общество с его рационализмом, порядком и унитарным взглядом на истину должно уступить место новому мировому устройству. Научное знание отражает устаревший модернизм, в то время как новые электронные технологии внушают большие надежды. Деление общества на группы обеспечит подлинный культурный плюрализм. Старый порядок должен быть сокрушен, а его место должна занять модель нового, хотя и не совсем ясно определившегося общественного бытия.

Каково же политическое влияние этих идей?

Как замечает Дэвид Горовиц, вера в то, что реальность порождается социумом, может быть только тоталитарной формулой. Демократия основывается на аксиоме, что человек свободен и автономен. Он может управлять собой. Постмодернисты считают, что человек несвободен и им управляет общество. Если члены общества пассивны и ими всецело руководят общественные силы, то никакое самоуправление невозможно. Если реальность порождается социумом, то власть общества и тех, кто им управляет, ничем не ограничена. Тогда как христианство учит, что реальность создает *Бог*, рассматривать *общество* в качестве творца значит обожествлять его. При таких допущениях каждая проблема должна иметь социальное решение, и ничто не может выйти из-под контроля тех, кто правит обществом. «Тоталитаризм» предполагает контроль над всеми сферами жизни со стороны государства, то есть именно то, что предполагает постмодернизм.

Постмодернизм преуменьшает роль отдельного человека и преувеличивает роль группы. Это может привести лишь к коллективному менталитету, где интересы индивидуума теряются в требованиях группы. Идеология, которая утверждает, что личная свобода — это иллюзия, едва ли станет допускать и поддерживать индивидуальную свободу.

Кроме того, исключение трансцендентных ценностей лишает общество самой возможности существования нравственных ограничений. Общество не подчиняется моральному Закону; оно само его создает. Если абсолютных ценностей не существует, общество спо-

собно создавать какие угодно ценности, не подчиняясь ни одной из них. Все это лишь вопрос власти. В отсутствие моральных абсолютов власть отдается на произвол властителей. Поскольку нет основания для нравственного или рационального убеждения, сторона, обладающая наибольшей силой, побеждает. Правительство становится носителем безраздельной власти, на которую не распространяется ни закон, ни разум. На личном уровне отрицание всех внешних абсолютов в пользу субъективности может означать триумф иррациональности, вспышку безумия и беспредельного террора.

Конечно, большинство постмодернистов открыто не пропагандируют тоталитаризм. Наоборот, они стараются представить свою позицию как освобождающую угнетенные группы от «единой истины», навязываемой угнетающими культурными силами. И тем не менее, сложно представить, как постмодернистические послышки могут лечь в основу свободного общества. Очевидно, что демократия опирается на принципы, *противоположные* постмодернистическим: на свободу и достоинство каждого человека, на человеческие ценности, на обоснованность суждений. Демократия признает, что источником всех ценностей является Бог, а не государство, полагаясь на *трансцендентный моральный Закон, сдерживающий тиранию государства и жестокость человеческих страстей.*

Примечательно, что мыслящие постмодернисты сами осознают опасное политическое влияние своей идеологии. Стивен Коннор признает, что отрицание универсальных ценностей ведет либо к «негласному принятию универсального принципа “кто сильнее, тот и прав”», либо к сияющему самодовольству прагматиков, считающих, что мы не можем основывать нашу деятельность на этических принципах, которые имеют гораздо большее воздействие, чем простое утверждение “мы так делаем, потому что нам так нравится”». (В конце концов, прагматический выбор неизбежно обернется антагонизмом, поскольку он будет работать лишь до тех пор, пока кто-то не станет вам противоречить или не позволит вам не соглашаться с ним.)»

«Антагонизм» означает *борьбу*. Единственная альтернатива абсолютным трансцендентным ценностям — это борьба за власть, где действует принцип «кто сильнее, тот и прав». Многие постмодернисты заявляют о своем прагматизме так: они будут работать над конкретными проблемами и гибко приспосабливаться к жизни, не

опираясь на какие-то высшие принципы. Коннор осознает, что чистый прагматизм обязательно перейдет в борьбу за власть, как только встретит сопротивление. (Заметьте, с каким постоянством фракции в поддержку абортот и гомосексуализма отходят от объективной аргументации своей позиции, заявляя, что «нас это устраивает». Затем, пытаясь уничтожить противников, они применяют сокрушительную политическую и юридическую силу.)

Коннор отмечает также «апокалиптическое наследие Ницше... предполагающее, что единственная ценность заключается в соединении теоретических крайностей». Иными словами, постмодернисты имеют склонность к экстремизму.

В то время как классический марксизм полностью дискредитирован в бывших коммунистических странах, западным интеллектуалам он все еще кажется привлекательным, отчасти потому, что их целью является бунт против своего общества. Однако их марксизм немного отличается от того, что пропагандировали Энгельс и Ленин. Классический марксизм считает, что экономические перемены, завершившиеся социализмом, изменят культуру. Новые марксисты, следуя учению итальянского коммуниста Антонио Грамши, продвигают идею, что культурные перемены должны *предшествовать* социализму. Сегодняшнее левое крыло, в отличие от марксистов предыдущего поколения, мало интересуется рабочим движением и экономической теорией. Вместо этого левые выступают за *культурные перемены*. Изменение американских ценностей представляется им наилучшим средством достижения социалистической утопии. Вот почему современные «левые» поддерживают любые предложения, подрывающие традиционные нравственные и культурные ценности, и питают заметный интерес к институтам, формирующим культуру, таким как образование, искусство и средства массовой информации.

Постмарксистский радикализм конструирует новую революционную идеологию, подменяя угнетенный рабочий класс, о судьбе которого заботился Маркс, другими угнетенными группами («черными», женщинами, гомосексуалистами). Статус и моральная законность приходят как результат «отлучения от власти». Жертве отводится первая роль. «Роман с маргиналами» приводит к тому, что даже преуспевающие профессора университетов относят себя к жертвам деспотической власти. Научные работы пестрят грубыми

заявлениями, жалостью к себе и «теоретическими крайностями». Быть «черным», женщиной или гомосексуалистом значит быть причисленным к своего рода секулярному лику святых. Однако даже эти категории подразделяются на еще более мелкие группы угнетенных.

Джон Лео описывает академическую конференцию «Ненависть», проходившую в Калифорнийском университете. Он рассказывает о научной работе «Методы воспитания сознания жертвы в азиатско-американской литературе к западу от Калифорнии», о профессоре американо-азиатской литературы, который был озабочен тем, что студенты восточного побережья равнодушны к бедственному положению азиатов в Калифорнии. Еще одна профессор сокрушалась по поводу своего происхождения из рабочего класса, по поводу того, как ее сделали жертвой ее коллеги из среднего класса, и по поводу осознания учения Шекспира об «учреждении субординации», поскольку он был расистом и сторонником классового общества. Ожесточенные споры вспыхнули после доклада «белого» профессора о том, как «черные» в своих фильмах проповедуют ненависть. То, что *белый* ученый посмел говорить о «черных», нарушило постмодернистический принцип, согласно которому человек из одной культуры (в особенности угнетающей) не может ни понять мир другой культуры, ни полностью войти в него.

Один транссексуал (человек, которому сделали операцию по изменению пола) прочитал доклад о том, какой гнев она (или он) испытывает по поводу того, что ее (его) как женщину не принимает общество лесбиянок. Далее она (или он) анализирует «трансфобию», поразившую американскую культуру. Другой ученый прочитал доклад под названием «Почему я поддерживаю избиение геев». В этой работе он выражает свой гнев по отношению к гомосексуалистам, которые хотят влиться в привычную американскую жизнь, заключая браки и проходя службу в армии. Он разносит в пух и прах «эгоцентричных белых геев и самодовольных белых лесбиянок» (у постмодернистов назвать кого-то «белым» — значит нанести самое сильное оскорбление), обвиняя их в поддержке «либерального плюрализма, свободы слова, американской мечты и прочей подобной глупости». (Антидемократическое влияние постмодернизма проявляется в откровенных атаках на свободу слова и другие права человека.) Несмотря на общий враждебный настрой участников не

только по отношению к обществу, но и по отношению к своим собратьям-жертвам, они во многом сошлись. «Было достигнуто общее согласие в том, — вспоминает Лео, — что для Америки — страны, где царит угнетение, единственно правильной ответной реакцией будет организованное преследование и ненависть».

Безусловно, участники конференции «Ненависть» вряд ли представляют реальную политическую угрозу. Их истерию и банальные жалобы едва ли кто-то воспримет всерьез. Такой экстремизм, разожженный самоправедным гневом и не признающий никаких нравственных ограничений помимо интересов твоей группы, может, в худшем случае, вылиться в терроризм (постмодернистический способ ведения войны). Мы также это наблюдаем среди активистов различных природоохранительных организаций. Но такие разрозненные группировки, конечно же, слишком малы, чтобы иметь политическое влияние.

Все это правда, вселяющая надежду. Однако, несмотря на их заявления о беспомощности, эти группировки, а особенно их образ мышления, действительно имеют силу. Их присутствие и нравственный авторитет в академической среде вполне реальны. Академический мир — не башня из слоновой кости, оторванная от «реального мира», как иногда представляется. В этой башне воспитываются наши учителя, юристы, журналисты и государственные чиновники.

Свобода слова (которую один из выступавших на конференции «Ненависть» окрестил «глупостью») уже ограничивается в университетских городках как посредством неформального давления, так и официально, во имя сочувствия к обездоленным группам населения. Литературный теоретик и ректор Герцогского университета Стенли Фиш, находящийся в центре дискуссии о «политической корректности», написал статью под названием: «Нет никакой свободы слова, и это тоже хорошо». Он утверждает, что университеты должны подвергать цензуре оскорбительные речи, но вместе с тем он признает, что у него нет объективных критериев, которыми можно было бы руководствоваться. Роджер Ландин резюмирует его мысли:

«Поскольку всякие принципы — дело предпочтения, и только

предпочтения, они есть не что иное, как маски для прикрытия политических целей, и именно они являются источником того, что мы называем «ценностями». Вместо того чтобы взывать к каким-то внешним авторитетам, мы должны попробовать усовершенствовать свои ораторские способности, что позволит нам вести политические войны с целью защиты наших собственных предпочтений и запрета тех, которые нам навязывают. Фиш искренне признает безосновательность своих заявлений и свое намерение развязать политические сражения с целью заглушить голос тех, с кем он не в ладах».

«Скоро опять кого-нибудь запретят, — говорит Фиш, — и твоя задача — не попасть в список тех, кого запретили».

Артур Понтинен так объясняет связь между постмодернизмом и принципами «политической корректности» университетских городков:

«Поскольку — как нас уверяют — нет мудрости, нет и свободы слова (поэтому вводятся правила, ограничивающие свободу слова в университетских городках). Нам говорят, что не существует таких понятий, как личная ответственность и чувство собственного достоинства (поэтому пропагандируются принципы, поощряющие подход к человеку не на основе его личных заслуг, а как к представителю таких ограничительных категорий как раса, пол и класс...). Нам даже говорят, что науки не существует — существуют лишь убедительные фикции; и культуры не существует — есть только парадигмы угнетения».

Разве не могут подобные ограничения личной свободы выйти за пределы университетских городков и захлестнуть все общество?

Бюрократия, законодательные органы и суды проявляют похожую «чувствительность» в своем стремлении обуздать «нападки» и еще шире применять законы о гражданских правах. Если мы когда-нибудь дойдем до «законов позитивной деятельности», принуждающих Церковь, вопреки ее учению, посвящать в сан женщин, или до «антидискриминационных» законов, заставляющих церковные организации нанимать гомосексуалистов, или до «законов политического лоббирования», вынуждающих Церковь хранить молчание по основным социальным вопросам, таким как аборт, то религиозная свобода будет уничтожена. Уже сейчас некоторые постмодерни-

стические секты призывают к подобного рода мерам; единственное, чего им не хватает, это власти. Воинствующие феминистки уже обладают достаточной властью, чтобы начать осуществление аборт по требованию, что приведет к убийству миллионов людей. Следующий шаг в их повестке дня — заглушить голоса протеста.

Коннор говорит о «странной диалектике, которая, призывая к отказу от всякой власти и любых форм объединения, может привести к полному бессилию и утверждению обновленной нигилистической власти». Революции, как правило, следуют предсказуемому порядку. Прежде всего революционеры отрекаются от всех существующих структур и власти. Как только власть свергается, а структуры разрушаются, революция вступает в новую фазу. Возникают новая власть и новые структуры. Большинство революций, впрочем, имели свои критерии устройства нового общества: Французская революция — просвещенческий рационализм, Русская революция — экономический марксизм, Иранская революция — верность исламу. Постмодернистическая революция, отвергнув все эти абсолютные категории, становится слепой и беспорядочной, самозабвенно строящей общество, отрицающее всякую власть.

«Теоретические крайности», «ненависть», «нигилистическая власть» — все эти время от времени повторяющиеся темы постмодернизма вряд ли способствуют сохранению свободного демократического общества. Большинство людей не подозревают, что принципы постмодернизма уже были опробованы в истории одной политической системы. Социальный конструктивизм, культурный детерминизм, отрицание личной идентичности, отрицание гуманизма, неприятие трансцендентного, разрушение разума, жажда власти и революционная критика существующих порядков — все это принципы не только постмодернизма, но и *фашизма*.

Как было отмечено раньше и показано в моей книге *«Современный фашизм: уничтожение иудео-христианского мировоззрения»*, большая часть идей, объединявших фашизм 1930-х, пережила Вторую мировую войну и продолжила развитие в рамках постмодернистической мысли. Фашисты также считали, что реальность — это социальная конструкция, и что само общество определяет свои ценности. Отдельные культуры и этнические группы образуют закрытые миры, в которые нельзя вмешиваться, даже если они соперничают друг с другом. Индивидуальность — это миф; человек

как таковой может обрести себя, только слившись с толпой. «Гуманистические ценности» — тоже миф; абсолютных, трансцендентных моральных законов, которым бы подчинялась культура, не существует. Все это — иудейские (т. е. библейские) идеи, которые ответственны за отчуждение, сознание вины и нестабильность западной культуры. Сила, а не любовь и сострадание, должна быть истинным выражением стремления культуры к власти. Коллективное чувство, а не абстрактный разум (еще одно наследие «иудеев»), должно развиваться как культурный источник энергии.

«Национал-социализм» создавал контролируемое государством экономикой, которая работала бы на благо нации. Государство решало все проблемы человека. Плановое государство, воспринимаемое как источник всех ценностей и всяких благ, получало некий мистический статус, взяв на себя роль Бога и требуя преданности от всех своих членов. Так же как в древних языческих племенах, до отчуждения, которое Библия внесла на Запад, культура составляла единое целое с природой и ее божествами.

Очень многие в свое время рассматривали фашистскую идеологию как залог освобождения. Однако социальный конструктивизм и культурный детерминизм в приложении к реальной жизни породили тоталитарный гнет. Отрицание личности означало уничтожение свободы. Отрицание объективной морали означало, что государство может делать что угодно; в результате все это вылилось в евгенические программы, террор со стороны гестапо и эвтаназию для инвалидов и «лишних». Идеологическая враждебность по отношению к иудо-христианской традиции привела к захвату церковью синкретическим богословским учением, уничтожению конфессионального христианства и массовому истреблению евреев.

Противодействие всему современному зачастую означает возвращение к примитивному, варварскому. Фашизм 30-х годов XX века никогда не был консервативным движением (несмотря на марксистскую пропаганду); это была реакция на объективность, рационализм и отчуждение «современного мира», реакция, структурно параллельная реакции постмодернистов. Фашизм, как и постмодернизм, уходит корнями в романтизм, с его примитивизмом и субъективностью, и экзистенциализм, с его отрицанием абсолютных ценностей и «триумфом воли». Возможно Гитлер потерпел неудачу, потому что он опередил свое время.

Современная демократия

Постмодернистические идеи могут оказывать пагубное политическое воздействие, однако они в основном занимают лишь сумасбродных ученых и крайних экстремистов. Мало кто из обычных людей верит в «социальное конструирование реальности» и прочие туманные постмодернистические идеи. Маловероятно, чтобы Америка пожертвовала своими демократическими свободами ради какого-то марксизма, постмарксизма или тоталитарного фашизма.

На самом деле я очень верю в американские институты власти, неодолимую силу демократии и свободную рыночную экономику. И все же есть основания опасаться за здоровье американской демократии.

Как выяснилось, релятивизм академического мира сейчас разделяют 66 процентов американцев (в том числе 72 процента «нового поколения» и 53 процента евангельских христиан). Чарльз Колсон указывает на политические последствия релятивизма следующим образом:

«Нигде наличие абсолютного стандарта не играет столь жизненно важной роли, как в политике и управлении государством. Западные нации создали свои жесткие политические структуры, исходя из посылки, что всеобщие человеческие законы — это всего лишь отражение извечного морального Закона, данного Богом... Однако если истины не существует (не существует объективного стандарта того, что хорошо и справедливо, а значит, и стандарта того, что несправедливо), то общественный договор всегда отдается на произвол сиюминутной прихоти. И тогда либо беснующееся большинство, либо безжалостный диктатор неизбежно отвечает нам тиранией».

По убеждению Колсона, тирания исходит не только от диктаторов; возможна также тирания «большинства».

Демократическая тирания, не знающая нравственных ограничений, может допустить «беспредел» большинства и таким образом совершить зло. Сегодня нравственные вопросы часто решаются путем опроса общественного мнения, что входит в программу общественной политики. Многовековые моральные и юридические санкции

против абортов перечеркнуты в пользу «материнского права на выбор». Вопрос о нравственном аспекте эвтаназии решается на государственном уровне путем голосования. Когда общество не признает моральных абсолютных ценностей, нет суда выше, чем субъективное мнение. Мы учреждаем законы на зыбучих песках общественного мнения, зачастую непродуманного, изменчивого и легко поддающегося манипуляциям. Но лишённые морали законы оборачиваются, как говорят постмодернисты, произволом властей.

Американская конституция предусматривает возможность существования несправедливых законов и тирании большинства. Ее авторы разработали механизм, с помощью которого законы, принимаемые большинством, всегда сверяются с объективным юридическим кодексом. Объективные, образованные и независимые судьи призваны решать, не противоречат ли новые законы абсолютным ценностям, определенным в Конституции.

Судебная система, во главе которой стоит Верховный Суд, рассматривает законы с точки зрения их соответствия конституционным законам об абсолютных ценностях. Однако эта система может работать только тогда, когда общество и суд верят в абсолютные ценности. Сегодняшняя постмодернистическая теория права учит, что Конституция не является документом, содержащим абсолютные принципы, но представляет собой организм, который должен постоянно приспосабливаться к особенностям развития общества. Правовые активисты используют власть, чтобы изобретать новые, отвечающие требованиям общества права, не упомянутые в Конституции. Следуя этой логике, Верховный Суд легализовал аборты, перечеркнув все существующие на этот счет законы во имя новообретенного «права на личную жизнь».

Традиционно судебная система несла ответственность за интерпретацию законов, однако новые правовые активисты, не обращая внимания на законодателей или абсолютные принципы, создают свои законы. Их деятельность обострила самые спорные вопросы сегодняшней «культурной войны». Судебная система, помимо того что легализовала аборты, позволила процветать порнографии, даровала особые права гомосексуалистам, поддержала программы феминисток и запретила чтение Библии и молитву в школах.

Как заметил судья Алекс Козински: «Судьям, которые начинают играть в законодателей, кажется заманчивым рассматривать

законы, включая Конституцию, как трамплин для претворения в жизнь своего собственного понимания добра и зла». Личное мнение становится выше любых абсолютов. Мнение же судей легко воспринимается всеми как всеобщий закон. Так как это высокообразованные люди, их понимание добра и зла, вероятнее всего, такое же, как у их постмодернистических двойников.

Такая судебная деятельность, отменяющая законы, принятые демократически избранными законодателями, сосредоточивает огромную власть в руках очень небольшого, неизбранного меньшинства. «Это знамение времени, — комментирует Джон Лео. — Реформаторы намеренно обходят законодательные органы и передают свои тяжбы прямо в суд». Здесь «реформаторы» легче всего получают желаемое, не прибегая к необходимости убеждать в чем-либо Конгресс или американское общество.

Тирания бюрократии представляет еще одну серьезную угрозу американской демократии. Нил Постман описал, как новые информационные технологии формируют новый социальный порядок, который он назвал «технополией». Он предвидит идеологический конфликт между ценностями демократии с ее трансцендентными моральными основами и новым технологическим порядком, не имеющим их. «Политическая власть принадлежит тем, кто контролирует информацию», — отмечает он. Поскольку информация контролируется с помощью технических средств, политическая власть оказывается в руках технических экспертов.

В государственных бюрократических структурах уже закрепились «эксперты», определяющие политику силой закона, независимо от каких-либо демократических процессов. Постман считает экспертов нового типа настолько «специализированными», что они проявляют некомпетентность по любому вопросу, выходящему за рамки их специальности. Эксперты претендуют на исключительный авторитет в тех областях, которые традиционно относились к общечеловеческим вопросам: воспитание детей, решение личных проблем, принятие нравственных решений. Облачившись в мантию социологии (которая, по заявлению постмодернистов, является «королевой наук») и вооружившись техническими структурами, такими как стандартизированные тесты, статистика и опрос общественного мнения, эксперты пользуются авторитетом в судах, законодательных комиссиях и средствах массовой информации.

Национальную программу образования определяют не местные педагогические советы и даже не учителя, а чиновники из советов по образованию на уровне штатов. Образовательная бюрократия не только контролирует то, что преподают учителя, но и то, что преподается учителям (посредством выдвижения строгих и детализированных требований в отношении лицензий и педагогических программ). Их цель заключается в том, чтобы школы следовали новейшим теориям образования, даже если они доказали свою неэффективность. Попытки реформировать школу приводят к тому, что образовательная бюрократия получает еще больше власти, начиная требовать дополнительных курсов для учителей, ужесточая контроль над местными школьными управами и настаивая на еще более экспериментальной технологии.

Таким образом, огромная часть наиболее важных решений общества принимается не обычными гражданами страны, а невыборной элитой. Больницы отдают вопросы медицинской этики на откуп «экспертным комитетам». Судебные решения зависят от показаний «свидетелей экспертов» (которые часто разделяют позиции обеих сторон). Комитеты Конгресса прислушиваются к мнениям «экспертов» при разработке законов, цель которых — решить проблемы общества. В большинстве случаев экспертов приглашают для того, чтобы ответить на вопросы, которые всегда были под силу обыкновенным людям: справедливо ли это? Правильно это или нет? Будет ли от этого толк? Пока эксперты прочно держатся за правительственную бюрократию и получают власть, чтобы насаждать политику со статусом закона, демократический процесс становится все более ненужным.

Из-за коррупции и неэффективности своих законодателей американцы молча соглашаются с утратой самоуправления. Когда ревностно отстаивавшие свои права и свободы, сегодня американцы в большинстве своем, кажется, удовлетворены тем, что за них принимают решения эксперты и суды.

Растущая тривиальность политики — когда результаты выборов определяют маркетинговые приемы и массовую технологию — разъедает еще больше основы демократии. Апологет постмодернизма Уолтер Труэтт Андерсон с иронией описывает фальшивость современной политики:

«Мы можем наблюдать также растущую театральность политики, где события соответствуют сценарию и разыгрываются для массового зрителя, где отдельные фигуры и целые группы соперничают за главные роли (или, по крайней мере, за эпизодические) в политических постановках. Эта театральность — естественная и неизгладимая черта нашего времени. Такое происходит, когда большое число людей понимают, что реальность — это социальная конструкция. Более предприимчивые видят, что многое можно получить, конструируя и продавая обществу некую реальность. Так создание реальности становится новым искусством и бизнесом. И очень большим бизнесом, если учесть, сколько денег тратится (и зарабатывается) в таких сферах как реклама, общественные отношения и политические кампании».

Выдвижение своей кандидатуры на политическую должность становится все труднее отличить от рекламной деятельности или большого бизнеса. Политические убеждения зависят от возможности «продать» некую конструкцию реальности. Постмодернистические политики играют роли, создают образы и устраивают театрализованные представления. Как уверяет Андерсон, тривиализация политики неизбежна, «когда многие люди начинают понимать, что реальность — это социальная конструкция».

То, что постмодернистическое мировоззрение типично для современной политики, видно и на других примерах. Постмодернистический постулат о том, что объективную информацию можно организовать и истолковать в соответствии с почти любой «парадигмой», создает ситуацию, когда политики нанимают «экспертов», чтобы те интерпретировали происходящее вокруг с максимальной пользой для кандидата. Сегодня не даются политические обещания, которые следует выполнять, — такой старомодный взгляд предполагает, что истина является некой абсолютной ценностью. Политические обещания — скорее нечто «вспомогательное», призванное достичь сиюминутного результата, склонить на свою сторону избирателей или «сделать политическое заявление». Как только момент прошел, результат достигнут и политик сталкивается с «новой реальностью», он откровенно забывает о своем обещании. Те, кто верят в реальность как в социальную конструкцию, легко оправдывают лжесвидетельство и намеренное искажение фактов.

Цинизм и явная ложь постмодернистических политиков глубоко разочаровали простой американский народ, еще больше подорвав демократию. Сегодня лишь небольшая часть зарегистрированных избирателей вообще думает о голосовании. Доступ к средствам массовой информации, столь необходимый для политического успеха, стоит так дорого, что только высокопоставленные должностные лица или сверхбогатые претенденты могут позволить себе быть кандидатами на политический пост. Деление общества постепенно разрушало влияние политических партий, которые традиционно обеспечивали на местном уровне вхождение в политику граждан, желающих быть задействованными в ней. Сегодня крупные политические партии, чтобы пройти на выборах государственного масштаба, вынуждены удовлетворять разные и часто несовместимые «группы по интересам», что приводит к искажению идеологии и полному бессилию политики. В результате совсем немногие американцы активно участвуют в самоуправлении. Если бы демократия перестала существовать, многие бы даже не заметили этого.

Но действительно ли все выглядит так мрачно? Несомненно, крах коммунизма и завершение холодной войны были великой победой демократии. Идеалы свободы заставили миллионы людей выйти на улицы и бросить вызов танкам и КГБ. При всех своих притязаниях на «конструирование реальности», тоталитарные режимы не могли сдерживать мужчин и женщин, чья вера в «истину» легла в основу демократической революции. В то время как американская демократия теряет свои позиции, новая демократия сметает диктаторские режимы в Латинской Америке и Африке. Принципы свободной экономики становятся еще более эффективными, принося изобилие бедным странам, вознаграждая личную инициативу и показывая, что от Швеции до Китая социализм изжил себя.

Демократия и свободная экономика прекрасно могут представлять эпоху постмодерна, которую следует отличать от постмодернизма. Классические марксисты фактически критикуют мир постмодерна с его свободой, многообразием и изобилием, называя его еще одной стадией развития капитализма. Они считают архитипичным президентом постмодерна Рональда Рейгана с его актерскими способностями управлять средствами массовой информации, его ностальгическими чувствами, политикой невмешательства и выступлениями в поддержку процветания (что они называют

«алчностью»). Для них экономика постмодерна с присущими ей потребительской философией, рыночной системой и акцентом на капитал, а не на общественный труд, отражает капитализм в его наиболее угрожающей форме.

Возможно, эти нераскаявшиеся марксисты правы в том, что демократия и свободная экономика действительно представляют истинную сущность постмодерна. В этом случае коллективизм и радикализм постмодернистической идеологии — не альтернатива модернизму, а его предсмертные судороги. При этом стоит ожидать конфликта в борьбе за души людей третьего тысячелетия между мировоззрением, подарившим нам свободное общество (а именно, библейским мировоззрением), и постмодернистическим мировоззрением.

Уже сегодня постмодернистические альтернативы бросают вызов триумфу свободы в бывших коммунистических странах. В то время как недавно освободившиеся народы бывшей Советской империи борются за то, чтобы оживить демократию и свободную экономику, постмодернистические силы, направленные на разделение, грозят им анархией и фашизмом. Тем не менее, демократия не должна быть просто списана. Она доказала свою силу и жизнеспособность. Однако для того, чтобы демократия имела успех, ей необходима инфраструктура — мировоззрение, основанное на Библии. В то время как многие на Западе отходят от этого мировоззрения, Восток лишь открывает его для себя.

Постмодернисты встречаются с русскими

В 1988 году на конференции «Литература и общественные ценности: советский и американский взгляд» собрались американские критики и теоретики и их советские коллеги. Советские писатели и профессора университетов прибыли в Калифорнию, чтобы встретиться с выдающимися постмодернистическими критиками Америки. В 1990 году постмодернисты посетили к тому времени уже распавшийся Советский Союз. Обмен мнениями сбил с толку обе стороны. Американские постмодернисты были крайне удивлены, что русские действительно верят в такие понятия, как «абсолютные ценности», «истина» и «гуманизм». Еще более шоки-

рующим для американских постмодернистов был тот факт, что русские основывают все эти абсолютные понятия на *религии*:

«Советские ученые снова и снова свидетельствовали о своей вере в абсолютные литературные ценности. <...> Это сопровождалось обращением к абсолютным духовным ценностям и российским религиозным духовным традициям, что способствовало высокой ценности отдельных произведений. Все это (по крайней мере, мне) показалось самым поразительным из того, что рассказали советские участники конференции. Это впечатление не разрушилось и в ходе следующей конференции, состоявшейся в Москве двумя годами позже, где мы выслушали доклады других советских ученых. Большое число услышанных нами докладов было написано с учетом глубоких религиозных основ».

Тон этих заявлений, сделанных Д. Хиллисом Миллером, одним из самых выдающихся и влиятельных критиков-деконструктивистов, говорит о следующем: он *не может поверить* в то, что кто-то в наши дни способен думать такими категориями. В Америке, разумеется, никто так не думает — по крайней мере, ни один из тех, к кому прислушиваются:

«Это твердо отстаиваемое, хотя и не слишком последовательное убеждение, чрезвычайно удивило меня. <...> Среди литературоведов сегодняшней Америки не существует ничего подобного советским взглядам на литературу. В качестве исключения можно отметить несколько крайне консервативных критиков — например, членов Национальной ассоциации ученых, а также тех, для кого “западная традиция” — не пустой звук, а способ противодействия многокультурному образованию, женской науке и изучению литературы меньшинств. Однако это сравнение не претендует на точность, поскольку американские консерваторы обычно столь открыто не апеллируют к религии как к посреднику абсолютных ценностей».

Излишне говорить, что русские, только что освободившиеся от коммунистической тирании, были еще больше удивлены высказываниями американцев. «После того как я выслушал вас, — признался Феликс Кузнецов, секретарь Союза советских писателей, — у

меня создалось впечатление, что мы оказались в крайне атеистической стране».

Станным кажется то, что американские ученые не видят связи между страданиями русских во времена коммунизма и приятием ими абсолютных духовных ценностей. Конечно, американцы знали, что русские деятели искусства подвергались гонениям. «У американцев перехватило дыхание, — говорит Миллер, — когда их советский коллега сказал, что “контрреволюционного” писателя могли “застрелить по ошибке, трагической ошибке”». Точно так же у нас перехватило дыхание, когда два года спустя во время визита в Советский Союз нам показали в музее картину, за которую художник был расстрелян». Миллер на весь этот ужас отреагировал небольшой шуткой: «Это, по крайней мере, свидетельствует о том, что к искусству в Советском Союзе относятся серьезно!» И действительно. Во всяком случае в Соединенных Штатах искусство не воспринимается так серьезно ни правительством, ни самими художниками, ни постмодернистическими критиками. Искусство, столь опасное для тирании, что провоцирует арест, искусство, которое воспринимается столь серьезно, что за него можно умереть, — это искусство, свидетельствующее об абсолютных ценностях.

Миллер беспокоится, что русское упорство в отношении объективной истины может привести к возрождению авторитаризма. Постмодернисты любят ассоциировать веру в абсолютные ценности с тиранией, однако такая связь в высшей степени нелогична. (Что больше нравится тиранам: вера в то, что лишь грубая сила может считаться единственной ценностью — или вера в то, что абсолютные ценности выше общества и представляют собой стандарт, в соответствии с которым общество и власть должны существовать?) Кроме того, эта связь довольно бесцеремонно отрицает опыт тех, кто действительно побывал в коммунистических смиренных рубашках и прошел ГУЛАГ.

В то время как Милан Кундера, автор «*Невыносимой легкости бытия*», бежал на Запад от коммунистического преследования (зачем, если Запад столь жесток?), другой чешский писатель, Вацлав Гавел, остался дома. Позднее он был арестован за то, что писал пьесы, в которых критиковал коммунизм. (Если литература — это всего лишь отражение существующих властных структур, то как он мог протестовать?) Следователь — не критик — допрашивал его, и за-

тем он был помещен в настоящую тюрьму из бетона и стали. И это не была языковая тюрьма. Язык Вацлава Гавела не только не связывал его, но наоборот, помогал ему выражать идеалы свободы; он использовал его, чтобы обличать ложь и провозглашать истину. (Но если не существует истины, не существует и лжи, или тогда все есть ложь. За что же его бросили в тюрьму? Должен ли был Вацлав Гавел подстраиваться под обстоятельства, принимать «легкость бытия», плыть по течению, как это делали коллаборационисты? Почему мы должны восхищаться такими борцами за истину, как Вацлав Гавел, если на самом деле истины не существует?)

Те, кого подвергали допросам, приговаривали к заключению в концентрационных лагерях или расстреливали, были гонимы отнюдь не за «постмодернистические» убеждения, а за веру в абсолютные ценности. Они отстаивали те концепции, которые сегодня на Западе подвергаются атакам — истину, свободу личности, нравственный Закон, который стоит выше общества и обеспечивает все права человека, — все, что объективно и абсолютно основано на личности Бога.

Другой жестоко преследуемый автор, Александр Солженицын, отмечает — то, что у Востока вырвали силой, Запад отвергает по собственной воле.

Х. Постмодернизм в повседневности

Большинство американцев верят в свою личную идентичность. Они верят в объективный мир и в то, что истина — это не просто социальная конструкция. Постмодернистическая идеология далека от образа жизни и мыслей большинства людей. Хотя она может оказывать известное воздействие на интеллигентские круги, она мало что может сказать обыкновенным американцам, озабоченным содержанием семей и оплатой счетов.

Безусловно, американские традиции здравого смысла должны иметь иммунитет против крайностей постмодернистической идеологии. Индивидуальность и демократия имеют глубокие корни в американской культуре, которые не так-то просто уничтожить. Кроме того, многие американцы — не только модернисты, но и домодер-

нисты. Влияние христианской веры должно смягчить релятивизм и нигилизм, навязываемые наиболее радикальными постмодернистами.

Но как бы то ни было, с постмодернистическим мировоззрением и постмодернистической культурой мы сталкиваемся повсеместно. Обычным американцам этого не избежать. Постмодернизм формирует наш стиль жизни: то, как мы зарабатываем на пропитание, как обучаем детей, как решаем личные проблемы и проблемы общества.

Постмодернистическая ментальность

Лейт Андерсон обратил внимание на то, что новое поколение американцев мыслит несистематически, поэтому часто люди придерживаются взглядов, противоречащих друг другу. Андерсон, пастор мегацеркви, в качестве примера упоминает молодого человека, утверждающего, что он исповедует реформатскую теологию, непогрешимость Писания и реинкарнацию. Он не осознает, что христианство несовместимо с реинкарнацией, которая опирается на совершенно иное мировоззрение. Но даже если ему указать на это, он не проявит ни малейшего желания пересмотреть свои взгляды. Будучи неспособным мыслить систематически, он не видит, как могут сталкиваться разные точки зрения. Ему «нравится» Библия и «нравится» идея о новом воплощении в другой жизни.

О влиянии этого типа мышления на религию подробнее мы будем говорить в следующей главе, однако противоречивость взглядов стала характерной чертой современного мышления. Некоторые политики заявляют о своем консерватизме в политических вопросах и либеральности — в других. Фанатики здоровых, малокалорийных, экологически чистых продуктов часто убивают себя наркотиками. Многие из признающих аборт нравственной ошибкой, вместе с тем поддерживают «философию выбора». Многие люди не способны осознать свои позиции и не утруждают себя тем, чтобы быть последовательными.

При отсутствии абсолютных канонов объективной истины рациональное заменяется эстетическим. Мы верим в то, что нам *нравится*. Те, кто не привык думать, считаясь с абсолютной, объек-

тивной истиной, тем не менее, имеют свои взгляды и твердые убеждения. Фактически убеждения этих людей гораздо труднее менять, поскольку они не признают никаких внешних критериев, по которым можно было бы оценить и выявить их ошибочность. Поскольку их убеждения являются функцией воли, они упрямо цепляются за них. Поскольку в основе их убеждений, как правило, лежат особенности характера и собственный выбор, то любая критика воспринимается ими как личное оскорбление. Так как «каждый имеет право на свое мнение», они не станут возражать, если вы с ними не согласитесь, однако если вы попытаетесь скорректировать их взгляды, они начнут защищаться и будут крайне раздражены.

Вовлеките практически любого в обсуждение каких-либо спорных вопросов, и тут же даст о себе знать проблема постмодернизма. Для современного мышления, будь то беседы в академических кулуарах или в местном кафе, абсолютных понятий не существует. Для людей не существует одних и тех же авторитетов, методов или критериев. Если каждый живет в своем замкнутом мире и говорит на непонятном другому языке, убеждение становится невозможным. «Это может быть истиной для тебя, а для меня — нет».

Постмодернистический бизнес

Даже бизнес пересматривается в соответствии с категориями постмодернизма. Компании отвергают иерархические структуры, которым присущи четко выделенные авторитеты и рациональное централизованное планирование. Единство, объективная организация и четкое распределение власти — это ценности *модернизма*. Теперь компании проходят децентрализацию, позволяя рабочим принимать решения в составе *групп* качественного контроля. Такие постмодернистические ценности как многообразие, отрицание авторитетов и деление на группы, занимают, думается, последний бастион модернизма — мир бизнеса.

Я не берусь критиковать приемы постмодернистического бизнеса. Новые методы организации бизнеса могут оказаться вполне эффективной и, возможно, необходимой адаптацией к постмодернистической культуре. Модернизм потерпел неудачу во всех областях, и нам не следует ожидать, что парадигмам современного бизнеса

повезет больше. Главное, что я хочу здесь показать, — постмодернизм проникает повсюду, и никто не может избежать его влияния.

Фабрика символизирует модернистическую экономику. С индустриальной революции началась эпоха модерна. Научное знание нашло практическое выражение в производственной технологии. В то время как фабрики потоком выпускали ткани, сталь, инструменты и автомобили, уровень жизни стремительно рос. Конечно, у индустриальной революции была своя цена и существовали свои противоречия. Однако капиталисты и марксисты, предприниматели и профсоюзы приковывали свое внимание именно к предприятию и производству продукта.

Компьютер символизирует постмодернистическую экономику. Сегодня с помощью компьютеров осуществляется большая часть фабричных процессов. Человек лишь сидит за экраном монитора и обрабатывает информацию. Рабочим уже не приходится бездумно выполнять одни и те же действия, работая на конвейере; теперь у них есть доступ к мегабайтам информации, которая прежде была в распоряжении лишь у руководства. Все это делает возможным децентрализованное принятие решений. Новая технология позволяет также производить продукцию по индивидуальному заказу, удовлетворяя специфические потребности клиентов. Модернистические фабрики были нацелены на массовое производство. Постмодернистические фабрики работают на нужды особых *групп*.

Само производство уступает место «индустрии услуг». Производство осязаемых предметов либо полностью автоматизировано, либо передано государствам с дешевой рабочей силой (элемент «глобализации» экономики, еще одна особенность постмодернизма). Многие компании сегодня производят нечто неосязаемое. «Товары и услуги», конечно, всегда были присущи экономике, но сегодня именно услуги берут верх. Множество новых компаний, ориентированных на услуги, существуют только для того, чтобы помочь другим компаниям разобраться с новой технологией. Многие экспертные агентства вошли в число 500 самых доходных компаний США, не производя ничего, кроме информации.

Кстати говоря, есть разница между «знанием» и «информацией». Знание прочно и постоянно. Информация кратковременна и изменчива. Домодернистическая и модернистическая

эпохи высоко ценили знания, эпоха постмодерна одержима «данными».

Модернистическая экономика рассматривала людей как производителей, постмодернистическая видит в них потребителей. Американская экономика сегодня «движима рынком». Это значит не только то, что в распоряжении компании должна быть самая свежая информация о клиентах, но и то, что компания должна активно рекламировать свой товар. «Маркетинговые исследования» отводят организаторам опросов общественного мнения и социологам (две постмодернистические профессии) значительное место в промышленности. Рекламодатели имеют в своем распоряжении обширные информационные системы, с помощью которых они осуществляют свои задачи: телевидение открывает путь к массовому зрителю, а новая информационная технология — кабельное телевидение, факсы и волоконно-оптическая технология — имеет доступ к «целевой» аудитории, предлагая товары особым *группам* потребителей (в соответствии с делением постмодернистического общества).

Следуя постмодернистическому лозунгу «вся жизнь — это текст», рекламодатели превратили мир в гигантскую «доску объявлений», рекламируя все подряд — от спортивных мероприятий до магазинных тележек. Сами товарные знаки компании стали предметом моды, и теперь люди носят шапочки и футболки с рекламой какого-нибудь товара, превращаясь таким образом в бесплатного рекламного агента. Большая роль рекламы в современной экономике только укрепляет постмодернистическую одержимость риторикой, стилем и имиджем.

Новый класс

У нас по-прежнему существуют рабочий класс и средний класс, ориентированные на производство материальных благ. Вместе с тем в условиях нового экономического климата возник новый социальный класс, ориентированный на производство менее осязаемого товара — такого как информация, консультации, терапия. Новый класс включает педагогов (от учителей общеобразовательной школы до профессоров университетов), «коммуникаторов» (журналистов, актеров, телевизионных продюсеров, рекламодате-

лей), плановиков (консультантов по менеджменту, организаторов опроса общественного мнения, специалистов по маркетингу) и тех, кто работает в так называемых «вспомогательных профессиях» (психологов, социальных работников, чиновников и — что примечательно — духовенство). Важная роль информации в современной экономике означает, что новый класс имеет высокий социальный статус и широкую сферу влияния.

В политическом отношении бизнесмены и средний класс, как правило, склонны к консерватизму, тогда как рабочие и бедняки поддерживают либеральных кандидатов. Новый класс, несмотря на свое благополучие и положение, стремится быть либеральным как в политическом, так и в социальном плане. Есть, конечно, исключения, но в общем новый класс высоко ценит перемены ради перемен, социальную инженерию и нравственную вседозволенность.

Такие взгляды и такое отношение стали «признаками класса», неким удостоверением, определяющим принадлежность или непринадлежность к этой новой элите. Социолог Питер Бергер отмечает:

«Символы классовой культуры чрезвычайно важны. Они позволяют людям “почувать”, кто свой, а кто чужой; они обеспечивают легко применимый критерий “благоразумия”. Так, молодому преподавателю, подающему заявление о приеме на работу в элитный университет, дается совет скрыть свои «неблагоразумные» взгляды, такие как политическая лояльность по отношению к правому крылу республиканцев (а, возможно даже к левому), несогласие с абортами и с другими пунктами феминистического движения, приверженность общественным ценностям».

Если молодому преподавателю удастся получить работу, скрыв свои консервативные убеждения, то позже на него будет оказано огромное социальное давление, чтобы он отказался от них. Эти убеждения могут резко поменяться после идеологической обработки в университетских кулуарах. Замечено, что консервативные политики становятся все более и более либеральными, вращаясь в социальных кругах Вашингтона, анклавов нового класса. В постмодернистической обстановке политические и нравственные убеждения свидетельствуют не о твердой вере, а о солидарности с группой.

Хансфрид Кельнер описывает увлечение нового класса «конструированием стиля жизни». Само понятие «стиля жизни», мысль о том, что жизнь может выражаться в самых разнообразных «стилях», — чистый Постмодернизм. Кельнер отмечает, что эти новые профессии претендуют на компетентность в тех областях, в которых раньше «экспертов» не требовалось вовсе. При этом они пытаются применить технократическое мировоззрение к областям, лежащим за пределами рационального. «Как можно достичь душевного здоровья, — спрашивает Кельнер, — и кто может определить, что оно *достигнуто*? Как можно сделать “правильный выбор” в отношении работы? Как можно добиться большей “социальной справедливости” или более высокого “качества жизни”?» Однако именно эти размытые и зыбкие категории составляют основу деятельности нового класса.

Далее Кельнер отмечает, что традиционные профессиональные сферы — медицина, право, инженерия — предполагают наличие основательных специальных познаний и умение применять жесткие законы логики. Врач, диагностирующий и лечащий болезнь, или инженер, проектирующий мосты, «обязаны опираться на рациональное понимание мира и применять рациональные способы решения задач». То есть они в качестве предпосылки принимают объективный порядок бытия. Разные доктора, опирающиеся на объективную науку и стандартную методологию, исследуя одного и того же пациента, вероятнее всего, поставят один диагноз и назначат один курс лечения. Они — воплощение Модернизма.

Новые профессии, в свою очередь, не имеют общепризнанной совокупности знаний или общепринятых методов, хотя и прибегают к научному жаргону и научной статистике. «Большая часть представителей новых профессий освоили общественные и гуманитарные науки, которые, в отличие от естественных наук, не имеют единой и прочной совокупности знаний. Соперничающие и противоречивые теории, методы и подходы существуют бок о бок». Например, если вам необходима помощь психиатра, вас может лечить фрейдист, последователь Юнга, гуманист или бихевиорист. Лечение может включать ваш рассказ о детстве, запись снов, исследование ощущений или тренировку поведения. Философские системы, на которых основаны эти подходы, несовместимы — не могут быть

одновременно правы Фрейд и бихевиористы — и эти методы не поддаются проверке.

Кельнер показывает, как новый класс и класс предпринимателей объединились, чтобы создать так называемый «новый капитализм». Некогда скучные и консервативные руководители фирм, озабоченные производством и крупными финансовыми операциями, сегодня читают популярные брошюры по психологии, совершенствуют свой «стиль управления», нанимают дорогих консультантов, чтобы те проводили семинары о хорошем самочувствии работников, и перекраивают свои компании в соответствии с последними социологическими исследованиями и постмодернистическими «парадигмами».

Средства массовой информации, находящиеся в руках «коммуникаторов», рассматривают ценности нового класса как нечто само собой разумеющееся. Поскольку педагоги преподают как в школах, так и в университетах, то практически каждый учащийся и студент подчиняется их принципам. Ценности социологов и их лозунги вышли за пределы нового класса, охватив все общество. Терапевт, консультирующий гомосексуалиста, никогда не назовет его «стиль жизни» нравственно неприемлемым. Напротив, он постарается внушить ему хорошие чувства в отношении себя, убедит принять свой «выбор стиля жизни» и поможет ему войти в соответствующую группу. В наши дни такой подход (всестерпимости и антиосуждения) действует во всей культуре.

Судьба науки

Даже традиционные модернистические профессии меняются, чтобы соответствовать постмодернистическим парадигмам. Естественные науки остаются фундаментом Модернизма. В современном научном мире, однако, новая физика с ее непонятными субатомными частицами и невообразимыми черными дырами осложняет старые материалистические допущения об упорядоченных, механистических законах природы. Математика, это воплощение рационализма, сегодня занимается «теорией хаоса», изучением случайностей и беспорядка. Историк науки Томас Кун наводит на мысль, что наука — это не столько непрерывное движение к более великой истине,

сколько последовательность *парадигм*, придуманных человеком искусственных моделей систематизации данных, которые должны постоянно пересматриваться по мере появления свежих данных.

Эта новая наука, вопреки предположениям некоторых, никоим образом не опровергает существование порядка во вселенной. Обнаружение математического порядка даже в хаосе говорит как раз об обратном. Тайны новой физики раскрываются с помощью строго научных методов. Христианам не стоит бояться новых наук; напротив, мы должны быть благодарны им за то, что они разрушили механистическую, застывшую модель Вселенной, предложенную просвещенческим материализмом, и возродили чувство трепета перед непостижимой тайной Божия творения. Понимание Куном научных парадигм чрезвычайно полезно для креационистов, которые могут показать, что теория эволюции является не научной истиной, а концептуальной, обусловленной культурой моделью, не способной объяснить все факты и претендовать на вечность.

Воздействие новых наук на культуру в целом означает существенное отклонение от модернистической идеи о том, что наука может предложить исчерпывающие объяснения и точные решения. Антирационализм и забота об окружающей среде, свойственные современной культуре, способствовали широкому распространению недоверия к науке: хорошо ли, плохо ли, наука уже не обеспечивает абсолютную истину.

Когда меняется наука, меняется и ее практическое применение. Взять, к примеру, медицину. Современная медицина включает в себя индивидуальные встречи высококвалифицированных специалистов с пациентом, симптомы которого изучаются с помощью научных методов и которого лечат с помощью новых медицинских технологий. Несмотря на то, что модернистическая медицина радикально повлияла на качество и продолжительность нашей жизни, сегодня модно в постмодернистическом духе подвергать сомнению «авторитет» врача. Пациенты становятся «потребителями», которым необходим выбор разнообразных терапий. Они подозрительно относятся к технологии, несмотря на то, что она спасла несчетное количество жизней. Люди питают отвращение к лекарствам и системам жизнеобеспечения. Хотя даже простейшие хирургические операции не обходятся без таких систем, и хотя огромное количество людей за свою жизнь и свое здоровье должны быть благодарны техноло-

гии, многие заявляют, что скорее умрут, чем «доверятся какой-то машине».

Ненавидя науку, сегодняшние пациенты полагаются на «альтернативную медицину», на естественные продукты и фитотерапию, акупунктуру Дао и индуистскую медитацию, несмотря на то, что все это скорее связано с домодернистическим язычеством, чем с модернистической наукой. Медицина и психология сливаются в так называемые «холистические» терапии; некоторые из них учат, что плоть влияет на разум, и для решения духовных проблем используют лекарства и специальные упражнения. Другие считают, что разум влияет на плоть, и назначают медитацию, клинический мониторинг (непрерывное слежение за состоянием пациента с помощью электронных средств — *прим. ред.*) и релаксационные методы.

Тем временем медицинская индустрия, как и другие сферы бизнеса, перестраивается в соответствии с постмодернистическим образцом. Личные взаимоотношения больного с врачом сегодня заменяет деятельность организаций по защите здоровья, где *группы* врачей проводят встречи с *группами* пациентов. Даже многие современные психологи отвергают модернистический индивидуальный подход к пациенту в пользу *групповой* терапии.

Образование

Постмодернистическое деление на группы проявляется также и в сфере образования. Студенты занимаются по программам «совместного обучения». Вместо того чтобы самостоятельно осваивать материал и выполнять домашние задания, студенты работают в группах, сотрудничая друг с другом ради общей оценки. Естественно, что само выставление оценок становится для постмодернистов проблемой. Оценка указывает на то, что какая-то работа лучше других, и что одни студенты успешнее других. Но это — «осуждение», не говоря уж о том, что такой подход иерархичен и безотносителен. Выставление оценок предполагает наличие объективных стандартов и абсолютных ценностей. Но поскольку постмодернистами все это осуждается, они избегают выставления оценок, вводя «обучение, ориентированное на результат».

Лейт Андерсон описывает другие направления в теории и практике образования:

«Старый подход был больше теоретическим, ориентированным на время и место, дедуктивным, последовательным, ориентированным на процесс и на долгую перспективу, а также стандартизированным (все должны были учиться по единому учебному плану)».

Такой единый рационалистический подход характерен для Модернизма. Классическое образование больше было ориентировано на содержание, чем на процесс, но и оно, основываясь на языке, было открыто для абстрактных идей и последовательного мышления.

Модернистическое образование сегодня отвергнуто как «старый подход».

«Новый подход отличается большей практичностью, экспериментальностью, индуктивностью; он ориентирован на отношения между обучаемыми и обучающими. Это обучение кратковременно (экскурсии, семинары), интерактивно, практично, ориентировано на результат, целенаправленно, приспособлено к нуждам потребителя (предлагаются варианты на выбор)».

Эти черты постмодернистического образования не всегда негативны, как и черты модернистического образования не всегда позитивны, но вместе с тем они отражают постмодернистическое мировоззрение. В отсутствие абсолютных ценностей постмодернистическое образование концентрируется на осязаемом и эмпирическом. Вместо того чтобы обучать студентов с помощью *языковых средств* — с помощью книг и умственных упражнений, таких как чтение и письмо, — новая учебная программа полагается на *образы* — экраны компьютеров и телевизоров — и на создание сложных, но увлекательных переживаний, таких как интерактивные игры или экскурсии. Высокий приоритет относительного и «приспособленного» [к требованиям заказчика] образования иллюстрирует постмодернистическое пристрастие к многообразию и групповой идентичности.

Социальная политика

Подобно тому, как социальные инженеры завладели образованием, постмодернистическая идеология создает новые стратегии управления государством и покушается на социальную реформу. Марвин Оласки описывает, насколько изменилась программа помощи бедным. В классической модели улучшения жизненных условий неимущих и помощи бедным первая роль была отведена Церкви. Тех, кому помогали, и тех, кто оказывал помощь, связывали личные взаимоотношения. Целью благотворительности было вырвать людей из экономической нищеты, заботясь не только о материальном, но и о духовном их благополучии. Нравственное преобразование и воспитание характера — посредством работы, ответственности и духовного перерождения — помогали людям избежать бедности.

В модернистической модели улучшения благосостояния существенную роль играло государство. Был разработан рациональный план, обеспечивающий временную помощь и работу всем обездоленным. Подобно классической модели, модернистическая модель была ориентирована только на тех, кто действительно нуждался. Получение помощи было чем-то унижительным. Как сама система, так и получатели были нацелены на то, чтобы люди по возможности быстрее перестали получать помощь и влились в основной экономический поток. Так же как модернистическое искусство и архитектура, модернистическая программа повышения благосостояния была рациональной, действенной и минималистической.

Постмодернистическая модель повышения благосостояния берет свое начало в «великом обществе» 1960-х годов двадцатого столетия. Ее девиз — *право на помощь*. Люди стали рассматривать получение помощи как свое *право*. Они не видели больше в бедных людях индивидуумов, которым нужно помочь обрести лучшую долю, а воспринимали их как ущемленную *группу*, созданную обществом. Поэтому они не связаны никакой личной ответственностью. Были созданы группы по «защите прав на улучшение жилищных условий», которыми руководили не бедняки, а состоятельные активисты нового класса. Число программ по защите материальных прав

все увеличивалось. Статус материального иждивенца перестал кого-то пугать.

Вместо того чтобы покончить с бедностью, постмодернистическая модель благотворительности еще больше укоренила ее. Бедные обрели новый статус социальной субкультуры, группы, нуждающейся в защите. Социальная активность резко упала. Трудовая этика обесценилась. Экономический стимул вступать в брак исчез. Традиционные ценности были разрушены. Наркотики и насилие в городах, затронувшие средний класс, вызвали еще большую безработицу и превратили бедные районы в военные зоны. Постмодернистический подход к благотворительности, обеспечивающий субсидирование, а значит, увековечивающий бедность, унизил и поработил тех, кому намеревался помочь, — и всё во имя многообразия, групповой идентичности, культурного детерминизма и релятивистских ценностей.

Сегодня групповой менталитет «борцов за права» распространился далеко за пределы системы благосостояния. Средний класс тоже требует своего участия в «программах помощи». Пенсионеры, учащиеся, фермеры, мелкие предприниматели, охранные организации, художники, студенты колледжей, любители искусства и городские жители — все, кто может позволить себе закулисного агитатора, требуют федеральных средств на основании своей групповой идентичности. Федеральное правительство сегодня платит деньги, чтобы студенты среднего класса могли получить образование. Служба социального обеспечения финансирует все без исключения пенсии. И, наконец, нас уверяют, что все американцы имеют право на государственное медицинское обслуживание.

Растущая зависимость общества от государства, как показывает вся предшествующая история благотворительности, может оказаться столь же катастрофичной для нашего национального характера.

Мировое пространство

Многие из наших социальных проблем могут быть как причиной, так и следствием Постмодернизма. В то же самое время наша нация погрязает в проблемы «мирового сообщества».

Самолеты позволили быстро и легко ежедневно преодолевать огромные расстояния. Телефоны, факсы и компьютерные сети обеспечили мгновенную связь. Спутники позволяют всему земному шару смотреть одни и те же телепрограммы. Свободная торговля создала прецедент для «мировой экономики». Автомобиль может разрабатываться в Японии и собираться в Соединенных Штатах, его детали могут производиться в Мексике, а готовый продукт продаваться на рынках Саудовской Аравии. Рабочая сила и капитал, импорт и экспорт пересекают границы, будто их вообще не существует.

С одной стороны, мир, несомненно, сблизился. Рыночная экономика одержала победу над социализмом. Окончательное поражение коммунизма оправдало американские идеалы, и весь мир по большей части признает это. Когда дети в Болгарии, Нигерии и Сингапуре носят голубые джинсы и *Air Jordans*, слушают рок-н-ролл и завтракают гамбургерами *McDonald's*, они приобщаются к американской культуре, наслаждаясь ее идеалами свободы и индивидуальности. Разумеется, современная американская культура далека от совершенства, и для других стран было бы трагедией подменить свою самобытность американской поп-культурой. И все же никто не может сегодня отрицать, что мир становится все больше похож на Америку.

Глобальными становятся не только капитализм и демократия, но и христианство — не столько на постхристианском Западе, сколько в странах третьего мира. Наверное, стоит надеяться на то, что постмодернистический мир сможет насладиться веком свободы, изобилия и духовного возрождения. Эти мечты не так уж несбыточны.

С другой стороны, мир трещит по швам. Этническая вражда, воинствующий национализм и гражданские войны, которые подчинены так называемому «новому мировому порядку», проистекают из постмодернистического трайбализма. Постмодернистическая одержимость групповым самосознанием и культурным детерминизмом носит глобальный характер. Не только американское общество, но и весь мир раскололся на враждебные группировки.

Если каждый из нас настолько привязан к своей культурной среде, если не существует универсальных ценностей, делающих нас частью всего человечества, если нет абсолютных моральных ценно-

стей, регулирующих наши отношения с другими людьми, то единственное, что нам остается, — замкнуться в своих группах. Тогда вполне разумно «очистить» территорию от всех «посторонних» групп, которые настолько выделяются своей собственной культурой, что действительно являются чужими для нас. Становится все труднее считать их индивидуумами. Легче всего просто убить их.

Ярчайший пример перехода от Модернизма к Постмодернизму — как в положительном, так и в отрицательном смысле — представляет собой Западная Европа. Марксизм с присущим ему поклонением науке, с его ненавистью к религии, со стремлением объединить человечество и решить все его проблемы путем «рационального» планирования, был чистым Модернизмом. На практике марксизм оказался необычайно порочен, жесток и бесчеловечен. Парадоксально, что система, которая все человеческие вопросы свела к экономике, потерпела крах именно в экономической сфере. Советский Союз действительно объединил бескрайние просторы Восточной Европы и северной Азии, включив в коммунистическую империю сотни самых разных культур. Так подавлялись традиции коренных жителей и их религии и навязывалась, не без помощи спецслужб, марксистско-ленинская идеология.

С распадом коммунистической империи Модернизм был окончательно сломлен, и началась эра постмодерна. Гонения на христиан прекратились, и тысячи людей обратились ко Христу. Оккупированные территории, такие как Прибалтика, получили независимость. Свобода стала реальностью.

Печально, что России и другим бывшим республикам и сателлитам Советского Союза тут же пришлось столкнуться с темной стороной эпохи постмодерна — альтернативой Постмодернизма. Утратив «объединяющую» идеологию и власть коммунистического государства, Советский Союз раскололся. Само по себе это неплохо, так как народы заслужили свою независимость. Однако внутри самих независимых народов продолжался раскол: они распались на еще более мелкие этнические группы, враждебно настроенные друг к другу. Армения и Азербайджан устроили резню между собой, Грузия отделилась от России, а затем в ней вспыхнула гражданская война. В Восточной Европе чехи и словаки раскололи государство на две части. Народы, входившие в состав Югославии — сербы, хорваты и боснийцы, — потрясли мир неслыханным геноцидом.

Как будто этого было недостаточно, страны, сбросившие ярмо коммунизма, соприкоснулись с другими искушениями Постмодернизма. Мировая компьютерная сеть открыла их взору соблазнительные образы западных потребительских ценностей. Поп-культура манила их своим рок-н-роллом и голливудскими идеалами. Достижения мировой экономики были выставлены для широкого обозрения, однако тяжелое наследие социализма, уничтожившего частную собственность, свободно конвертируемую валюту и рабочую этику, мешало им влиться в мировую экономику. Поскольку христианское наследие этих народов было практически уничтожено, многие придерживались постмодернистического заявления о том, что абсолютных ценностей не существует. Новая свобода прессы привела к расцвету порнографии. Ликвидация полицейского государства привела к разгулу преступности. Вместо того чтобы возрождать культуру, многие ринулись на заработки, приняв материализм; соблазняясь потребительским благополучием, некоторые обращались к проституции как к легкому способу заработать твердую валюту.

Какая сторона эпохи постмодерна возобладает в бывшем Советском Союзе? Возможность возрождения ценностей, разрушенных Модернизмом, или анархия нравственного релятивизма? Какая сторона постмодерна возобладает в Соединенных Штатах? Запад и Восток, сколь бы разными они ни были, в сущности, стоят перед одним и тем же вопросом.

Между тем, хотя период «холодной войны» закончился, мир — далеко не безопасное место. Модернистические войны были отмечены глобальной конфронтацией сверхдержав и их союзников. На полях сражений встречались многочисленные военные силы, оснащенные мощным современным оружием массового уничтожения. Такая война вряд ли возможна в сегодняшнем мире, когда Америка, по сути дела, остается единственной сверхдержавой в мире. Однако в постмодернистическом понимании война — это терроризм.

Террористическая организация фактически является как моделью Постмодернизма, так и его угрозой. Это группа, своей собственной идентичностью отгораживающая себя от остального общества. Она не признает никаких ценностей, выходящих за пределы ее собственных. Подогреваемая чувством жертвы, самоправедности и групповой солидарности, террористическая ячейка не испытывает

угрызений совести по поводу взорванных ею зданий или застреленных невинных прохожих.

Этих прохожих принимают не за отдельных людей, а за членов группы — за американцев, боснийцев или евреев. На них лежит общая вина. Групповая ответственность, групповое оскорбление, групповая вина — все это составляет образ мышления постмодернистов и террористов. Вспоминая слова Бенджамина Барбера, террористы видят «войну не как инструмент политики, а как эмблему идентичности, выражение группового самосознания, самоцель».

Постмодернизм проявляет себя в повседневной жизни, от галета до детского образования, от работы до нашего времяпрепровождения. Однако наиболее коварным образом он влияет на нашу духовную жизнь.

Часть четвертая. Постмодернистическая религия

XI. Духовность без истины

Начиная с эпохи Просвещения и на протяжении всего периода Модерна ученые ожидали постепенного отмирания религии. Однако этого не произошло. Считалось, что «современный человек» не способен верить в сверхъестественное.

Двадцатый век начался с теологических баталий между так называемыми модернистами и фундаменталистами. Все началось со «Scopes Trial» в 1925 г., когда средства массовой информации представили фундаменталистов в карикатурном свете, а интеллектуальная элита высмеяла их. Модернисты захватили конфессиональные структуры большинства основных церквей, включая семинарии, и одержали победу. С тех пор модернистические теологи занимаются «демифологизацией» Библии, стремясь сделать христианство приемлемым для мышления двадцатого века. Они полагают, что «современный человек» настолько ориентирован на научную систему и триумф секуляризма, что он просто не может верить ни в чудеса, ни в божественное откровение, ни в невидимого Бога.

Семинарии начали изучать Библию не как авторитетное Слово Божие, а как любой другой древний документ, применяя историко-критические методы «современного научного познания». Такой подход предполагал, что чудеса, описываемые в Библии, не происходили, и потому они должны быть объяснены без ссылки на сверхъестественное. Вместо того чтобы рассматривать Библию как авторитетный источник, они считали, что к библейским утверждениям надо подходить «критически», как к отражению культуры и мировоззрения древних людей. Согласно модернистическому подходу, сказанное в Библии, возможно, не является истиной. Богословские либералы скорее полагались на сомнительную истину о

Писании, которую открывают библейские критики, облаченные в непогрешимые мантии современного научного рационализма.

Либералы создавали свою теологию так, чтобы приспособить ее к модернистической мысли и культуре, отвращая Церковь от ее забот о духовном спасении и направляя к насущным проблемам общества. Традиционная забота Церкви о благотворительности переросла в политическую активность, посредством которой модернисты намеревались достичь изначально запланированной утопии. Традиционная забота Церкви о духовности была заменена психологией; при этом применялись те же самые методы и допущения, которыми пользовались светские «общественные ученые». Церкви стали организовывать групповые встречи, пасторы — консультировать своих прихожан, желающих достичь «самореализации».

Сегодня политический утопизм и психологическая наивность либеральной теологии, хотя они все еще преобладают в большинстве духовных семинарий, кажутся крайне старомодными. Так как либеральные церкви кажутся непривлекательными современному человеку, число их членов стремительно падает. Ведь если либералы правы, то Церковь нам вообще не нужна. Если Библия — миф и мы действительно не нуждаемся в спасении, как всерьез проповедуют об этом либералы, то почему бы нам не выспаться воскресным утром? Парадоксально, но консервативные и фундаменталистские церкви начали расти, восполняя истинные духовные нужды людей, которые отвергали модернистические церкви.

В действительности, «современного человека», на которого ссылались модернисты, просто не существовало. Эта новая категория людей — столь приверженных науке и рациональных — была всего лишь проекцией модернистической философии, мифом, навязанным крошечной группкой интеллектуалов, которая пыталась приписать свою наукообразность и рационалистичность всей человеческой расе. Обыкновенные люди, как всегда, знали о своей ограниченности и испытывали чувство вины, и многие из них обретали веру в Слово Божие. Либеральные богословы растеряли свое христианское наследие в бесплодном стремлении угодить модернистическим интеллектуалам. Со временем и сам Модернизм с его чрезмерной самоуверенностью и явными промахами оказался предметом насмешек. Падение Модернизма увлекло за собой и либеральное богословие, за что мы можем быть вечно ему благодарны.

Эпоха постмодерна может быть многообещающей для христиан, верующих в Библию, но вместе с тем она таит в себе новые опасности. Модернистическая ересь утратила свое влияние, но на ее место приходит постмодернистическая ересь. Потерпевший неудачу рационализм уступил дорогу иррационализму — оба враждебны по отношению к Божиим откровениям, но проявляется это по-разному. Модернисты не верили в истинность Библии; постмодернисты же вообще исключают понятие истины. Этим они распахнули ящик Пандоры, откуда хлынули религии нового века, синкретизм и нравственный хаос.

Фундаменталистическим церквям не составляло труда выделить себя на фоне Модернизма, так как линия фронта была очерчена четко. Сегодня вопросы имеют более сложный и коварный характер. Трагично то, что постмодернистическое мышление занимает прочное положение *в евангелических церквях*.

Истина или желание

Итак, Постмодернизм отрицает объективную истину и утверждает, что нравственные ценности относительны, что реальность — это социальный продукт, конструируемый множеством разнообразных общин. Такие убеждения ни в коем случае не исключают религию, что пытался делать Модернизм, однако предлагаемые религии и богословие сильно отличаются и от библейской ортодоксии, и от Модернизма.

Раньше — как в домодернистическую, так и в модернистическую эпоху, — религия заключала в себе веру в то, что является реальным. Бог либо есть, либо Его нет. Иисус является либо воплощенным Сыном Божиим, либо просто человеком. Чудеса либо есть, либо их нет. Одни христиане яростно спорили с другими по ряду вопросов. Существует ли Чистилище? Молится ли за нас Мария на Небесах? Предопределены ли некоторые к вечному проклятию? Но все это были разногласия по вопросам, касающимся реальных фактов. Сегодня религия уже не рассматривается как совокупность убеждений, касающихся того, что реально, а что нет; скорее ее следует рассматривать как выбор. Мы верим в то, что нам нравится. Мы верим в то, во что хотим верить.

Там, где нет абсолютных истин, разум уступает место воле. Эстетический критерий заменяется рациональным. Прислушайтесь, как современные люди рассуждают о религии: «Эта церковь мне действительно очень нравится». Вряд ли это означает согласие с нею и веру в ее учение. В таком же ключе обсуждаются принципы веры: «Мне очень нравится отрывок из Библии, где говорится, что Бог есть любовь». Что ж, достаточно честно, аминь. В христианстве многое может нравиться: Божия любовь к нам, искупительная жертва Христа, Его благодать и помощь.

Однако теперь выслушаем, что человеку *не* нравится. «Мне не нравится мысль об аде». В общем-то правильно, кому может понравиться ад? Однако наша естественная неприязнь к этому ужасающему учению никак к делу не относится. Вопрос состоит не в том, нравится ли это нам, а в том, существует ли такое место. Реальность редко берет в расчет наши личные предпочтения, даже в самых банальных повседневных вопросах. Может ли существовать ад — место наказания и вечных мучений, — исключительно важный вопрос.

Чтобы разобраться, существует ли столь отвратительное место в загробном мире, и можно ли его избежать, христиане должны обратиться к источнику всех знаний о духовной реальности — Словоу Божию. При этом христианам не следует ожидать, что почерпнутая информация обязательно «понравится» им. В действительности христианам надо остерегаться приятных богословских тем, лишенных острых вопросов и не предъявляющих требований. Такая вера есть не что иное, как грезы и соблазнительные фантазии.

Сегодня даже консервативные и евангелические проповедники редко упоминают об аде. Конечно, «плодам не нравится об этом слышать», и мы не хотим запугивать их. Но людям никогда не нравилось слышать об аде. Разница состоит в том, что сегодня, как никогда в истории, многие *не желают* верить (как если бы вера была волевой функцией) в то, что им *не нравится* (как если бы эстетическими соображениями могли определяться фактические обстоятельства).

Этот совершенно иной способ восприятия религии — важно не то, что истинно, а то, что нравится, — объясняет, почему культы привлекают так много умных, образованных людей. Сайентологическая церковь, например, учит, что миллионы лет назад в космосе

появились инопланетяне и одержали победу в межгалактической войне. Эти пришельцы каким-то образом повлияли на нас в нашей предыдущей жизни. Мы можем решить свои проблемы, подключившись к компьютеру и получив консультацию сайентолога (за внушительную сумму), который удалит все негативные «энграммы», накопленные в нашей прошлой жизни. Так мы становимся «чистыми» духовными существами.

Как люди, которые считают себя слишком тонкими и мудрыми, чтобы верить в Евангелие от Иоанна, могут верить в такое? Поразительно, что сайентология привлекает, как правило, богатых руководителей предприятий, знаменитых кинозвезд и образованных молодых профессионалов. Со всей своей научной риторикой сайентология даже не пытается дать реальные свидетельства существования пришельцев и предыдущей жизни. Сайентологи могут отвергать возможность Божия откровения, но с удовольствием принимают откровение основателя сайентологии Л.Рона Хаббарда.

Постмодернистические религии не требуют доказательств или достоверности. Поначалу Хаббард был довольно успешным автором научно-фантастических романов. Многие люди испытывают огромное удовольствие, читая о пришельцах и звездных войнах, что является излюбленной темой жанра научной фантастики. А разве не лучше, чтобы все это было реальностью? Учения сайентологии зачаровывают, стимулируют воображение и даже развлекают. Почему бы не поверить в них?

Поговорите с членом какого-нибудь культа, и вы увидите, что этот человек описывает и оценивает культовое вероучение в чисто субъективных и ориентированных на приятное терминах: «Магариши действительно *классный*». «Трансцендентальная медитация дает мне высший *кайф*». «Преподобный Мун помогает мне чувствовать себя *хорошо*». Единственными критериями их веры являются удовольствие и желание, чтобы это было истиной.

Христиане могут объяснить популярность культов несколько глубже, сказав, что их последователи попались в ловушку сатаны. Мы должны понять, что сатана заманивает нас в свои сети, обращаясь к нашим *желаниям*. Он искушает нас, обещая именно то, что нам нравится и чего мы хотим. (Существует демонический парадокс: то, что он действительно дает, — это *не* то, что нам нравится, и *не* то, чего мы хотим, а именно ад.) Впадая в искушения (Рим.

13:14), мы не позволяем высшей духовной власти исполнить наши подлинные желания.

Мораль или желание

Для постмодернистов мораль, как и религия, является вопросом желаний. То, что я хочу и выбираю, не только истинно (для меня), но и правильно (для меня). То, что разные люди предпочитают и выбирают разные вещи, подтверждает, что истина и мораль относительны, а «у меня есть право» на свои желания. И наоборот, «ни у кого нет права» критиковать мои желания и мой выбор.

Хотя постмодернисты чаще всего отвергают традиционную мораль, они, тем не менее, могут быть большими моралистами. Свое «право» поступать так, как им хочется, они будут защищать с пуританским запалом. Кроме того, они считают, что никто не имеет права критиковать их за то, что они делают. Таким образом, они требуют не только разрешения, но и одобрения.

Так, главной добродетелью становится терпимость. Согласно постмодернистическому мышлению, принцип культурного многообразия означает, что любая группа единомышленников представляет собой культуру, которую следует рассматривать как столь же хорошую, сколь и все другие. Постмодернистическими грехами являются «осуждающее отношение», «узость взглядов», «претензии на монополию истины» и «стремление навязать свои ценности другим». Те, кто подвергают сомнению постмодернистическую догму о том, «что абсолютных ценностей не существует», не вписываются в каноны терпимости. Единственная неверная мысль — вера в истину; единственный грех — вера в существование греха.

Мораль, построенная на желании, привела к полному хаосу в вопросах половых отношений. Контрацептивы отделили половые отношения от продолжения рода. Вскоре они были отделены от брака. Сегодня стало привычным, что мужчины и женщины живут вместе, не вступая в брак. Женщины, желающие иметь ребенка, заводят его вне брака. Сексуальная революция разрушила семью как таковую. Удовлетворение сексуальных желаний общество рассматривает сегодня как неотъемлемое право человека, которое не должно подвергаться критике.

Теперь сексуальной вседозволенности бросает вызов новая чума — СПИД: иммунная система человека оборачивается против его организма и уничтожает его. СПИД — постмодернистическая болезнь, несущая угрозу не только потому, что она приводит человека к страшному самоуничтожению, но и потому, что она является наследием 1960-х — сексуальной революции, движения за права геев и наркотического одурманивания. В то время как многие вновь обращаются к сексуальной морали, другие пытаются убежать от СПИДа, предпочитая секс не только в отрыве от семьи, но и в отрыве от людей вообще. Порнография, секс по телефону и, наконец, многообещающая технологическая новинка, «виртуальный секс», где человек помещается в некий нателный презерватив и подключается к трехмерной сексуальной фантазии — все это предвестники окончательной дегуманизации сексуальных отношений. Пренебрегая последствиями, люди изо всех сил цепляются за этику желания.

Постмодернистическая мораль характеризуется одним интеллектуальным принципом: принципом коллективной ответственности и коллективной вины. Поскольку ориентированная на группу идеология сводит до минимума роль индивидуальности, она принижает и личную ответственность. Если личность формируется культурой, то последняя и должна нести ответственность за то, чем эта личность занимается. В результате обвинения ложатся на культуру, а не на человека. Моральный статус определяется не совершенными делами, а принадлежностью к группе. Молодой «белый» мужчина должен чувствовать коллективную вину за то, что «белые» на протяжении столетий угнетали «цветных» и подчиняли себе женщин. Может быть, у него никогда не было рабов, он никогда не убивал индейцев и не насиловал женщин, но он должен, тем не менее, чувствовать вину за то, что делали его предки. Чтобы как-то загладить свою вину, он может связать себя с либеральной или радикальной политикой. Тем временем правительство и фирмы создают программы позитивной деятельности: чтобы восстановить «историческую справедливость» и компенсировать нанесенный жертвам угнетения ущерб, долг выплачивается их потомкам, хотя те никак не пострадали от несправедливого отношения.

Несомненно, даже концепция коллективной вины предполагает наличие какого-то объективного нравственного стандарта. Призыв к «справедливости» подразумевает наличие стандарта добра и

зла, системы, согласно которой люди получают по заслугам. К.С. Льюис отмечал, что даже люди, отрицающие существование добра и зла, в повседневных ситуациях реагируют вопреки своим убеждениям, например, когда кто-нибудь в автобусе занимает их место или поступает с ними несправедливо.

Честные постмодернисты сами признают эту дилемму — необходимость отстаивать «справедливость» при полном отрицании существования абсолютных нравственных стандартов. Стивен Коннор предостерегает от «пренебрежения тем результатом, который производит постмодернистическое отрицание универсальных ценностей и нравственных принципов. Бесплезно надеяться, что все эти ценности и мораль будут существовать вечно, и что в среде добрых постмодернистов будет существовать автоматическое согласие по поводу того, что хорошо, а что плохо».

Он обращает внимание на постмодернистические противоречия, вызванные отрицанием всяких моральных стандартов на Западе и защитой их в странах третьего мира. Эта непоследовательность, по его словам, подтверждает «культурный релятивизм в отношении целого ряда ценностей и неспособна меряться силами с априорным отрицанием возможности всеобщих ценностей».

«На самом деле, при ближайшем рассмотрении становится ясно, что постмодернистическая критика несправедливых и угнетающих универсальных систем косвенно зависит от философских посылок всеобщего права всех на справедливое, уважительное отношение».

Коннор не решает эту дилемму; он заканчивает свою книгу о Постмодернизме призывом создать «новые, более широкие формы этического коллективизма», некое «творение общей структуры согласия». Однако это означало бы отказ от основных допущений Постмодернизма.

Единственный последовательный взгляд постмодернистов состоит в том, что любые рассуждения о морали, *включая их собственные*, есть не что иное, как маски для прикрытия политических амбиций. Призывы к справедливости и свободе от угнетения могут быть лишь риторическими приемами. Группы, лишённые власти, должны захватить ее любой ценой и направить против своих угнета-

телей. Неважно, что последние также окажутся угнетаемыми, «таким и надо». Грубое применение силы, не обузданное никакими моральными рамками, — это формула терроризма и, как следствие, тоталитаризма.

Как на политическом, так и на личностном уровне этика желания, в сущности, сводится к *желанию (я выбираю) власти (я делаю, что хочу)*. В политике этика желания означает безжалостную борьбу за власть между конкурирующими группировками. В Соединенных Штатах это выражается в желании феминисток добиться тюремного заключения для участников демонстраций против абортов, в попытках активистов движений геев помешать ходу церковных богослужений и в открытом терроризме. В бывшем Советском Союзе это проявляется в гражданских войнах и этнических чистках. На личном уровне этика желания означает эгоизм, половую распущенность и нравственный беспредел. «У меня должна быть власть, чтобы делать все, что я хочу, а у вас нет власти на то, чтобы останавливать меня».

Без нравственного стандарта общество распадается на множество враждующих кланов и отдельных развращенных индивидуумов. В результате мы видим ту же жестокость, те же извращения и ту же анархию, что описаны в Книге Судей. Она ставит однозначный диагноз древней Палестине, потерпевшей нравственное крушение, а также дает точное определение постмодернистической этической теории: «Каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Суд. 21:25).

Новые религии

Если Модернизм стремился освободить мир от религии, то Постмодернизм создает множество новых религий. Не ограниченные рамками объективности, традиции, разума и морали, эти новые системы верований радикальным образом отличаются от христианства. Они тяготеют к самому древнему и примитивному язычеству.

Даже деконструктивисты говорят на мистическом языке. Иногда их сравнивают со средневековыми представителями «негативного богословия», которые отказывались говорить, что Бог есть, утверждая, что могут только сказать, что Бога *нет*. Еще

точнее — они похожи на дзэн-буддистских монахов, отрицающих рациональность как таковую и уничтожающих всякие границы, чтобы достичь блаженной нирваны, состояния космического небытия. Разрушая форму, деконструктивисты уничтожают любое позитивное утверждение, любой рациональный аргумент и любую претензию на истинность, чтобы, по их собственным словам, сделать доступным то, что кроется за возможностями представления. То, что находится за пределами абсолютной истины, будет выше нашего воображения, поскольку мы все еще зависим от рациональных категорий. Несовершенство языка будет преодолено, а отчужденность отдельного индивидуума, видимо, будет исцелена мистической гармонией природы, психологии и культуры. (Постмодернисты наивно надеются на лучшее, пренебрегая учением о первородном грехе, которое свидетельствует о том, что уничтожение всего в мире является целью зла.)

Постмодернизм в своем отрицании объективной истины, безусловно, сравним с индуизмом и буддизмом, которые учат, что внешний мир — лишь иллюзия, рожденная человеческим разумом. Кроме того, восточные религии создают основу для многих других форм духовности. Как подчеркивает постмодернист Уолтер Труэтт Андерсон: «Отказ Постмодернизма от былых устоев увлек большое число людей новым, еще более радикальным, чем конструктивизм, мировоззрением. Сегодня все более слышны голоса, утверждающие, что во внешнем мире существует только то, что мы туда *выносим*. Точнее — то, что я туда выношу — этот маленький “я”, беспричинно радостно создающий свою собственную вселенную. Раньше мы называли это солипсизмом; теперь мы называем это духовностью *New Age*».

Религии *New Age*, несмотря на все их языческие изощрения, объединяет одна общая идея: человек сам божественен; *ты* — Бог, творец своей собственной вселенной. Ветхая, как ложь сатаны в Едемском саду (Быт. 3:5), эта идея находит свое место в книгах под рубрикой «Помоги себе сам», в мотивационных трактатах и в популярной психологии («Вы сами создаете свою реальность»).

В движении *New Age*, так же как в Постмодернизме, существует сбивающее с толку разнообразие, и все-таки некоторые темы у них общие. Гуру *New Age* могут быть «духовными проводниками» древнеегипетских воинов или запредельных форм жизни. Они могут

учить о целительной силе кристаллов или насаждать фитотерапию. Они могут провести псевдонаучное исследование экстрасенсорного восприятия или облачиться в соответствующие мантии и предаться тибетской медитации. Они могут пользоваться книгой древних китайских предсказаний или заниматься колдовством. Какими бы ни были эти различия, все они подтверждают догму о том, что человек сам есть бог, что объективный мир — это иллюзия, и что истина относительна.

Религии *New Age*, разумеется, это не просто возрождение древних языческих верований. За всеобщим увлечением гороскопами, экстрасенсорикой и спиритизмом кроются старомодная магия, волшебство и одержимость злыми духами. С упадком христианства постепенно возвращаются примитивные языческие религии с их суевериями и варварством. Естественно, они приспособляются к современным представлениям. Феминистки, выступая против «патриархальных» религий, таких как христианство, пытаются возродить культ поклонения богиням. Защитники окружающей среды подчеркивают, что вся планета представляет собой единую экосистему. Мы все — как бы клетки огромного организма, живого существа, которому издревле поклонялись как Матери-Земле, богине Гее.

Языческие культы, по крайней мере в своем современном воплощении, потворствуют моральной распушенности. Компьютерные пираты и киберпанки культивируют так называемое «техно-эротическое язычество», используя свои модемы для того, чтобы проникнуть в электронную среду «кибернетического пространства». Здесь с помощью связанных между собой компьютерных экранов они устанавливают своего рода глобальную общность, которая позволяет им как вести кажущиеся теологические разговоры, так и подключаться к порнографической электронной почте. Новые религии зачастую тесно связаны с нравственным бунтом. Возрождение культа поклонения богиням может быть связано как с феминизмом, так и с гомосексуализмом, поскольку ученые доказали, что в древнем мире гомосексуализм был связан с поклонением богиням. Многие древние культы, кроме того, практиковали детоубийство. Независимо от того, являются аборт формы поклонения Молоху или нет, само их признание может сигнализировать о возможном переходе от трансцендентного, этического мировоззрения к темному, варварскому этическому сознанию.

Еще одна крупная новая религия является, пожалуй, не столько извращенной формой древнего язычества, сколько синкретическим гибридом. В постмодернистическом, крайне потребительском обществе, где истина относительна, людям свойственно выбирать различные аспекты того или иного учения, что называется, «по вкусу». Джордж Барна предсказывает, что «оставленные на произвол судьбы, люди будут все больше и больше отходить от основных христианских взглядов. Вместо этого они, продолжая поиск истины и смысла, неизменно станут жертвой синкретизма».

«С засилием элементов восточной духовности наиболее привлекательные аспекты христианства (которые скорее станут элементами стиля жизни, а не центральными духовными принципами) будут все больше соединяться с экзотическими и завораживающими атрибутами восточных религий. В результате люди действительно поверят в то, что им удалось усовершенствовать христианство, и даже будут считать себя христианами, несмотря на свою творческую реструктуризацию веры».

Далее Барна отмечает, что «люди, боявшиеся коммунистического переворота, ругали Америку, которой якобы грозит опасность превратиться в безбожную нацию. Но им нечего бояться: мы, в противоположность им, станем нацией, переполненной множеством богов».

Библейские христиане окажутся в таком же положении, в каком находились древние израильтяне и ранняя Церковь — они будут понуждаемы принять веру враждебно настроенных язычников. Им придется столкнуться с теми же искушениями. Многие израильтяне так глубоко увязли в синкретизме, что возвели языческие жертвенники во Храме единого истинного Бога. Члены ранней Церкви также впали в ересь в результате попыток объединить христианство с философией гностиков и мистическим культом манихеев. Искушение последовать практике, ценностям и верованиям языческих соседей всегда было достаточно сильно. И все же Слово Божие ясно говорит:

«Тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть, последуя им, по истреблении их от лица твоего, и не искал богов их, говоря: “как

служили народы сии богам своим, так буду и я делать”»; не делай так Господу, Богу твоему, ибо все, чего гнушается Господь, что ненавидит Он, они делают богам своим: они и сыновей своих и дочерей своих сожигают на огне богам своим. Все, что я заповедую вам, старайтесь исполнить; не прибавляй к тому и не убавляй от того» (Втор. 12:30-32).

Возможности общества

Может ли общество существовать долгое время без морального и религиозного единодушия? Социумы, расколотые на враждующие фракции, лишённые единой системы взглядов, нестабильны по определению. Развалившиеся социумы в конечном счете переходят в другое качество. Сейчас, в постмодернистическое время, мы находимся на стадии разрушения, когда подрываются не только традиционные, но и модернистические ценности. Что будет потом, когда осколки общества соединятся в новый рисунок, покажет время. Однако на сегодня уже существуют признаки новых секулярных религий, провозглашающих новые общественные формы.

Сэр Арнольд Тойнби в своем авторитетном исследовании мировых цивилизаций доказывает, что во всех благополучных социумах существует определенное религиозное единодушие. При потере этого единодушия новые объекты поклонения тут же заполняют духовный вакуум. По мнению Тойнби, если общество теряет трансцендентную веру, оно обращается к трем альтернативам, которые он откровенно называет «идолопоклонством»: национализму, экуменизму или технократии.

Первая возможность выбора — национализм — предполагает, что трансцендентная, универсальная вера уступает место «божественным узким общинам». В этой модели каждая группа считает себя божеством. Каждая конкретная культура или субкультура становится предметом идолопоклонства. Община превращается в источник нравственных ценностей, которые распространяются только на членов этой общины. Посторонние считаются врагами, на которых моральные принципы не распространяются. Тойнби показывает, как это происходило в древних Афинах и Спарте, а также в национализме Возрождения, после падения средневекового религи-

озного согласия, в фашизме Муссолини и национал-социализме Гитлера.

Модель Тойнби явилась своего рода удивительным пророчеством в отношении Постмодернизма и постмодернистического общества. С потерей Восточной Европой марксистского согласия немедленно проявился новый национализм — стали создаваться враждебные друг другу «обожествленные общины». Утрата демократического согласия в Соединенных Штатах привела к политике расизма, возникновению воинствующих группировок и враждебных субкультур.

Еще одной альтернативой утраченному трансцендентному религиозному согласию является «обожествленная экуменическая империя». Эта модель боготворит единство, в то же самое время допуская большое разнообразие. Когда Рим утратил свою местную религию предков и превратился в гигантскую империю, он ввел поклонение императору. Империя, в лице ее правителя, стала богом. Рим требовал от каждого, кто находился в его подчинении, совершать воскурения и возносить молитвы Цезарю. Только при этом условии Рим мог терпимо относиться к людям разных религий. Но христиане заявляли о единой истинной вере, отказываясь поклоняться императору, потому римляне исключили их из своего плюралистического общества и предавали смерти. То есть общество держалось за счет обожествления самого себя. Обожествленная Римская империя была «экуменическим» сообществом, поскольку его власть распространялась на весь мир. Религии всегда стремились быть всеобъемлющими. Рим распространял свою веру, подчиняя себе всех подряд, вводя каждого в круг единоверцев с поистине евангелическим (и убийственным) рвением, объединяя весь известный мир.

Древний Рим не был единственным обществом, предпринявшим попытку создать идолопоклонническую экуменическую общину. Подобную модель Тойнби усматривает в древнем Египте, в Шумерском государстве, в Персии и — ближе к нашим временам — в Османской империи, в имперских династиях Китая и даже в огромной Британской империи. Возрождение экуменизма он увидел и в свое время (после Второй мировой войны), когда огромные надежды связывались с Организацией Объединенных Наций и утопическими схемами единого мирового государства.

«Единство», конечно, является модернистической ценностью. Экуменическое идолопоклонство, скорее всего, — черта позднего Модернизма, реакция на недостаток религиозного согласия, который наблюдался в эпоху Просвещения и достиг высшей точки в двадцатом веке. Модернистические богословы сделали первый шаг в развитии процесса, который получил вполне подходящее название — «экуменическое движение». Это была попытка объединить все церкви, уничтожив их отдельные верования. Многие церкви освободились от ортодоксальности в пользу смутных чувств и политики «единого мира», проводимой левыми.

Забота о «единстве» может быть модернистической ценностью, однако она остается предметом выбора и для постмодернистов. Экуменическое движение, которому не удалось объединить все церкви, сегодня трудится над объединением всех мировых религий, что снова означает потерю отдельных верований в пользу новой, чуждой всем веры. Теологи экуменизма принимают постмодернистический принцип относительности, в то же время пытаются выработать более или менее произвольную структуру, которая бы заключала в себе все религии и культуры. Все это может быть предвестником нашего будущего. Определяющей чертой экуменических общин, как показывает Тойнби, бесспорно, является такая ценность, как «терпимость» любой ценой. Впрочем, как и нетерпимость к тем, кто, подобно христианам, смеет возражать.

Несмотря на то, что постмодернисты отдают предпочтение многообразию, сторонники защиты окружающей среды, теологи *New Age*, учителя бизнеса, рок-звезды и другие защитники нового сознания снова говорят о «глобальном объединении». (Мы все зависим от одной экосистемы. Все мы представляем собой клетки «Геи» — единого глобального организма, формирующего землю. Американский бизнес является частью глобальной экономики. Мы — это мир.) Термин «глобализация» фактически может быть новым «коньком» зарождающегося постмодернистического экуменизма. Этот термин указывает как на культурный релятивизм, так и на всеобъемлющее, хотя и плохо определенное, глобальное единство.

Культ единства, как отмечает Тойнби, неизбежно ведет к потере свободы. Индивидуальность, по определению, должна быть подавлена, если необходимо достичь единства. И все же перспекти-

вы единого общества, принимающего на себя все атрибуты и обязанности богов, — такие как определение ценностей и обеспечение наших нужд, — остаются привлекательными. Тойнби рассматривал модернистическое «государство всеобщего благосостояния» как яркий пример обожествленной общины. Государство берет на себя ответственность полностью обеспечивать людей питанием и работой, а также заботиться об их здоровье и обо всем остальном, в чем они нуждаются, при этом граждане меняют свободу на безопасность. В 50-е годы двадцатого столетия Тойнби писал: «Судя по всему, экуменическое государство всеобщего благосостояния может оказаться следующим идолом, который будет возведен на месте еще непопулярного христианства».

Перспектива процветающего, всемогущего государства до сей поры будоражит многих на Западе (особенно в Америке, которая не претворила в жизнь идею государства всеобщего благосостояния настолько, чтобы опереживать его неудачам). Вместе с тем из-за серьезного крушения советского коммунизма, воплощавшего идеалы благоденствующего общества и обожествленной экуменической империи, такая возможность выбора может потерять актуальность.

Третьей альтернативой трансцендентной религиозной вере, с точки зрения Тойнби, является «поклонение непобедимой технологии». Тойнби проследивает развитие технологии до того момента, как она взяла на себя религиозные функции. Технологии приписываются божественные особенности всеведения и всемогущества.

Научное развитие — явление, присущее скорее модернизму, чем постмодернизму. Однако Тойнби интересуется не столько влиянием научного познания, сколько достижениями технического прогресса, позволившими нам стать хозяевами природы и с помощью машин открывшими для нас новый стиль жизни. Постмодернистический антиинтеллектуализм в известной степени тормозит развитие техники, однако спрос на телевидение, компьютеры и самые невообразимые электронные технологии становится ненасытным. Технари, изобретающие эту продукцию, образуют новое «духовенство», обладающее трансцендентным, недоступным для «мирян» знанием, для которых технология так же непостижима, как магия. Массы людей могут вообще не интересоваться объективной наукой, но свою

жизнь и свои ценности они будут строить именно вокруг технологии.

Тойнби, кажется, предвидел то, что, согласно описанию Нила Постмана, происходит в современном обществе: устанавливается «технополия», то есть складывается ситуация, при которой технология приобретает культурную монополию. То, что технология больше заботится о процессе, чем о содержании, по мнению Постмана, вносит моральную и духовную растерянность в наши умы, подрывая саму способность мыслить. «Посредством образования, которое само по себе лишено какого-либо последовательного мировоззрения, — пишет Постман, — технополия отбирает у нас всякую социальную, политическую, историческую, метафизическую, логическую и духовную основу для постижения того, что находится за пределами естественного познания».

Технология, нуждающаяся в постоянном обновлении, чтобы идти в ногу со временем, по своей сути противоречит традиции. Это присуще сфере технологии. Совершенно новый компьютер кажется лучше старого. Однако то, что ценится в одной сфере, необязательно будет цениться в другой. Если традиции во всех культурах всегда несли важную социальную функцию (такую как сохранение моральных ценностей и укрепление семьи), то технология превращает их в груды обломков. В средние века схоластические богословы переносили свою методологию в сферы, находившиеся за пределами их познаний, например, в научную сферу. Сегодня происходит обратное. Люди прилагают технологическое мышление ко всем сферам жизни, включая теологию и этику.

Если модернистическое общество было совершенно мирским, то постмодернистическое общество принимает на себя духовные функции. Постмодернисты сводят теологические, нравственные и человеческие тайны к вопросам технической экспертизы. Постман показывает, как технические эксперты стали новым «священством»:

«В технополии все эксперты окутаны священнической харизмой. Некоторых из новомодных священников-экспертов называют психиатрами, некоторых психологами, некоторых социологами, а некоторых статистиками. Бог, которому они служат, не говорит ни о праведности, ни о милости, ни о благодати, ни о добродетели. Их бог говорит лишь об эффективности, точности и объективности. Поэтому такие понятия как грех и зло исчеза-

ют в технополии. Они приходят из нравственной вселенной, не имеющей отношения к теологии экспертизы. Так, священники технополии грех называют «социальным отклонением» (статистическое понятие), а зло — «психопатологией» (медицинское понятие). Грех и зло исчезают, поскольку их невозможно ни измерить, ни оценить объективно, а значит, эксперты не могут иметь с ними дело».

Люди, чувства, идеи и ценности — все должно быть *измерено*. Технологическое мышление все должно свести к числам. Мы живем в век статистики — опросы общественного мнения, стандартизированные тесты и «оценочные методы», кажется, стремятся измерить все, от качества нашей работы до психологического состояния. Мы не оцениваем в категориях «правильно — неправильно», а лишь обводим кружком цифру на десятибалльной шкале.

Традиционные символы, какие существуют, например, в религии, не исчезли; скорее они превратились в нечто тривиальное. Статистика сводит веру к выражению чьего-то мнения, а нравственные стандарты — к личным предпочтениям. Технологическое копирование и непрерывный поток визуальных образов разрушают всякое представление о тайне и святости. Библейское понятие освящения буквально означает «отделение», технология же выставляет на обозрение абсолютно все — секс, страдания, личность, душу, — все профанируя и оскверняя.

Совсем не удивительно, что электронные средства массовой информации так часто показывают секс, который раньше держали в тайне, считая его делом интимным, а также насилие, которое, как правило, скрывали, считая его отвратительным явлением. Все, что невидимо — Бог, вера, благость, духовность, — находится за пределами их познаний, а значит, игнорируется. Но даже если не игнорируется, духовная реальность представляется в соответствии с канонами новой информационной технологии, в результате чего она также становится «заурядной». Если в фильме должен быть представлен Бог, то Его будет играть Джордж Бернс, а сам фильм непременно будет комедией. Религиозные образы по-прежнему производят сильный эмоциональный резонанс, однако их используют без ссылки на их истинное значение. Последняя секс-звезда называет себя Мадонной (именем Девы Марии). Она выставляет напоказ распятие как часть своего секс-гардероба и снимает заоблачный клип,

где оживает статуя святого и они занимаются сексом в церкви. Телевидение повторяет эту пошлость и богохульство столько раз, что со временем это перестает шокировать. Публика привыкает к таким зрелищам, и символы, по мнению Постмана, теряют свой смысл.

В технополии люди принимают «не нравственные решения, а только практические». Не имея трансцендентных понятий о добре и зле, они опираются на единственный известный им стандарт — технологический: что *практически действует*? Вопрос о цене человеческой жизни сводится к вопросу о цене медицинской страховки. Они оправдывают убийство больных, увечных и младенцев, находящихся в утробе матери, посредством поддающихся количественному определению экономических показателей — опросы показывают, что большинство людей не хотели бы, чтобы их жизнь подерживала машина; эвтаназия позволила бы сократить больничные расходы; аборт помог бы уменьшить списки нуждающихся в государственном обеспечении. Сегодня люди обращаются к «экспертам», чтобы разрешить свои этические проблемы: право решить вопрос о прекращении жизни они предоставляют больничным этическим советам. Многие желают совершить самоубийство под наблюдением врача, и им помогают советом и поддержкой, такие, например, как доктор Кеворкян — новоявленный священник, который проводит различного рода прощальные церемонии.

В данный момент мы переживаем серьезный переходный период, направляясь от домодерна и модерна к неисследованным водам. Приведет ли новый мировой беспорядок к «обожественным узким общинам», «обожественной экуменической империи» или «поклонению непобедимой технологии», пока не ясно. На сегодня мы видим признаки всех трех альтернатив: жестокой групповой идентичности, глобальных схем мирового единства и неограниченной технополии. Есть, конечно, еще одна альтернатива — возрождение трансцендентной веры.

Тойнби с одобрением цитирует письмо, полученное им от Эдвина Бивена, который осознает связь между анархией и тиранией. Сквозь мрачные картины будущего, нарисованные Бивеном, пробивается единственный луч надежды:

«Анархия по самой своей сути слаба, и в анархическом мире любая хорошо организованная группа с рациональной структу-

рой и научными знаниями может без труда навязать свою власть другим. И тогда в качестве альтернативы анархии мир с удовольствием может принять деспотическое государство... Но *есть* христианская Церковь... фактор, с которым следует считаться. Ей, возможно, придется принять мученическую смерть от рук нового общества, но, как в случае с Римской империей, которую она заставила принять Христа хотя бы формально, она может снова, через мученическую смерть, завоевать... мировую державу будущего».

ХII. Христианство постмодерна

Состояние христианства в постмодернистическом обществе сложно оценить. С одной стороны, христианство, пережившее эпоху модерна, вопреки всем ожиданиям модернистических интеллектуалов, продолжает процветать и в эпоху постмодерна. Либеральные модернистические церкви чахнут и отпадают от виноградной лозы, тогда как консервативные евангельские церкви переживают расцвет. Как показывают опросы, около 94 процентов американцев верят в Бога, 80 процентов говорят, что они христиане, и более 43 процентов регулярно посещают церковь по воскресеньям.

Если все эти цифры верны, то почему в современной культуре почти не видно христианства? Почему нравственный и интеллектуальный релятивизм столь неукротим, если 70 процентов населения верят, что «Библия — это написанное Слово Божие, непогрешимое во всех своих учениях»?

Хотя мы живем в век бурного роста церквей и «мегацерквей», процент американцев, посещающих церкви, остался почти на уровне 1980-х, а число членов протестантских церквей фактически снизилось. Современным христианам, которые, кажется, часто мирятся с безбожной культурой, недостает выдержки, духовного посвящения и верности библейским нравственным стандартам. Многие церкви добиваются количественного роста, однако качество оставляет желать лучшего.

Конец эпохи модерна открывает перед библейскими христианами широкие возможности. Однако, вместо того чтобы смело встретить условия постмодерна, христиане часто сдают на милость постмодернизма, причиняя вред остальной культуре. Консервативные и евангельские христиане в большинстве своем поступали правильно, избегая искушений модернизма. Но теперь, когда сражен их модернистический противник, они теряют бдительность, наивно соглашаясь с новым культурным климатом. Многие консервативные церкви в попытках привлечь сегодняшнее общество изменяют не только свой стиль, но и свою проповедь.

Такого быть не должно. Церковь может существовать в условиях постмодерна, не становясь постмодернистической. Христиане могут использовать смерть модернизма, чтобы исповедовать историческую библейскую веру потерянному и смущенному поколению. Чтобы принадлежать к эпохе постмодерна, церковь должна проповедовать истину Слова Божия, ценность Закона Божия и достаточность Евангелия Иисуса Христа.

Евангельский постмодернизм

В подавляющем большинстве случаев Церковь не может не влиться в общий поток постмодернистических перемен. Мы видим, насколько расколото постмодернистическое общество, где каждая группа замыкается в своем маленьком мире. Довольно ярким примером такого феномена может служить сам консервативный лагерь. Христиане сегодня имеют свои школы, свои колледжи, свои книжные магазины, свою индустрию развлечений и средства массовой информации. Постмодернисты утверждают, что поскольку универсальное единодушие невозможно, люди, говорящие на одном языке и имеющие одно мировоззрение, должны образовывать свои закрытые общины. Это же происходит в сегодняшнем христианстве.

Христиане, открыто осуждающие христианскую субкультуру, должны осознавать, что единственной альтернативой может быть исчезновение. Христианство было вытолкнуто из культуры в целом — из школ, из кругов интеллигенции, из средств массовой информации. Создание христианских школ, издательств, художественных союзов, радиостанций, предприятий и тому подобного, по-

жалуй, является одним из величайших достижений Церкви двадцатого века. По мере усиления постмодернистического давления уже имеющиеся противоположно настроенные институты могут оказать христианам неоценимую услугу в повышении эффективности сопротивления.

Христианство должно использовать свои укрепления для того, чтобы совершать «набеги» на культуру и оказывать свое воздействие на каждом ее уровне. Они непременно должны противостоять искушению спрятаться в надежных «христианских гетто». Общество принимает христиан, но только до определенных пределов. Обычно люди не выбирают жизнь в гетто. Еврейские гетто и гетто для «черных» были местами изгнания. Так и христиане могут ожидать изгнания из этого безбожного мира. Евреи Варшавского гетто и «черные» Гарлема 20-х гг. двадцатого столетия были отстранены от участия в основных общественных процессах, но это не помешало им жить богатой культурной жизнью внутри своего сообщества. Христиане могут стремиться к тому же.

Проблема состоит не в том, что у христиан есть аналогичные институты, а в том, что эти институты порой слишком похожи на мирские. Образ мышления, культивируемый евангельской субкультурой, часто удивительно напоминает секулярный постмодернизм.

Постмодернистическое отрицание объективности проникает в евангелическую церковь. «Мы имеем поколение, которое уже меньше интересуется рациональными аргументами, последовательное мышление и теологические системы, — замечает Лейт Андерсон, — чем встречи со сверхъестественным». Следовательно, люди, усердно посещающие церковь, оперируют иной парадигмой духовности. «Старая парадигма гласила, что если ты придержишься истинного учения, ты будешь жить с Богом. Новая парадигма гласит, что если ты живешь с Богом, у тебя правильное учение». Объективная доктрина не только сведена к минимуму в пользу субъективного опыта; опыт фактически стал критерием оценки доктрины.

Андерсон, пастор мегацеркви и консультант по вопросам церковного развития, полагает, что пасторам придется все чаще встречаться с людьми вроде того молодого человека, который, как мы уже рассказывали, верит одновременно в непогрешимость Писания, Реформатское богословие и реинкарнацию. Причем, если им сказать, что вера в реинкарнацию несовместима с верой в Библию,

это вряд ли произведет на них впечатление. Новое поколение (он мог бы сказать «постмодернистическое поколение») уже не мыслит систематически. Молодому человеку *нравится* Библия, Жан Кальвин и Шерли Маклейн. Все это значимо для него. Он умеет ужиться с противоречиями.

Такое пренебрежение доктриной и объективным мышлением объясняет, почему 53 процента евангельских христиан (если сравнить с 66 процентами всего американского населения) верят в то, что абсолютных ценностей не существует. Конечно, христианская традиция всегда культивировала эмоции и выделяла эмпирическую религию в противоположность так называемому «интеллектуальному знанию». Эта открытость личным чувствам и опыту — несомненно, точка соприкосновения с постмодернизмом, в котором роль субъективности возведена на такую высоту, о которой даже самый «горячий евангелист» девятнадцатого века не мог и мечтать.

Кроме того, реформатам всегда было свойственно выделять роль выбора в спасении. Людей призывают «сознательно принять Христа», решение, чаще всего описываемое в терминах свободного волеизъявления. Такая терминология соответствует постмодернистическому образу мышления, когда религия и мораль понимаются скорее как выбор, а не как выражение истины.

Углубляясь в свое собственное богатое теологическое наследие, реформаты узнают о «теологии выбора» гораздо больше, чем могли предположить. Лютер, Кальвин, Св. Августин и другие библейские теологи считали, что человеческая воля находится в рабстве греха, так что наш свободный выбор неизменно отдаляет нас от Бога. В спасении не мы выбираем Бога — Он выбирает нас. Мы спасаемся не своей волей, а Божией благодатью, преображающей наш порочный выбор силою Духа Святого. Тогда и только тогда мы можем говорить о свободе воли и о том, что мы способны «избрать Христа». Даже такие теологи как Арминий, Уэсли и Фома Аквинский, верившие, что человеческая воля свободна и должна участвовать в процессе спасения, не рассматривали обращение как исключительно самостоятельный выбор.

Евангелизм, вероятно, пренебрегший своим богословским наследием, кажется постмодернистам очень привлекательным благодаря глубокой эмоциональности и превознесению роли человечес-

кого выбора. Другие евангелические обычаи, которыми христиане пользовались на протяжении ряда лет (библейские занятия и молитвенные собрания), внезапно получают новый отклик у постмодернистов (которые нежно относятся к группам поддержки и культивируют групповую идентичность). И хотя такие евангелические традиции могут быть вполне приемлемы для того, чтобы привлекать постмодернистов и проповедовать им Евангелие, зачастую их обращение происходит в совершенно ином направлении.

Постмодернизм открыт массовой культуре и откровенной коммерции. Искусство, политика и идеи, лишенные связи с объективной реальностью, ориентированы на вкус обыкновенного потребителя. На смену рациональному убеждению приходят риторика и массовый маркетинг. Постмодернизм потворствует потребительскому мышлению, предлагая людям товары на любой вкус. Все это, как мы видели, распространяется и на религию. Когда истина перестает быть принимаемым во внимание фактором, человек начинает выбирать религию как любой другой товар: «Нравится ли мне это? Действительно ли это то, чего я хочу?»

Чарльз Колсон рассказывает об одной евангелической церкви, которая решила, что ей необходимо увеличить число членов. Для начала пастор попросил исследовать рынок. Выяснилось, что многим людям не нравится слово «баптист». Церковь сменила свое название. Исследования показали, что люди желают более удобного подъезда к церкви, поэтому было построено новое здание справа от магистрали. В нем были светлые своды, каменные каминные, но не было ни крестов, ни других символов, которые могли бы заставить людей чувствовать себя неудобно. Затем пастор решил перестать использовать богословский язык. «Если мы употребляем слова *искупление* или *обращение*, — рассуждал он, — они решат, что мы говорим о долговых обязательствах». Он прекратил проповедовать на тему ада и вечного осуждения и переключился на более светлые темы. Церковь действительно росла. «Здесь царит такой дух, который ставит людей выше доктрины, — изливал свои чувства один прихожанин, — Церковь принимает людей полностью такими, какие они есть, без предписаний и запретов». Отказываясь от доктрины и нравственных авторитетов и приспособляя учение к требованиям рынка, эта церковь начала свое паломничество в обители постмодернизма.

Вместо проповеди, изобличающей грех и показывающей путь спасения через жертву Христову, церкви предлагают «развлекательные» проповеди, которые бы веселили прихожан. Некоторые описывают постмодернистическую культуру как «терапевтическую культуру», где главной ценностью считается психологическое здоровье, а не истина. Современная Церковь также встречается с искушением подменить теологию терапией.

Поскольку постмодернистическая мысль нетерпима по отношению к трансцендентным духовным верованиям, внимание концентрируется на том, что происходит «здесь и сейчас», на осязаемом. Людям мало интересуют Небеса; они хотят быть здоровыми и богатыми сейчас. Поскольку постмодернисты ориентированы на силу, они с большим удовольствием посещают сильные церкви, где обещают решение всех проблем посредством чудес, политическое влияние, рост численности и нескончаемый успех во всем. (Лютер думал о чем-то подобном, противопоставляя «теологии славы», опирающейся на власть и гордыню, «теологию креста», опирающуюся на наше смирение и страдания Иисуса Христа.)

Колсон остро критикует развлекательное богословие, религию «горячей ванны», капитуляцию перед поп-культурой «McChurch». Потребительская философия в Церкви, по его словам, выхолащивает учение, изменяет характер Церкви, извращает Евангелие и подрывает авторитет Церкви.

Еще более серьезным, чем потребительская философия (хотя часто они идут бок о бок), является то, что само евангельское богословие в определенных кругах уступило свои позиции постмодернизму. Эта новая теология, которую развили академические теологи и о которой свидетельствуют многочисленные книги и проповеди с кафедр, описывается как «мегапереход» (англ. — *megashift*) от классического протестантизма к совершенно новому (в сущности, постмодернистическому) пониманию Евангелия.

Теология «мегаперехода» пытается смягчить острые углы библейской ортодоксии и приспособиться к ценностям и мышлению современного общества. Майкл Хортон объясняет новую теологию с помощью противопоставлений.

Если классическое христианство подчеркивает трансцендентность и неизменность Бога, Его всемогущество и всеведение, то новая модель подчеркивает имманентность Бога, Его динамичность,

способность быстро меняться и привлекать к партнерству человека — Свое творение. Классическое христианство полагает, что все человечество вовлечено во грех Адама, из-за которого мы все испорчены и подлежим осуждению. Грех — это состояние. Новая модель отрицает врожденный грех. Мы не несем ответственности за грех Адама, за исключением случаев, когда мы следуем дурному примеру Адама. Грех — это действие.

Классическое христианство учит, что нашей проблемой является проклятие, что все мы находимся во власти гнева Божия. Новая модель учит, что нашей проблемой является незнание — мы просто не знаем, как сильно Бог любит нас.

Классическое христианство учит, что спасение достигается единственно верой в искупительную жертву Иисуса Христа. Новая модель учит, что многие спасаются и без веры во Христа, что Святой Дух может даровать спасение даже тем, кто Христа не знает. Христос считается не столько жертвой, сколько примером.

Классическое христианство учит, что наше вечное состояние — бессмертие на Небесах либо в аду. Новая модель учит, что нечестивые будут уничтожены, а для всех остальных Небеса будут открыты.

Новая модель отражает ряд постмодернистических принципов: отрицание абсолютных ценностей; недоверие к трансцендентному; преимущество «динамического изменения» перед «статической истиной»; жажда религиозного плюрализма — желание того, чтобы представители других культур и религий также обрели спасение; принижение авторитета Бога; атмосфера терпимости, душевной теплоты и поп-психологии. Какими бы приятными ни были эти мысли, теология «мегаперехода» наносит удар по самому основанию евангельской веры — благовестию Иисуса Христа, умершего на кресте во искупление наших грехов и даровавшего нам спасение. На карту ставится само Евангелие.

Теологи «мегаперехода» рассматривают смерть Христа на кресте как Божий способ показать нам, как Он нас любит. С этой точки зрения Христос не искупил наши грехи, поскольку они — не что иное, как отдельные наши поступки. Иисус не жертва, — скорее Он пример. Он показывает нам, как мы должны любить друг друга. Его смерть на кресте должна вызывать у нас чувство сострадания к Нему, и когда мы действительно осознаем, сколь тяжелы были Его

страдания, нам откроется Божия любовь. Все это побуждает нас менять свою жизнь и любить ближних.

Проповедь Евангелия, согласно этой модели, заключается не в том, чтобы свидетельствовать о Божием наказании грешников и милостивом даре спасения через веру во Христа. Проповедь Евангелия несет людям спасение о том, как сильно Бог любит их. Бог действительно никого не хочет наказывать, Он хочет, чтобы все чувствовали себя хорошо, вели полноценную жизнь и были счастливы. Те, кто отворачиваются от Бога, упускают возможность такой богатой жизни, хотя Святой Дух все равно может привести их на Небеса, даже если они никогда не знали Христа.

Хотя эта теология превращает Бога в доброго, веселого психотерапевта, в сущности это учение морализма и отчаяния, поскольку оно концентрируется на человеческих делах. Такой легковесный оптимизм не утешает страждущие души и не содержит никакого действенного средства для прощения грехов. «А если законом оправдание, то Христос напрасно умер», — сказано в Послании к Галатам (Гал. 2:21). Этот фрагмент со всей серьезностью предостерегает нас от попыток угодить людям, проповедуя иное Евангелие (1:6-10).

Майкл Хортон, внимательный критик псевдоевангельской теологии, показывает ее обратный порядок, ориентированный на человека: «Прежде Бог существовал исключительно ради собственного счастья, новый же бог существует для нас. Вместо того чтобы искать оправдания перед святым Богом, мы считаем себя «славными малыши», перед которыми Он должен оправдываться. Почему это мы должны в Него верить? Разве эта вера сделает нашу жизнь более полной и счастливой, чем вера в карму или какое-нибудь последнее идеологическое течение?»

Надменность и легкомыслие тех, кто хочет прийти к Богу с требованиями потребительских удовольствий, относясь к Святому Израилеву как к выбору еще одной возможности из множества других, поистине абсурдны.

Хортон со всей серьезностью относится к тому факту, что Божие откровение может быть не таким, которое бы нам понравилось: «Если быть честными, в Библии очень много вещей, которые нам не нравятся. В христианском учении достаточно того, что может нас обидеть. Предполагают, будто Бог существует для того,

чтобы заботиться об исполнении моих желаний и обеспечивать мое счастье. Крест призван показывать людям, как сильно Бог любит их и как горячо Он желает, чтобы они следовали примеру Христовой любви и сострадания. Крест существует, чтобы поддерживать наше чувство собственного достоинства и показывать, как многого мы стоим. Но как может ад сделать кого-то счастливым? Как он может кому-то помочь измениться? Сегодня мы, кажется, не задаем вопросов, на которые отвечает Библия. Согласно Писанию, главным вопросом является не то, «как я могу стать счастливым», а то, «как я могу обрести спасение»».

Конфессиональный выбор

Британский антрополог Эрнест Гельнер исследовал разделение современной культуры и ее потребность, подобно всем культурам, в религии, в универсальном мировоззрении, которое определяет ценности и содержание. Он заключил, что на сегодня существуют только три религиозные альтернативы: постмодернистический релятивизм, рационалистический фундаментализм и религиозный фундаментализм.

Сам Гельнер выступает за так называемый «рационалистический фундаментализм», принципиальное возвращение к идеалам Просвещения. Подобно религиозному фундаментализму, этот открыто догматический рационализм верит в абсолютные, трансцендентные истины, однако соглашается с релятивистами в отрицании откровения и интеллектуальной достоверности.

«Постмодернистический релятивизм» Гельнер находит в высшей степени неприемлемым. После ряда язвительных высказываний в адрес постмодернизма он отвергает его, заключая: «Релятивистам можно сказать лишь одно — ваша позиция прекрасно демонстрирует то, как мы выбираем блюда или обон. Если рассматривать вашу позицию в плане оценки мировых реалий или в качестве нравственного руководства, то она смешна».

Гельнер, будучи убежденным атеистом, с гораздо большим почтением относится к религиозному фундаментализму:

«Фундаменталисты заслуживают нашего уважения прежде всего

потому, что они также признают уникальность истины и не позволяют универсальному релятивизму обмануть себя, а также потому, что они являются нашими интеллектуальными предками. Не предаваясь чрезмерному восхвалению наших предков, мы все же должны быть им благодарны. Без серьезного, если не сказать одержимого, монотеизма... рационалистический натурализм Просвещения, возможно, никогда не увидел бы дневного света. По всей вероятности, приверженность уникальному Откровению была необходимой исторической предпосылкой для благополучного возникновения удивительного, одинаково комфортного мира. <...> Без мощного религиозного импульса к единому упорядоченному мировоззрению и последующего избежания оппортунистической, манипулятивной бессвязности чуждо познания, пожалуй, было бы невозможно».

Гельнер считает религиозный фундаментализм не только почтенным предком модернизма, но и приемлемым вариантом развития современного общества.

К несчастью, тот религиозный фундаментализм, который он изучал и считает наиболее жизнеспособным, это *исламский фундаментализм*. Христианство (по крайней мере то, которое он наблюдал в Англии), судя по всему, кажется ему слишком испорченным, слишком скомпрометированным и подчиненным остальной культуре, чтобы принимать его всерьез. Христиане должны осознавать, что ислам становится их главным религиозным соперником во всем мире. Африканская церковь уже испытывает сильное давление и преследования со стороны исламистов. Не будучи уже религией только Ближнего Востока, ислам распространяется по всей Африке и Азии, его присутствие сильно ощущается в бывших коммунистических государствах, он проникает в Западную Европу и в Соединенные Штаты Америки. Воинствующий и бескомпромиссный ислам может стать мощнейшей постмодернистической религией, перед которой робкие рационалисты, нерешительные релятивисты и угодливые христиане могут оказаться бессильными.

Позиция самого Гельнера, которую он с беспристрастной прямотой окрестил «рационалистическим фундаментализмом», догматически опирается на объективный разум и научный метод. Гельнер, а вместе с ним и многие другие ученые, просыпающиеся от постмодернистического кошмара, предпринимают отчаянные

попытки вернуться к ценностям Просвещения и восстановить пошатнувшийся Модернизм. Мне кажется, что их усилия напрасны. Гелльнер с помощью рационального анализа без труда доказывает несостоятельность Постмодернизма, однако это не главное. Тех, кто отвергает рационализм как таковой, вряд ли впечатлит логика Гелльнера, какой бы непогрешимой она ни была. Общество стремительно катится в совершенно ином направлении. Постмодернистический релятивизм, возможно, «смешон», но его нельзя так просто сбрасывать со счетов.

Чтобы христианство стало жизнеспособной альтернативой Модернизму (который дискредитировал себя полностью), Постмодернизму (формализованной анархии, в которой никто не может существовать долго) и, несомненно, исламскому фундаментализму, оно должно прежде всего навести порядок у себя дома. Оно не может «продаться» модернизму, как в случае с либеральным богословием, или постмодернизму, как в случае с теологией мегаперехода. Как либерализм, так и ментальность мегаперехода к предательству Евангелия — это примеры капитуляции перед культурой. Продаться доминирующей культуре, как это ни парадоксально, вовсе не значит обрести успех; скорее это путь к поражению. Либеральные церкви старались «понравиться» модернистам, приспособляясь к условиям модернизма, но поступая так, они лишь теряли актуальность и, со сменой интеллектуального климата, обрекали себя на крах. Евангелические церкви, которые некритично принимают постмодернизм, рискуют оказаться в том же положении. Капитулируя перед духом века сего, синкретическое богословие утратило способность отвечать на духовные потребности людей, плутающих либо в лабиринтах модернизма, отрицающего сверхъестественное, либо в дебрях постмодернизма, отрицающего истину.

«Мы не можем себе даже представить, что ждет нас в будущем, — пишет Диоген Аллен, — ясно лишь то, что нам необходима фундаментальная переоценка христианской веры, свободной от допущений модернистического менталитета, враждебного религиозным взглядам». Аллен отмечает, что эпоха постмодерна делает возможным возрождение ортодоксального христианства, которое со времен Просвещения не переставало терпеть нападки: «Христианство теперь сложно напугать, как его пугали на протяжении примерно трех сотен лет в силу узости взглядов и упования на

классическую науку — наиболее характерных черт модернистического менталитета».

Томас Оден полагает, что классическая христианская ортодоксия в эпоху постмодерна появится снова. С точки зрения Одена, крах коммунизма означает полный крах модернизма, а возрождение и реабилитацию Русской Православной церкви, чьи традиции мало изменились с первых веков, он считает явлениями значительными. Либеральный протестантизм, с которым Оден когда-то был связан, он описывает как нечто несерьезное. Он отмечает, что теологи всех традиций возвращаются к Библии, изучая раннюю Церковь и заново открывая мудрость и духовность отцов Церкви. «Христиане времен постмодерна, — пишет он, — это те, кто добрым подвигом веры прошел через наследие модернизма и, отказавшись от модернистических иллюзий, снова изучает Слово Божие, открытое нам в веках».

Оден считает, что постмодернисты в действительности являются гипермодернистами, доводящими модернистический скепсис до крайних пределов. Вместо того чтобы предложить настоящую альтернативу модернизму, как делает ортодоксальное христианство, культурные релятивисты представляют лишь агонию модернизма. И хотя я надеюсь, что Оден прав, все же он, как и Гелльнер, недооценивает постмодернистов, чьи идеи сегодня переполняют культуру до краев. Я также подозреваю, что он слишком оптимистически относится к триумфу классического христианства, поскольку ему непременно придется столкнуться с жестокими гонениями в условиях крайне релятивистского общества. Так или иначе, Оден настоятельно призывает всех христиан осознать смерть модернизма и войти в новую эру с возрожденным доктринальным и духовным наследием.

Гелльнер считает, что только «фундаментализм», будь он рационалистическим или религиозным, может быть единственной приемлемой альтернативой релятивизму. Все же термин «фундаментализм» является реликтом модернистических дискуссий, и он заслужил дурную славу даже среди тех, к кому, по мнению Гелльнера, он относится. Кроме того, в постмодернистическом мире он ассоциируется с исламским фундаментализмом, с его авторитарными муллами и бесчеловечностью. Это существенно отличается от того, что хотели бы выразить христиане, которые имеют иное понимание Закона, культуры и благодати.

Церкви, которые оказывали сопротивление режиму Адольфа Гитлера — первому постмодернистическому государству, — называли себя «конфессиональными» церквами. Протестуя против синкретической церкви и полицейского государства, они исповедовали веру, опираясь на Слово Божие и христианскую доктрину, отраженную в исторических Вероисповеданиях. Почитая их и осознавая то, что многие вопросы будут точно такими же, мы можем говорить о культивировании «конфессионального христианства».

Если христиане должны быть альтернативой постмодернистическому релятивизму, им необходимо исповедовать свою веру как на словах, так и на деле. Но это предполагает глубокое знание своей веры.

Христиане любой церкви должны начать с возвращения к своему доктринальному наследию. У лютеран, кальвинистов и других исторических христиан имеются официальные письменные Символы веры. Англикане, католики и православные имеют богатые и строгие теологические традиции. Доктринальные позиции других конфессий не так четко определены, но у них, тем не менее, есть свои Символы веры и свое основанное на Библии наследие, которое они должны возродить. Так христиане могли бы обрести новые духовные силы и горячо исповедовать библейскую истину релятивистскому обществу. У библейских церквей с их доктринальной целостностью будет более яркое свидетельство для неверующих, чем у беспорядочных, угодливых конгрегаций, которые ни на что конкретно не опираются.

Конфессионализм не означает «мертвую ортодоксию» — навязывание своего рода доктринальной чистоты за счет искренней личной веры. Нашей целью должна быть «живая ортодоксия» — вера, которая опирается на опыт и на истину, оставляя место и чувствам, и рассудку. Были времена в истории Церкви, когда доктрина излишне подчеркивалась, но едва ли это угрожает обществу, совершенно отрицающему истину.

Когда особо подчеркивается доктрина, на первый план выдвигаются различия между христианскими традициями, что не обязательно должно выливаться в разрушительные религиозные войны. Разные традиции, прежде чем их можно будет признать или подвергнуть сомнению, сначала необходимо возродить. Когда же традиции будут полностью восстановлены, можно будет возобновить

споры о том, какая теология больше соответствует Писанию, поскольку теология снова будет восприниматься всерьез. Живые теологические дискуссии могут укрепить Церковь. Экуменический метод объединения, который стремился уничтожить характерные особенности отдельных конфессий, потерпел неудачу, тогда как строгий конфессионализм наряду с осознанием реального врага Церкви может не только быть поучительным, но и привести к последующему объединению. Единство Церкви, как ясно говорил Апостол Павел, не исключает различий, поскольку одно тело состоит из многих членов (1 Кор. 12). Такой синтез единства и плюрализма вполне соответствует условиям постмодерна.

Использование постмодернизма

Призыв Майкла Хортонa вернуться к богословию Реформации, а также проект Томаса Одена, касающийся возрождения теологии ранней Церкви, говорят в пользу нового христианского конфессионализма. Теоретически постмодернистический интеллектуальный климат дает ему место. Как утверждает один представитель постмодернизма: «Мысль о том, что каждая группа имеет право собственного голоса, имеет право выражать свои взгляды и эти взгляды должны быть приняты как подлинные и законные, — неотъемлемая часть плюралистической позиции постмодернизма». Это, безусловно, распространяется и на христианские общины, которые имеют один богословский язык и одни убеждения. Если постмодернизм пытается переместить периферию в центр, то христианство находится на периферии модернистической мысли. Кроме того, как отмечает Оден, Церковь — одна из тех немногих институций, которые на самом деле являются всеобъемлющими, соединяют в себе много культур и разные поколения.

Конфессиональные христиане могут даже принять участие в разрушении постмодернистами модернистического наследия, которое все еще удерживает твердые позиции в теологии. К примеру, крайне необходимо оспорить историко-критический подход к Писанию, который ослабил его авторитет во всех основных христианских деноминациях. Постмодернистическая критика может показать, что этот якобы научный и объективный подход к Библии с его отрица-

нием сверхъестественного и натуралистическим толкованием библейских текстов, в сущности, далеко не объективен и не опирается на реальную науку. Приемы постмодернистических исследований могут разоблачить историко-критический метод со всеми его претензиями на объективность и показать, что за этой маской скрывается модернистическое мировоззрение и что толкование, выходящее за рамки библейского текста, — чистой воды спекуляция. Некоторые ученые уже начали этот процесс, однако предстоит еще многое сделать для того, чтобы полностью уничтожить либеральное богословие.

Конфессиональные христиане могут также воспользоваться идеями постмодернистического учения, всерьез воспринимая грех и эпистемологические последствия грехопадения. Человеческий разум действительно несовершенен, как говорят постмодернисты, однако христиане основывают свою веру не на разуме, а на откровении. Мы полностью зависим от языка, говорят постмодернисты, но христиане основывают свою веру на Божием «языке», или на Библии, Слове Божием. Постмодернисты утверждают, что смысл может быть определен только внутри «воспринимающего собрания». Для христиан таким собранием является Церковь.

Хотя христиане могут использовать постмодернистическое учение, через какое-то время им придется вступить с ним в схватку. Христиане, подвергающие сомнению исключительную зависимость от разума, верят в абсолютную истину. Поскольку Бог открывает Себя посредством языка, язык не может по сути своей вводить в заблуждение, — скорее он является проводником откровения и выразителем истины. Бог, а не культура, является первоисточником всякого смысла, истины и ценностей. Как автор всего сущего, Бог является непререкаемым авторитетом. Именно потому некоторые абсолютные категории и трансцендентные ценности универсальны по своим возможностям и применению.

Христиане смогут решить дилеммы, с которыми, если они честны, сталкиваются постмодернисты. «Постмодернистические теории будут продолжать настаивать, что не существует никаких оснований для универсальных ценностей, которые могли бы лечь в основу всеобщего согласия, — отмечает Стивен Коннор. — Однако в таких условиях поиски смысла и правомерности отнюдь не становятся слабее, а скорее еще более усиливаются». Постмодернисты не

могут ответить на эти вопросы, сколь бы остро они ни стояли. Дэвид Харвей, критикуя поверхностность и потребительский настрой постмодернистического мышления, призывает «повествованием сокрушить образ, этикой ударить по эстетике», а также призывает к «поиску единства в различиях». Однако чтобы этого достичь, необходима трансцендентность, а этого постмодернизм объяснить не может.

В своем обращении к Конгрессу США Вацлав Гавел, драматург, прошедший через коммунистические застенки и ставший первым президентом свободной Чехословакии, сказал как от имени Запада, так и от имени Востока: «Мы все еще не знаем, как поставить мораль во главе политики, науки и экономики. Мы все еще неспособны понять, что истинная основа наших действий, — если мы хотим, чтобы они были нравственны, — это ответственность. Ответственность перед чем-то более высоким, чем моя семья, моя страна, моя фирма или мой успех».

Но перед чем — или перед Кем — мы несем ответственность? Что или Кто выше всего, что мы видим? Говоря словами Постмана, недостаточно просто освободиться от ошибочной теории — нам необходима лучшая теория, но у технополии нет ответа на этот вопрос. Христианство способно дать ответ.

Христиане периода постмодерна не должны вместе с тем ожидать слишком радушного приема со стороны постмодернистов. Их будут сурово критиковать за то, что они «претендуют на единственную истину». Их будут обвинять в нетерпимости, в попытке «навязать свое мнение всем остальным». Христиане могут ожидать отказа в постмодернистической терпимости и плюрализме. По мере того как культура будет становиться все более жестокой и аморальной, христианам, возможно, придется испытывать гонения. В такой атмосфере Церковь может либо расти, либо стоять на месте. Мне кажется, что в ней останутся лишь самые верные. Но Церковь Иисуса Христа не одолеют врата ада, а тем более культура (Мф. 16:18).

ХIII. Заключение: «Когда разрушены основания»

Слово Божие предсказало дилемму нашего века и нашей Церкви, задавая сложный вопрос в Псалме 10:3: «Когда разрушены основания, что сделает праведник?» Вся эпоха модерна была нацелена на то, чтобы разрушить имеющиеся основания и возвести на их руинах новые.

Наш Господь сказал об основаниях: «Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне». В свою очередь, тот, кто «слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке» (Мф. 7:24, 26). Пески, конечно, бывают зыбучими. История модернистической мысли пестрит сменой оснований: рационализм Просвещения, эмоциональность Романтизма, волевая система экзистенциализма. Во времена кризисов, впрочем, когда «пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры», каждый из этих человеческих проектов «упал, и было падение его великое» (Мф. 7:27).

Сегодня отрицаются *все* основания. Различные модернистические проекты предполагали уничтожение старых оснований и замену их новыми. Сегодня сам модернизм устарел, и бессмысленность бесконечного цикла разрушения и созидания стала очевидной. Постмодернизм предлагает совершенно иную альтернативу: пожалуй, мы можем строить вообще без оснований.

Как сторонники постмодернизма, так и критики соглашались с тем, что сущность постмодернизма является «антифундаментальной». В то время как различные виды модернизма, начиная от Просвещения, пытались, по словам Дэвида Харвея, «обобщить хаос», постмодернизм пытается ужиться с хаосом, избегая всяких суждений об основаниях. Христиане могут согласиться с критикой гуманистических оснований и присоединиться к ней, однако Церковь построена «на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем» (Еф. 2:20). «Но каждый смотри, как строит», — предостерегает Апостол Павел. «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор. 3:10-11).

Что сделает праведник?

И все же, «когда разрушены основания» — *все* основания, — «что сделает праведник?» Как в век отрицания всяких оснований может существовать Церковь, утверждающая, что имеет единственное исключительное основание? В прошлом люди спорили о том, что правильно, а что нет, что истинно, а что ложно. Сегодня людей не интересует вопрос морали или истины. Как христиане могут содействовать «праведности» в такой век? Как им свидетельствовать об истине Христовой? Как провозглашать Евангелие людям, отрицающим свой грех и уверенным в том, что спасение дается всем без исключения?

Эксперты церковного развития исследовали пути, которыми можно было бы открыть христианство постмодернистическому обществу. Лейт Андерсон, к примеру, показывает, что современным людям трудно сконцентрироваться, когда им предлагают абстрактные идеи. Такие идеи, однако, можно сделать более понятными, включая их в повествования и подчеркивая их практическую ценность. Далее он отмечает, что поскольку современный человек, как правило, не мыслит систематически и не испытывает уважения к рациональным аргументам, идеи лучше всего доносить постепенно, одну за одной, используя личные отношения. Чей-то личный пример, наставники и друзья влияют на сознание людей (в лучшую или в худшую сторону) в гораздо большей степени, чем объективные рассуждения.

Молодой человек, который утверждает, что верит в Библию и реинкарнацию одновременно, мог бы вернуться к ортодоксии, изучая Библию и концентрируя внимание на вопросе жизни после смерти. При чтении Слова Божия Святой Дух будет действовать в нем. В то же время, поддерживая теплые взаимоотношения с пастором, которого он уважает, и убежденными христианами, которых он любит, молодой человек может впитать их ортодоксальность.

Такие советы относительно взаимодействия с людьми постмодернистического образа мышления могут оказаться весьма полезными. В конце концов, сам Иисус говорил притчами, а не абстракциями. Он совершенно конкретно «учил» своих учеников.

Некоторые исследования, касающиеся церковного развития, указывают на другие возможности. Постмодернисты, как мы уже выяснили, ориентированы на группу. Понимание этого привело к созданию структуры «мегацерквей», предполагающей деление огромных безликих «мегацерквей» на малые группы, в которых происходит тесное личное общение. На мой взгляд, привлекательность мелких частных групп указывает на то, что маленькие церкви по-прежнему сохраняют актуальность.

Постмодернистический разум открыт прошлому. Исследователи церковного развития часто пренебрегают этим фактом. От движения за сохранение истории до ностальгирующей поп-культуры с характерными для нее телевизионными повторами, исторической фантастикой и модой на «ретро» — все свидетельствует о том, что современного человека зачаровывает и притягивает прошлое. Только модернисты отмахнулись бы от чего-то лишь потому, что это «старомодно». Церковные традиции, включая традиционные формы поклонения, могут оказаться гораздо привлекательнее, чем мы подозреваем, особенно для поколения, лишенного традиций, но желающего обрести их.

Церкви поступают правильно, стремясь найти пути соприкосновения с современным обществом. Однако они должны помнить, что, достигая постмодернистов, нельзя оставлять их там, где они были найдены. Только что образованная община может «разрекламировать» себя перед нецерковным «потребителем», но как только новообращенные оказываются в ее лоне, она подвергает сомнению потребительский образ мышления. Церковь может обращаться к человеческим эмоциям, но затем она должна научить людей мыслить по-библейски.

Эксперты церковного развития, такие, например, как Андерсон, утверждают, что Церкви необходимо меняться вместе с культурой, дабы привлекать людей. Между тем, назначение Церкви состоит не столько в том, чтобы меняться самой, сколько изменять жизни других. Несомненно, какие-то изменения в Церкви должны происходить, если на пути к проповеди Евангелия встречаются старые камни преткновения. Потенциальные препятствия для евангелизации — такие как навязываемая этническая идентичность, неблагоприятные отношения, неспособность общаться с внешним миром — должны быть преодолены.

Существует, однако, искушение изменить характер и учение Церкви для того, чтобы завоевать большую популярность среди потенциальных прихожан. Желание стать «мегацерковью» часто ведет к теологии «мегаперехода». Изменение стиля, часто довольно незаметное, приводит к изменению содержания. Пересмотр богослужений с целью сделать их более эмоциональными и развлекательными может только научить собрание субъективности и духовному гедонизму.

«И не сообразуйтесь с веком сим, — предостерегает Апостол Павел, — но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим. 12:2). Одно этого фрагмента достаточно, чтобы сокрушить любые аргументы в пользу того, что Церковь должна меняться в соответствии с господствующими социальными тенденциями. «Век сей» не должен определять церковное служение, и это отрезает путь всякому синкретизму, либерализму или теологии «мегаперехода». Напротив, христиане должны «преобразовываться» Святым Духом, а их ум должен обновляться Словом Божиим.

Чтобы человек стал учеником (англ. — *disciple*), ему необходима нравственная, интеллектуальная и духовная *disciplina*, чуждая человеческой природе, особенно в наши дни. Однако думать, что современный человек не в состоянии понимать христианскую истину или «преобразовываться обновлением ума», значит недооценивать Святого Духа и Божию силу.

Истинный рост Церкви — качественный или количественный — выявят не социальные исследования или маркетинговые приемы, но, как отмечает Том Неттлз, пробуждение и преображение; не человеческий ум, а Божии деяния. Тем временем Церкви надлежит твердо держаться своего библейского основания.

В частности, Церковь должна придерживаться двух основополагающих концепций, которые подвергаются наиболее яростным атакам: морали и истины. «Самым верным признаком грешника, — говорил Лютер, — является то, что он не знает своего греха. Наша задача — показать ему его грех». Провозглашение Закона Божия может привести к осознанию греха; в этот момент мы должны проповедовать о спасении во Иисусе Христе.

Чтобы проповедовать, надо посвятить себя истине. «Церковь Бога живаго, — говорит Апостол Павел, — столп и утверждение истины» (1 Тим. 3:15). Церковь призвана быть «столпом», то есть

она должна поддерживать истину и провозглашать ее своим учением и своими действиями. Слово Божие ясно открывает, что эта истина — не просто знание, усвоенное человеческим разумом; это гораздо более необозримые «тайны благочестия», а именно воплощение, прославление и всемогущество Иисуса Христа (1 Тим. 3:16), Который Сам является Истиной (Иоанн. 14:6).

Уроки истории

Мысль об уничтожении оснований не нова. Вопрос, поднятый в Псалме 10, применим к народу Божию во все времена.

Египетские рабы не имели практически ничего, на что могла бы опираться их вера, и полностью зависели от милости своих языческих надзирателей, пока Моисей не пришел со Словом Божиим и великим деянием освобождения. Когда сыны Израилевы достигли пределов Земли Обетованной, языческие соседи всячески искушали их. Фактически, израильтяне поддались синкретизму. Они настолько приспособились к поведению хананеев, что стали приносить в жертву своих детей (Иер. 7). Суд Божий был суров. Он послал против них Вавилонскую империю, которая разорила их земли и увела их в плен. Основания были разрушены в буквальном смысле, поскольку вавилоняне сравнивали с землей стены Иерусалима и разрушили Храм, святое место жертвоприношений и центр их поклонения.

Но Бог не оставил Свой народ в плену и возвратил на родину. И снова они подверглись жестокому испытанию со стороны соседних культур — Греции и Рима. Когда пришел Иисус, он должен был стать краеугольным камнем основания (Еф. 2:20), однако строители Его отвергли (Мф. 21:42).

Римская империя была поистине плюралистическим обществом. Хотя римляне и утратили свои древние добродетели, они, в сущности, были очень терпимы. Кого они не могли терпеть, так это христиан. В годы гонений на христиан, если те не отказывались от своей веры, их лишали всяких гражданских прав, и смерть могла настичь их в любую минуту. Между тем правовая система Рима соблюдалась с необычайной аккуратностью.

Согласно историку Стивену Бенко, изучавшему антихристианскую пропаганду в имперском Риме, одной из главных причин жестокого преследования христиан было их заявление о том, что они обладают исключительной истиной. За время своего упадка культура Рима стала чем-то вроде постмодернистической культуры: она защищала культурный релятивизм (под контролем Рима, конечно) и достоверность всех религий (если только они воскурляли фимиам Цезарю). Отказ христиан признавать божественность императора был неслыханным «грехом». Как отметил Бенко, римлян больше всего уязвляло и приводило в бешенство то, что эти низкие, презренные рабы смеют претендовать на *абсолютную* истину.

Однако Церковь не пыталась приспособиться к окружающему миру. Она отказывалась ставить под угрозу свои принципы. Христианство вовсе не было популярным и приятным для общества, его презирали. Проповедь Евангелия осложнял тот факт, что всякого новообращенного ждал смертный приговор. (*Вот* она, реальная проблема церковного маркетинга.) Тысячи христиан приняли мученическую смерть, и все же Дух Святой продолжал вести людей ко Христу. В конечном счете, вся Римская империя со всем ее могуществом и величием преклонила колени перед Господом Иисусом Христом.

На протяжении всей истории у Церкви всегда имелось две возможности: идти в ногу со временем или противостоять ему. Одно можно утверждать: наиболее значимыми теологическими движениями в истории Церкви всегда были те, которые *противоречили* тенденциям времени.

В период Просвещения восемнадцатого столетия многие члены Церкви решили поддержать эпоху разума. Они отвергли веру в чудеса и сверхъестественное, интерпретировав христианство в соответствии с рационалистическими воззрениями. Это стало первой версией либерального христианства. И все же восемнадцатый век был также отмечен религиозным движением, которое шло *против* своего времени. Движение методистов в англоговорящих странах и пиелизм в лютеранстве противостояли просвещенческому рационализму со сверхъестественной, эмоциональной духовностью. В Америке век разума сопровождался великим пробуждением.

В девятнадцатом веке многие отвергли Просвещение и рационализм в пользу эмоциональности, субъективности и самопознания

романтизма. Это движение породило другой теологический либерализм, извращенную форму пиетизма, представлявшего христианство только как совокупность переживаний. Вместе с тем романтизм девятнадцатого века встретил противодействие со стороны новых богословских течений, категорически *противившихся* духу времени. Оксфордское течение в Англии подчеркивало значимость традиционной литургии и объективной догмы в век, одержимый чувствами и эмоциями. Это также было временем католического пробуждения, которое обратило в христианство экс-романтиков Джерарда Мэнли Хопкинса и Фрэнсиса Томпсона. Лютеранские богословы, например К.Ф.В. Вальтер, и реформатские теологи, такие как Чарльз Ходж и Чарльз Сперджен, соединили личное благочестие с доктринальной строгостью.

Экзистенциализм двадцатого века породил еще один вид либерального богословия, удививший христианство от его объективного содержания, однако наиболее крупные религиозные движения двадцатого века пошатнули незыблемые послышки своего времени. В Америке модернизм встретил сопротивление фундаментализма. Евангелические христиане подчеркивали проповедь Евангелия и укрепляли авторитет Библии. Конфессиональные церкви пережили борьбу против церкви в гитлеровской Германии, польское католичество подорвало основы коммунистического режима, восточное православие пережило советский режим.

По мнению Нила Постмана, образование должно быть «термостатическим». Когда в комнате становится слишком холодно, термостат включает обогрев. Когда комната слишком нагревается, термостат включает кондиционер. Термостат поддерживает баланс температур, сопротивляясь доминирующему климату. Постман говорит, что образованию необходимо то же самое. Когда культура статична и ограничена, образование должно развязать человеческое мышление. Когда культура постоянно изменяется, образование должно быть более стабильным. В визуальной среде, ориентированной на телевидение, школы как ничто другое должны уделять особое внимание чтению и письму.

И Церкви надлежит быть «термостатичной». В век холодного рассудка Церковь должна обращаться к богатому, яркому духовному наследию, подчеркивающему человеческие эмоции, но не за счет богословской целостности. В век эмоционального субъективизма

Церковь призвана воспитывать объективное мышление. В век пост-модерна термостатическая Церковь должна делать упор на мораль и истину.

Отец Иржи Попелушко, замученный коммунистами польский священник, говорил: «Христианин должен быть в мире как знак сопротивления». При коммунистическом режиме Церковь была подвержена самым жестоким гонениям в двадцатом веке. И хотя многие церковные чиновники сотрудничали с коммунистами, твердые в вере христиане оставались верными Богу, рискуя оказаться в стенах КГБ. Верующие восточной православной церкви в России сохранили свои древние литургии и богословие третьего века. Консервативные протестанты, баптисты, пятидесятники, кальвинисты и лютеране Западной Европы также оказывали сопротивление атеистическим тенденциям в обществе.

Для тех, кто в конечном счете разрушил коммунистический монолит, ознаменовав конец эпохи модерна, главной целью всегда была «истина». И опять диссидентов — от Солженицына до христианских мучеников, от Вацлава Гавела до активистов Солидарности — объединяли настойчивое требование истины и неприятие лжи.

Такое посвящение себя истине и нравственный героизм для западных постмодернистов, возможно, будет пустым звуком. Начиная приветственную речь на церемонии присуждения научных степеней в Гарварде в 1978 г., Солженицын упомянул о девизе этого университета — «Veritas» («истина» по-латыни). Его речь разоблачала западную безнравственность, материализм и безбожие. Солженицын нанес удар по самолюбию интеллектуального общества, спровоцировав ярость академиков и недовольные статьи в либеральной прессе. «Он считает себя обладателем Истины, — гласила передовица *New York Times*, произнося над ним высшее постмодернистическое проклятие, — и всюду видит только заблуждения, куда ни посмотрит». Майкл Новак, возможно, был более точен, назвав речь Солженицына «самым значимым религиозным документом нашего времени».

Обращение Солженицына касается постмодернистических вопросов с христианской точки зрения. Уже само название указывает на состояние постмодернистического общества: «Расколотый мир». Писатель утверждает традиционную культуру в противополо-

ложность всеохватывающей массовой культуре западного секуляризма. Он детально анализирует западный материализм и его озабоченность комфортом и благополучием, что, в конечном счете, лишает нас способности быть смелыми и жертвенными. Он сожалеет о том, что наши законы отделены от морали. «Общество едва ли может себя защитить перед лицом человеческого падения, например, защитить себя от злоупотребления свободой и от нравственного насилия, навязываемого молодежи, как например, от фильмов, переполненных порнографией, от преступлений и ужаса». Он публично критикует безответственность средств массовой информации и «телевизионное безумие» Запада. «Ваши ученые свободны в плане правовом, — говорит он, — однако они рабы преобладающего умонастроения в обществе». Он критикует «гуманизм, потерявший свои христианские корни», указывает на моральный износ «омертвевших формулировок Просвещения».

В речи Солженицына звучит критика современного мировоззрения и провозглашение христианской исторической позиции: «На пути от Ренессанса до наших дней мы накопили большой опыт, но потеряли представление о бытии Наивысшего Абсолюта, которое обуздывало наши страсти и безответственность. Мы слишком уповали на политику и социальные реформы — только для того, чтобы обнаружить, что у нас отняли самое дорогое: нашу духовную жизнь. Она втоптана в грязь толпой партийцев на Востоке и коммерсантов — на Западе».

Как коммунистический Восток, так и секулярный Запад терзает одна духовная болезнь.

Солженицын, так же как постмодернисты, верит в то, что век модерна закончился, и мы стоим на пороге чего-то нового: «Если мир не приблизился к своему концу, то он, несомненно, достиг некоторого переломного исторического момента, по значению равного, пожалуй, переходу от Средних веков к Ренессансу. Это потребует от нас духовного горения, мы должны будем подняться до новых высот видения, до нового понимания жизни, где нашу физическую природу не будут проклинать, как в Средневековье, и — что более важно — наше духовное “я” не будет втоптываться в грязь, как при модернизме».

Несмотря на сокрушительную критику в адрес Запада и Востока, актуальность которой стала еще более явной в свете событий,

последовавших за обращением 1978 г., Солженицын настроен оптимистично. Он заканчивает так: «Ни у кого в мире не остается иного пути, как только навстречу». Он призывает нас к «духовному горению».

Господь во святом храме Своем

«Когда разрушены основания, что сделает праведник?» Псалом дает нам ответ на этот вопрос, переключая наше внимание с того, что под силу человеку, на исповедание веры: «Господь во святом храме Своем, Господь, — престол Его на небесах» (Пс. 10:4).

Человек может разрушить все основания, но это никак не отразится на высшей Божией власти. Он правит. Он трансцендентно и объективно правит на Небесах. Более того, Он присутствует не только на Небе, но и на земле. Он не только на Небесном престоле, но и во святом храме Своем, в Церкви. Что бы ни происходило с культурой, дети Божии имеют твердое основание для уверенности, что Бог контролирует ситуацию и пребывает с нами всегда.

Псалом переключает наше внимание с того, что делает человек, на деяния, которые желает творить Бог. Он описывает страшную кару, ожидающую «нечестивого и любящего насилие» (Пс. 10:5). «Дождем прольет Он на нечестивых горящие угли, огонь и серу; и палящий ветер — их доля из чаши» (Пс. 10:6). Абсолютные ценности — реальность. Последствия неверия в них очевидны как на земле, так и в вечности. Абсолютные ценности воплощены в личности Самого Бога, «ибо Господь праведен, любит правду» (Пс. 10:7).

Когда рушатся основания, народ Божий может ожидать гонений. «Ибо вот, нечестивые натянули лук, стрелу свою приложили к тетиве, чтобы во тьме стрелять в правых сердцем» (Пс. 10:2). То, что враги веры стреляют «во тьме», свидетельствует о коварстве атак. Однако вместо того чтобы спастись бегством, вместо того чтобы улетать «на гору... как птица», верующий уповает на основание, которое не поколеблется никогда: «На Господа уповаю» (Пс. 10:1).

Обладая такой уверенностью, христиане могут согласиться с постмодернистами в том, что человеческое знание преходяще, как,

впрочем, проходящи культура и история. Между тем, «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Ев. 13:8).

«Ибо всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал; но слово Господне пребывает вовек; а это есть то слово, которое вам проповедано» (1 Пет. 1:24-25).

